

<http://icin.org.pl>

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
АНТ. П. ЧЕХОВА.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Съ двумя портретами — при I и XVII томахъ.

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПЬЕСЫ. Медвѣдь. Шутка въ одномъ дѣйствіи. — Предложеніе. Шутка въ одномъ дѣйствіи. — Ивановъ. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. — Лебединая пѣсня (Валхаса). Драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи. — Трагикъ по неволѣ. Шутка въ одномъ дѣйствіи. — Чайка. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.

INSTITUT
POLSKI LITERACKI I
BIBLIOTEKA
10-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 77
Tel. 26-68-63

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

ANT. LECHOVA

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. Марксы, Измайл. просп., № 29.

24.113/13-14

ПЬЕСЫ.

МЕДВѢДЬ.

Шутка въ одномъ дѣйствіи.

(Посвящена П. Н. Соловцову.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА:

Елена Ивановна Попова, вдовушка съ ямочками на щекахъ,
помѣщица.

Григорій Степановичъ Смирновъ, нестарый помѣщикъ.

Лука, лакей Поповой, старикъ.

Гостиная въ усадьбѣ Поповой.

I.

ПОПОВА (*въ глубокомъ траурѣ, не отрываетъ глазъ отъ фотографической карточки*) и ЛУКА.

Лука. Нехорошо, барыня... Губите вы себя только... Горничная и кухарка пошли по ягоды, всякое дыханіе радуется, даже кошка, и та свое удовольствіе понимаетъ и по двору гуляетъ, пташекъ ловить, а вы цѣльный день сидите въ комнатѣ, словно въ монастырѣ, и никакого удовольствія. Да, право! Почитай, ужъ годъ прошелъ, какъ вы изъ дому не выходите!..

Попова. И не выйду никогда... Зачѣмъ? Жизнь моя уже кончена. Онъ лежитъ въ могилѣ, я погребла себя въ четырехъ стѣнахъ... Мы оба умерли.

Лука. Ну, вотъ! И не слушалъ бы, право. Николай Михайловичъ померли, такъ тому и быть, Божья воля, царство имъ небесное... Погоревали—и будетъ, надо и честь знать. Не весь же вѣкъ плакать и трауръ носить. У меня тоже въ свое время старуха померла... Что жъ? Погоревалъ, поплакалъ съ мѣсяць, и будетъ съ нея, а сжили цѣльный вѣкъ Лазаря пѣть, то и старуха того не стоитъ (*вздыхаетъ*). Сосѣдей всѣхъ забыли... И сами не вздите, и принимать не велите. Живемъ, извините, какъ пауки,—свѣта бѣлаго не видимъ. Ливрею мыши съѣли. Добро бы хорошихъ людей не было, а то вѣдь поля въ уѣздѣ господь... Въ Рыбловѣ полкъ стоитъ, такъ офицеры—чистыя конфеты не поглядисься! А въ лагеряхъ, что ни пятница, то балъ, и, почитай, каждый день военная оркестра музыку играетъ...

Эхъ, барыня-матушка! Молодая, красивая, кровь съ молокомъ,—только бы и жить въ свое удовольствіе... Красота-то вѣдь не навѣки дадена! Пройдетъ годовъ десять, сами захотите навой пройтись да господамъ офицерамъ въ глаза пылъ пустить, анъ поздно будетъ.

Попова (*рѣшительно*). Я прошу тебя никогда не говорить мнѣ объ этомъ! Ты знаешь, съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Николай Михайловичъ, жизнь потеряла для меня всякую цѣну. Тебѣ кажется, что я жива, но это только кажется! Я дала себѣ клятву до самой могилы не снимать этого траура и не видѣть свѣта... Слышишь? Пусть тѣнь его видить, какъ я люблю его... Да, я знаю, для тебя не тайна, онъ часто бывалъ несправедливъ ко мнѣ, жестокъ и... и даже невѣренъ, но я буду вѣрна до могилы и докажу ему, какъ я умѣю любить. Тамъ, по ту сторону гроба, онъ увидитъ меня такую же, какою я была до его смерти...

Лука. Чѣмъ эти самыя слова, пошли бы лучше по саду погуляли, а то велѣли бы запрячь Теби или Великана и къ сосѣдямъ въ гости...

Попова. Ахъ!.. (*плачетъ*).

Лука. Барыня!.. Матушка!.. Что вы? Христось съ вами!

Попова. Онъ такъ любилъ Теби! Онъ всегда ѣздилъ на немъ къ Корчагинимъ и Власовымъ. Какъ онъ чудно правилъ! Сколько граціи было въ его фигурѣ, когда онъ изо всей силы натягивалъ вожжи! Помнишь? Теби, Теби! Прикажи дать ему сегодня лишнюю осьмушку овса.

Лука. Слушаю!

(*Рѣзкій звонокъ*).

Попова (*вздрагиваетъ*). Кто это? Скажи, что я никого не привѣтаю!

Лука. Слушаю-съ! (*уходитъ*).

II.

ПОПОВА (*одна*).

Попова (*глядя на фотографію*). Ты увидишь. Nicolas, какъ я умѣю любить и прощать... Любовь моя угаснетъ вмѣстѣ со мною, когда перестанетъ биться мое бѣдное сердце (*смыкаетъ, сквозь слезы*). И тебѣ не совѣстно? И паничка, вѣрная женка, занерла себя на замокъ и буду вѣрна тебѣ до могилы. а ты... и тебѣ не совѣстно, бутузъ? Измѣнялъ мнѣ, дѣлалъ сцены, по цѣлымъ недѣлямъ оставлялъ меня одну...

III.

ПОПОВА и ЛУКА.

Лука (*входитъ, встревоженно*). Сударыня, тамъ кто-то спрашиваетъ васъ. Хотите видѣть...

Попова. Но вѣдь ты сказалъ, что я со дня смерти мужа никого не принимаю?

Лука. Сказалъ, но онъ и слушать не хочетъ, говорить, что очень нужное дѣло.

Попова. Я не при-ни-ма-ю!

Лука. Я ему говорилъ, но... дѣлій какой-то... ругается и прямо въ комнату претъ... ужъ въ столовой стоитъ...

Попова (*разоруженно*). Хорошо, проси... Какіе невѣжи!

(Лука уходитъ).

Попова. Какъ тяжелы эти люди! Что имъ нужно отъ меня? Къ чему имъ нарушать мой покой? (*вздыхаетъ*). Нѣтъ, видно ужъ и вправду придется уйти въ монастырь... (*задумывается*). Да, въ монастырь...

IV.

ПОПОВА, ЛУКА и СМИРНОВЪ.

Смирновъ (*входя, Лука*). Болванъ, любвишь много разговаривать... Оселъ! (*увидѣвъ Попову, съ достоинствомъ*). Сударыня, честь имѣю представиться: отставной поручикъ артиллеріи, землевладѣлецъ Григорій Степановичъ Смирновъ! Вынужденъ безпокоить васъ по весьма важному дѣлу...

Попова (*не подавая руки*). Что вамъ угодно?

Смирновъ. Вашъ покойный супругъ, съ которымъ я нѣлъ честь быть знакомъ, остался мнѣ долженъ по двумъ акселамъ тысячу двѣсти рублей. Такъ какъ завтра мнѣ предстоитъ платежъ процентовъ въ земельный банкъ, то я просилъ бы васъ, сударыня, уплатить мнѣ деньги сегодня же.

Попова. Тысяча двѣсти... А за что мой мужъ остался вамъ долженъ?

Смирновъ. Онь покупалъ у меня овесъ.

Попова (*вздыхая, Лука*). Такъ ты же Лука, не забудь приказать, чтобы дали Тебѣ лишнюю ошмунку овса. (*Лука уходитъ, Смирнову*). Если Николай Михайловичъ остался вамъ долженъ, то, само собою разумеется, я заплачу; но

извините пожалуйста, у меня сегодня нѣтъ свободныхъ денегъ. Послѣзавтра вернется изъ города мой приказчикъ, и я прикажу ему уплатить вамъ, что слѣдуетъ, а пока я не могу исполнить вашего желанія... Къ тому же, сегодня исполнилось ровно семь мѣсяцевъ, какъ умеръ мой мужъ, и у меня теперь такое настроеніе, что я совершенно не расположена заниматься денежными дѣлами.

Смирновъ. А у меня теперь такое настроеніе, что, если я завтра не заплачу процентовъ, то долженъ буду вылетѣть въ трубу вверхъ ногами. У меня опишутъ имѣніе!

Попова. Послѣзавтра вы получите ваши деньги.

Смирновъ. Мнѣ нужны деньги не послѣзавтра, а сегодня.

Попова. Простите, сегодня я не могу заплатить вамъ.

Смирновъ. А я не могу ждать до послѣзавтра.

Попова. Чтѣ же дѣлать, если у меня сейчасъ нѣтъ!

Смирновъ. Стало-быть, не можете заплатить?

Попова. Не могу...

Смирновъ. Гм!.. Это ваше послѣднее слово?

Попова. Да, послѣднее.

Смирновъ. Послѣднее? Положительно?

Попова. Положительно.

Смирновъ. Покорнѣйше благодарю. Такъ и запишемъ (*пожимаетъ плечами*). А еще хотять, чтобы я былъ хладнокровенъ! Встрѣчается мнѣ сейчасъ по дорогѣ акцизный и спрашиваетъ: «отчего вы все сердитесь, Григорій Степановичъ?» Да помилуйте, какъ же мнѣ не сердиться? Нужны мнѣ до зарѣзу деньги... Выѣхалъ я еще вчера утромъ чуть-свѣтъ, объѣздить всѣхъ своихъ должниковъ, и хопъ, бы одинъ изъ нихъ заплатилъ свой долгъ! Измучился, какъ собака, почевалъ чортъ знаетъ гдѣ, — въ жидовской корчмѣ около водочнаго боченка... Наконецъ, приѣзжаю сюда за 70 верстъ отъ дому, надѣюсь получить, а меня угощаютъ «настроеніемъ!» Какъ же мнѣ не сердиться?

Попова. Я, кажется, ясно сказала: приказчикъ вернется изъ города, тогда и получите.

Смирновъ. Я приѣхалъ не къ приказчику, а къ вамъ! На кой дѣшій, извините за выраженіе, сдался мнѣ вашъ приказчикъ!

Попова. Простите, милостивый государь, я не привыкла къ этимъ страннымъ выраженіямъ, къ такому тону. Я васъ больше не слушаю (*быстро уходитъ*).

V.

СМИРНОВЪ (одинъ).

Смирновъ. Скажите, пожалуйста! Настроение... Семь мѣсяцевъ тому назадъ мужъ умеръ! Да мнѣ-то нужно платить проценты, или нѣтъ? Я васъ спрашиваю: нужно платить проценты, или нѣтъ? Ну, у васъ мужъ умеръ, настроеніе тамъ и всякіе фокусы... приказчикъ куда-то уѣхалъ, чортъ его возьми, а мнѣ что прикажете дѣлать? Улетѣть отъ своихъ кредиторовъ на воздушномъ шарѣ, что ли? Или разбѣжаться и трахнуть банкой о стѣну? Пріѣзжаю къ Груздеву—дома нѣтъ, Прошевичъ спрятался, съ Курицынымъ поругался на-смерть и чуть-было его въ окно не вышвырнулъ, у Мазутова—холерина, у этой—настроение. Ни одна капалья не платитъ! А все оттого, что я слишкомъ ихъ избаловалъ, что я нюня, тряпка, баба! Слишкомъ я съ ними деликатенъ! Ну, погодите же! Узнаете вы меня! Я не позволю шутить съ собою, чортъ возьми! Останусь и буду торчать здѣсь, пока она не заплатитъ! Брр!.. Какъ я золъ сегодня, какъ я золъ! Отъ злости всѣ поджилки трясутся и духъ захватило... Фуи, Боже мой, даже дурно дѣлается! (кричитъ). Человѣкъ!

VI.

СМИРНОВЪ и ЛУКА.

Лука (входитъ). Чего вамъ?

Смирновъ. Дай мнѣ квасу или воды!

(Лука уходитъ).

Смирновъ. Нѣтъ, какова логика! Человѣку нужны до зарѣзу деньги, въ пору вѣщаться, а она не платитъ, потому что, видите ли, не расположена заниматься денежными дѣлами!.. Настоящая женская, турнирная логика! Потому-то вотъ я никогда не люблю и не люблю говорить съ женщинами. Для меня легче сидѣть на бочкѣ съ порохомъ, чѣмъ говорить съ женщиной. Брр!.. Даже морозъ по-кожѣ деретъ—до такой степени разозлилъ меня этотъ шлейфъ! Стоитъ мнѣ хотя бы издали увидѣть поэтическое созданіе, какъ у меня отъ злости въ крахъ начинаются судороги. Просто хотъ караулъ кричи.

VII.
СМИРНОВЪ и ЛУКА.

Лука (*входитъ и подаетъ воду*). Барыня больны и не принимаютъ.

Смирновъ. Пошелъ!

(*Лука уходитъ*).

Смирновъ. Больны и не принимаютъ! Не нужно, не принимай... Я останусь и буду сидѣть здѣсь, пока не отдашь денегъ. Недѣлю будешь больна, и я недѣлю просижу здѣсь... Годъ будешь больна—и я годъ... Я свое возьму, матушка. Меня не тронешь трауромъ, да ямочками на щекахъ... Знаемъ мы эти ямочки! (*кричитъ въ окно*). Семень, распрягай! Мы не скоро уѣдемъ! Я здѣсь остаюсь! Скажешь тамъ на конюшнѣ, чтобы овса дали лошадямъ! Опять у тебя, скотина, лѣвая пристяжная запуталась въ вожжу! (*бразнитъ*). Ничаво... Я тебѣ задамъ—ничаво! (*отходитъ отъ окна*). Скверно... жара невыносимая, денегъ никто не платитъ, плохо ночь спать, а тутъ еще этотъ траурный шлейфъ съ настроеніемъ... Голова болитъ... Водки выпить, что ли? Пожалуй, выпью (*кричитъ*). Человѣкъ!

Лука (*входитъ*). Что вамъ?

Смирновъ. Дай рюмку водки!

(*Лука уходитъ*).

Смирновъ. Уфъ! (*сидится и олядываетъ себя*). Нечего сказать, хороша фигура! Весь въ пыли, сапоги грязные, не умытъ, не чесанъ, на жилеткѣ солома... Барынька, чего добраго, меня за разбойника приняла (*зываетъ*). Немножко невѣжливо являться въ гостиную въ такомъ видѣ, ну, да ничего... я тутъ не гость, а кредиторъ, для кредиторовъ же костюмъ не писанъ...

Лука (*входитъ и подаетъ водку*). Много вы позволяете себѣ, сударь...

Смирновъ (*сердито*). Что?

Лука. Я... я ничего... я собственно...

Смирновъ. Съ кѣмъ ты разговариваешь?! Молчать!

Лука (*въ сторону*). Навязался, лѣшій, на нашу голову... Принесла нелегкая...

(*Лука уходитъ*).

Смирновъ. Ахъ, какъ я золь! Такъ золь, что, кажется,

весь свѣтъ стеръ бы въ порошокъ... Даже дурно дѣлается...
(кричитъ). Человѣкъ!

VIII.

ПОПОВА и СМІРНОВЪ.

Попова (*входитъ, опустивъ глаза*). Милостивый государь, въ своемъ уединеніи я давно уже отвыкла отъ человѣческаго голоса и не выношу крика. Пропу васъ убѣдительно, не нарушайте моего покоя!

Смирновъ. Заплатите мнѣ деньги, и я уѣду.

Попова. Я сказала вамъ русскимъ языкомъ: денегъ у меня свободныхъ теперь нѣтъ, погодите до послѣзавтра.

Смирновъ. Я тоже имѣлъ честь сказать вамъ русскимъ языкомъ: деньги нужны мнѣ не послѣзавтра, а сегодня. Если сегодня вы мнѣ не заплатите, то завтра я долженъ буду повѣситься.

Попова. Но что же мнѣ дѣлать, если у меня нѣтъ денегъ? Какъ странно!

Смирновъ. Такъ вы сейчасъ не заплатите? Нѣтъ?

Попова. Не могу...

Смирновъ. Въ такомъ случаѣ я остаюсь здѣсь и буду сидѣть, пока не получу... (*садится*). Послѣзавтра заплатите? Отлично! Я до послѣзавтра просижу такимъ образомъ. Вотъ такъ и буду сидѣть... (*вскакиваетъ*). Я васъ спрашиваю: мнѣ нужно заплатить завтра проценты, или нѣтъ?.. Или вы думаете, что я шучу?

Попова. Милостивый государь, прошу васъ, не кричать! Здѣсь не конюшня!

Смирновъ. Я васъ не о конюшнѣ спрашиваю, а о томъ, — нужно мнѣ платить завтра проценты, или нѣтъ?

Попова. Вы не умѣете держать себя въ женскомъ обществѣ!

Смирновъ. Нѣтъ-съ, я умѣю держать себя въ женскомъ обществѣ!

Попова. Нѣтъ, не умѣете! Вы невоспитанный, грубый человѣкъ! Порядочные люди не говорятъ такъ съ женщинами!

Смирновъ. Ахъ, удивительное дѣло! Какъ же прикажете говорить съ вами? По-французски, что ли? (*злится и сюсюкаетъ*). Мадамъ, же ву при... какъ я счастливъ, что вы не платите мнѣ денегъ... Ахъ, шардонъ, что обезюконилъ

васть! Такая сегодня предестная погода! И этот трауръ такъ къ лицу вамъ! (*растаркивается*).

Попова. Не умно и грубо.

Смирновъ (*оризитъ*). Не умно и грубо! Я не умѣю держать себя въ женскомъ обществѣ! Сударыня, на своемъ вѣку я видѣлъ женщинъ гораздо больше, чѣмъ вы воробьевъ! Три раза я стрѣлялся на дуэли изъ-за женщинъ, двѣнадцать женщинъ я бросилъ, девять бросили меня! Да-съ! Было время, когда я ломалъ дурака, миндальничалъ, медоточилъ, рассыпался бисеромъ, шаркалъ погамн... Любилъ, страдалъ, вздыхалъ на луну, расписалъ, таялъ, холодѣлъ... Любилъ страстно, обшенио, на всякія манеры, чортъ меня возьми, трещалъ какъ сорока, объ эмансипации, прожилъ на ибжномъ чувствѣ половину состоянія, но теперь—слуга покорный! Теперь меня не проведете! Довольно! Очи черныя, очи страстныя, алія губки, ямочки на щекахъ, луна, шопеть, робкое дыхайте—за все это, сударыня, я теперь и мѣднаго гроша не дамъ! Я не говорю о присутствующихъ, но все женщины, отъ мала до велика, ломачи, кривляки, сидетницы, ненавистницы, лгуншики до мозга костей, суетны, мелочны, безжалостны, логика возмутительная, а что касается вотъ этой штуки (*хлопаетъ себя по лбу*), то, извините за откровенность, воробей побому философу въ юбкѣ можетъ дать десять очковъ впередъ! Посмотришь на иное поэтическое созданье: кисея, эфиръ, полубогиня, миллионъ восторговъ, а заглянешь въ душу—обыкновеннѣйшій крокодилъ! (*Хватается за сидушку стула, стулъ трещитъ и ломается*). Но возмутительнѣе всего, что этотъ крокодилъ почему-то воображаетъ, что его шедевръ, его привилегія и монополія—ибжное чувство! Да чортъ побори совѣсть, повѣсьте меня вотъ на этомъ гвоздѣ вверхъ погамн, — развѣ женщина умѣетъ любить кого-нибудь, кромѣ болонокъ?.. Въ любви она умѣетъ только хныкать и распускать нюни! Гдѣ мужчина страдаетъ и жертвуетъ, тамъ вся ея любовь выражается только въ томъ, что она вертитъ шлейфомъ и старается покрѣпче схватить за носъ. Вы имѣете несчастье быть женщиной, стало-быть, по себѣ самой знаете женскую натуру. Скажите же мнѣ по совѣсти: видѣли ли вы на своемъ вѣку женщину, которая была бы искренна, вѣрна и постоянна? Не видѣли! Вѣрны и постоянны одни только старухи да уроды! Скорѣе

вы встрѣтите рогаіую кошку или бѣлаго вальдшнепа, чѣмъ постоянную женщину!

Попова. Позвольте, такъ кто же, по-вашему, вѣренъ и постояннъ въ любви? Не мужчина ли?

Смирновъ. Да-съ, мужчина!

Попова. Мужчина (*злой смѣхъ*). Мужчина вѣренъ и постояннъ въ любви! Скажите, какая новость! (*горячо*). Да какое вы имѣете право говорить это? Мужчины вѣрны и постоянны! Коли на то пошло, такъ я вамъ скажу, что изъ всѣхъ мужчинъ, какихъ только я знала и знаю, самымъ лучшимъ былъ мой покойный мужъ... Я любила его страстно, всѣмъ своимъ существомъ, какъ можетъ любить только молодая, мыслящая женщина: я отдала ему свою молодость, счастье, жизнь, свое состояніе, дышала имъ, молилась на него, какъ язычница, и... и — что же? Этотъ лучший изъ мужчинъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ обманывалъ меня на каждомъ шагу! После его смерти я нашла въ его столѣ полный ящикъ любовныхъ писемъ, а при жизни — ужасно вспомнить! — онъ оставлялъ меня одну по цѣлымъ недѣлямъ, на моихъ глазахъ ухаживалъ за другими женщинами и измѣнялъ мнѣ, сорилъ моими деньгами, шутилъ надъ моимъ чувствомъ... И, несмотря на все это, я любила его и была ему вѣрна... Мало того, онъ умеръ, а я все еще вѣрна ему и постоянна. Я навѣки погребла себя въ четырехъ стѣнахъ и до самой могилы не сниму этого траура...

Смирновъ (*презрительный смѣхъ*). Трауръ!.. Не понимаю, за кого вы меня принимаете? Точно я не знаю, для чего вы носите это черное домино и погребли себя въ четырехъ стѣнахъ! Еще бы! Это такъ таинственно, поэтично! Проѣдетъ мимо усадьбы какой-нибудь юнкеръ или куций поэтъ, взглянетъ на окна и подумаетъ: «Здѣсь живетъ таинственная Тамара, которая изъ любви къ мужу погребла себя въ четырехъ стѣнахъ». Знаемъ мы эти фокусы!

Попова (*вспыхнувъ*). Что? Какъ вы смѣете говорить мнѣ все это?

Смирновъ. Вы погребли себя заживо, однако вотъ не позабыли напудриться!

Попова. Да какъ вы смѣете говорить со мною такимъ образомъ?

Смирновъ. Не кричите, пожалуйста, я вамъ не приказчикъ! Позвольте мнѣ называть вещи настоящими ихъ име-

нами. Я не женщина и привыкъ высказывать свое мнѣніе прямо! Не извольте же кричать!

Попова. Не я кричу, а вы кричите! Извольте оставить меня въ покоѣ!

Смирновъ. Заплатите мнѣ деньги, и я уйду.

Попова. Не дамъ я вамъ денегъ!

Смирновъ. Нѣтъ-съ, дадите!

Попова. Вотъ на зло же вамъ, ни копейки не получите! Можете оставить меня въ покоѣ!

Смирновъ. Я не имѣю удовольствія быть ни вашимъ супругомъ, ни женихомъ, а потому, пожалуйста, не дѣлайте мнѣ сценъ (*садится*). Я этого не люблю.

Попова (*задыхаясь отъ гнѣва*). Вы сѣли?

Смирновъ. Сѣлъ.

Попова. Прошу васъ уйти!

Смирновъ. Отдайте деньги... (*въ сторону*). Ахъ, какъ я золъ! Какъ я золъ!

Попова. Я не желаю разговаривать съ нахалами! Извольте убираться вонъ! (*пауза*). Вы не уйдете? Нѣтъ?

Смирновъ. Нѣтъ.

Попова. Нѣтъ?

Смирновъ. Нѣтъ!

Попова. Хорошо же! (*звонитъ*).

IX.

ТЪ ЖЕ и ЛУКА.

Попова. Лука, выведи этого господина!

Лука (*подходитъ къ Смирнову*). Сударь, извольте уходить, когда велятъ! Нечего тутъ...

Смирновъ (*вскакивая*). Молчать! Съ кѣмъ ты разговариваешь? Я изъ тебя салатъ едѣлаю!

Лука (*хватается за сердце*). Батюшки!.. Угодники!.. (*падаетъ въ кресло*). Охъ, дурно, дурно! Духъ захватило!

Попова. Гдѣ же Даша? Даша! (*кричитъ*). Даша! Пелагея! Даша! (*звонитъ*).

Лука. Охъ! Всѣ по ягоды ушли... Никого дома нѣту... Дурно! Воды!

Попова. Извольте убираться вонъ!

Смирновъ. Не угодно ли вамъ быть повѣжливѣе?

Попова (*сжимая кулаки и топая ногами*). Вы мужикъ! Грубый медвѣдь! Бурбонъ! Монстри!

Смирновъ. Какъ? Что вы сказали?

Попова. Я сказала, что вы медвѣдь, монстръ!

Смирновъ (*наступая*). Позвольте, какое же вы имѣете право оскорблять меня?

Попова. Да, оскорбляю... ну, такъ что же? Вы думаете, я васъ боюсь?

Смирновъ. А вы думаете, что, если вы поэтическое созданіе, то имѣете право оскорблять безнаказанно? Да? Къ барьеру!

Лука. Батюшки!.. Угодники!.. Воды!

Смирновъ. Стрѣляться!

Попова. Если у васъ здоровые кулаки и бычье горло, то, думаете, я боюсь васъ? А? Бурбонъ вы этакій!

Смирновъ. Къ барьеру! Я никому не позволю оскорблять себя и не посмотрю на то, что вы женщина, слабое созданіе!

Попова (*стараясь перекричать*). Медвѣдь! Медвѣдь! Медвѣдь!

Смирновъ. Пора, наконецъ, отрѣшиться отъ предрасудка, что только одни мужчины обязаны платить за оскорбленія! Равноправность, такъ равноправность, чортъ возьми! Къ барьеру!

Попова. Стрѣляться хотите? Извольте!

Смирновъ. Сію минуту!

Попова. Сію минуту! Послѣ мужа остались пистолеты... Я сейчасъ принесу ихъ сюда... (*торопливо идетъ и возвращается*). Съ какимъ наслажденіемъ я вѣблю пулю въ вашъ мѣдный лобъ! Чортъ васъ возьми! (*уходитъ*).

Смирновъ. Я подстрѣлю ее, какъ цыпленка! Я не мальчишка, не сентиментальный щенокъ, для меня не существуетъ слабыхъ созданій!

Лука. Батюшка родимый!.. (*становится на колѣни*). Сдѣлай такую милость, пожалѣй меня, старика, уйди ты отсюда! Напужалъ до смерти, да еще стрѣляться собираешься!

Смирновъ (*не слушая его*). Стрѣляться, вотъ это и есть равноправность, эмансипація! Тутъ оба пола равны! Подстрѣлю ее изъ принципа! Но какова женщина? (*дразнитъ*). «Чортъ васъ возьми... вѣблю пулю въ мѣдный лобъ»... Какова? Раскраснѣлась, глаза блестятъ... Вызовъ приняла! Честное слово, первый разъ въ жизни такую вижу...

Лука. Батюшка, уйди! Заставь вѣчно Бога молить!

Смирновъ. Это—женщина! Вотъ это я понимаю! Настоящая женщина! Не кислятина, не размазня, а огонь, порохъ, ракета! Даже убивать жалко!

Лука (*плачетъ*). Батюшка... родимый, уйди!

Смирновъ. Она мнѣ положительно нравится! Положительно! Хоть и ямочки на щекахъ, а нравится! Готовъ даже долгъ ей простить... и злость прошла... Удивительная женщина!

Х.

ТЪ ЖЕ и ПОПОВА.

Попова (*входитъ съ пистолетами*). Вотъ они пистолеты... Но, прежде чѣмъ будемъ драться, вы извольте показать мнѣ, какъ нужно стрѣлять... Я ни разу въ жизни не держала въ рукахъ пистолета.

Лука. Спаси, Господи, и помилуй... Пойду садовника и кучера поищу... Откуда эта напасть взялась на нашу голову... (*уходитъ*).

Смирновъ (*осматривая пистолеты*). Видите ли, существуетъ нѣсколько сортовъ пистолетовъ... Есть специально дуальные пистолеты Мортимера, капсульные. А это у васъ револьверы системы Смитъ и Вессонъ, тройного дѣйствія съ экстракторомъ, центрального боя... Прекрасные пистолеты!.. Цѣна такимъ минимумъ 90 рублей за пару... Держать револьверъ нужно такъ... (*въ сторону*). Глаза, глаза! Зажигательная женщина!

Попова. Такъ?

Смирновъ. Да, такъ... Засимъ вы поднимаете курокъ... вотъ такъ прицѣливаетесь... Голову немножко назадъ! Вытяните руку, какъ слѣдуетъ... Вотъ такъ... Потомъ вотъ этимъ пальцемъ надавливаете эту штучку— и больше ничего... Только главное правило: не горячиться и прицѣливаться не спѣша... Стараться, чтобъ не дрогнула рука.

Попова. Хорошо... Въ комнатахъ стрѣляться неудобно, пойдемте въ садъ.

Смирновъ. Пойдемте. Только предупреждаю, что я выстрѣлю въ воздухъ.

Попова. Этого еще не доставало! Почему?

Смирновъ. Потому что... потому что... Это мое дѣло, почему!

Попова. Вы струсли? Да? А-а-а-а! Нѣтъ, сударь, вы не

виляйте! Извольте идти за мною! Я не успокоюсь, пока не пробью вашего лба... вот этого лба, который я так ненавижу! Струсили?

Смирновъ. Да, струсилъ.

Попова. Лжете! Почему вы не хотите драться?

Смирновъ. Потому что... потому что вы... мнѣ нравитесь.

Попова (*злой смѣхъ*). Я ему нравлюсь! Онъ смѣетъ говорить, что я ему нравлюсь! (*указываетъ на дверь*). Можете.

Смирновъ (*молча кладетъ револьверъ, беретъ фуражку и идетъ; около двери останавливается, полминуты оба молча глядятъ другъ на друга; затѣмъ онъ говоритъ, нерышительно подходя къ Поповой*). Послушайте... Вы все еще сердитесь?.. Я тоже чертовски взбѣшенъ, но, понимаете ли... какъ бы такъ выразиться... Дѣлю въ томъ, что, видите ли, такого рода исторія, собственно говоря... (*кричитъ*). Ну, да, развѣ я виноватъ, что вы мнѣ нравитесь? (*хватается за спинку стула, стулъ трещитъ и ломается*). Чортъ знаетъ, какая у васъ ломкая мебель! Вы мнѣ нравитесь! Понимаете? Я... я почти влюбленъ!

Попова. Отойдите отъ меня,—я васъ ненавижу!

Смирновъ. Боже, какая женщина! Никогда въ жизни не видалъ ничего подобнаго! Проналъ! Погибъ! Попадь въ мышеловку, какъ мышь!

Попова. Отойдите прочь, а то буду стрѣлять!

Смирновъ. Стрѣляйте! Вы не можете понять, какое счастье умереть подъ взглядами этихъ чудныхъ глазъ, умереть отъ револьвера, который держитъ эта маленькая бархатная ручка... Я съ ума сошелъ! Думайте и рѣшайте сейчасъ, потому что если я выйду отсюда, то ужъ мы больше никогда не увидимся! Рѣшайте... Я дворянинъ, порядочный человекъ, имѣю десять тысячъ годового дохода... попадаю пулей въ подороженную копейку... имѣю отличныхъ лошадей... Хотите быть моею женой?

Попова (*возмущенная, потрясаетъ револьверомъ*). Стрѣляйтесь! Къ барьеру!

Смирновъ. Сошелъ съ ума... Ничего не понимаю... (*кричитъ*). Человекъ, воды!

Попова (*кричитъ*). Къ барьеру!

Смирновъ. Сошелъ съ ума, влюбился, какъ мальчишка, какъ дуракъ! (*хватаетъ ее за руку, она вскрикиваетъ отъ боли*). Я люблю васъ! (*становится на колѣни*). Люблю,

какъ никогда не любить! Двѣнадцать женщинъ я бросилъ, девять бросили меня, но ни одну изъ нихъ я не любилъ такъ, какъ васъ... Разлимонился, разсиропился, раскисъ... стою на колѣняхъ, какъ дуракъ, и предлагаю руку... Стыдъ, срамъ! Пять лѣтъ не влюблялся, далъ себѣ зарокъ, и вдругъ втюрился, какъ оглобля въ чужой кузовъ! Руку предлагаю. Да или нѣтъ? Не хотите? Не нужно! *(остаетъ и быстро идетъ къ двери)*.

Попова. Пойдите...

Смирновъ *(останавливается)*. Ну?

Попова. Ничего, уходите... Впрочемъ, пойдите... Нѣтъ, уходите, уходите! Я васъ ненавижу! Или нѣтъ... Не уходите! Ахъ, если бы вы знали, какъ я зла, какъ я зла! *(бросаетъ на столъ револьверъ)*. Отекли пальцы отъ этой мерзости... *(рветъ отъ злости платокъ)*. Что же вы стоите? Убирайтесь!

Смирновъ. Прощайте.

Попова. Да, да, уходите!.. *(кричитъ)*. Куда же вы? Пойдите... Ступайте, впрочемъ. Ахъ, какъ я зла! Не подходите, не подходите!

Смирновъ *(подходя къ ней)*. Какъ я на себя золъ! Влюбился, какъ гимназистъ, стоялъ на колѣняхъ... Даже морозъ по кожѣ деретъ... *(грубо)*. Я люблю васъ! Очень мнѣ нужно было влюбляться въ васъ! Завтра проценты платить, сѣнокосъ начался, а тутъ вы... *(беретъ ее за талию)*. Никогда этого не прощу себѣ...

Попова. Отойдите прочь! Прочь руки! Я васъ... ненавижу! Къ ба-барьеру! *(продолжительный поцѣлуй)*.

XI.

ТЪ ЖЕ, ЛУКА съ топоромъ, САДОВНИКЪ съ граблями, КУЧЕРЪ съ вилами и РАБОЧІЕ съ дрекольемъ.

Лука *(увидѣвъ цѣлющуюся парочку)*. Батюшки! *(пауза)*.

Попова *(опустивъ глаза)*. Лука, скажешь тамъ, на конюшнѣ, чтобы сегодня Тоби вовсе не давали овса.

Занавѣсъ.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ.

Шутка въ одномъ дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Степанъ Степановичъ Чубуковъ, помѣщикъ.

Наталья Степановна, его дочь, 25-ти лѣтъ.

Иванъ Васильевичъ Ломовъ, сосѣдь Чубукова. здоровый, уштан-
ный, но очень мнительный помѣщикъ.

Дѣйствіе происходитъ въ усадьбѣ Чубукова.

Гостинная въ домѣ Чубукова.

І.

ЧУБУКОВЪ и **ЛОМОВЪ** (*входитъ во фракъ и бѣлыя перчаткахъ*).

Чубуковъ (*идя къ нему навстрѣчу*). Голубушка, кого вижу! Иванъ Васильевичъ! Весьма радъ! (*пожимаетъ руку*). Вотъ именно сюрпризъ, мамочка... Какъ поживаете?

Ломовъ. Благодарю васъ. А вы какъ изволите поживать?

Чубуковъ. Живемъ помаленьку, ангель мой, вашими молитвами и прочее. Садитесь, покорнѣйше прошу... Вотъ именно, нехорошо сосѣдей забывать, мамочка моя. Голубушка, но что же вы это такъ официально? Во фракъ, въ перчаткахъ и прочее. Развѣ куда ѣдете, драгоценный мой?

Ломовъ. Нѣтъ, я только къ вамъ, уважаемый Степанъ Степанычъ.

Чубуковъ. Такъ зачѣмъ же во фракъ, прелесть? Точно на Новый годъ съ визитомъ!

Ломовъ. Видите ли, въ чемъ дѣло (*беретъ ея подъ руку*). Я прѣхалъ къ вамъ, уважаемый Степанъ Степанычъ, чтобы обезпочить васъ одною просьбою. Неоднократно я уже имѣлъ честь обратиться къ вамъ за помощью, и всегда вы, такъ сказать... но я, простите, волнуюсь. Я выпью воды, уважаемый Степанъ Степанычъ (*пьетъ воду*).

Чубуковъ (*съ стороны*). Денегъ прѣхалъ просить! Не дамъ! (*ему*). Въ чемъ дѣло, красавецъ?

Ломовъ. Видите ли, Уважай Степанычъ... винсвать, Степанъ Уважаемычъ... то-есть, я ужасно волнуюсь, какъ изволите видѣть... Однимъ словомъ, вы одинъ только можете

помочь мнѣ, хотя, конечно, я ничѣмъ не заслужилъ и... и не имѣю права разсчитывать на вашу помощь...

Чубуковъ. Ахъ, да не размазываютъ, мамочка! Говорите сразу! Ну?

Ломовъ. Сейчасъ... Сію минуту. Дѣло въ томъ, что я пріѣхалъ просить руки у вашей дочери Натальи Степановны.

Чубуковъ (*радостно*). Мамуся! Иванъ Васильевичъ! Повторите еще разъ,—я не слышалъ!

Ломовъ. Я имѣю честь просить...

Чубуковъ (*перебивая*). Голубушка моя... Я такъ радъ и прочее... Вотъ именно и тому подобное (*обнимаетъ и целуетъ*). Давно желалъ. Это было моимъ всегдашнимъ желаніемъ (*шлепаетъ слезу*). И всегда я любилъ васъ, ангель мой, какъ родного сына. Дай Богъ вамъ обоимъ совѣтъ и любовь и прочее, а я весьма желалъ... Что же я стою, какъ болванъ? Оиѣшилъ отъ радости, совѣтъ оиѣшилъ! Охъ, я отъ души... Пойду, позову Натану и тому подобное.

Ломовъ (*расстроанный*). Уважаемый Степанъ Степановичъ, какъ вы полагаете, могу я разсчитывать на ея согласіе?

Чубуковъ. Такой, вотъ изрѣчно, красавецъ и... и вдругъ она не согласится! Влюблена, небось, какъ конка и прочее... Сейчасъ! (*уходитъ*).

II.

ЛОМОВЪ (*одинъ*).

Ломовъ. Холодно... Я весь дрожу, какъ передъ экзаменомъ. Главное — нужно рѣшиться. Если же долго думать, колебаться, много разговаривать, да ждать идеала или настоящей любви, то этакъ никогда не женишься... Брр!.. Холодно! Наталья Степановна отличная хозяйка, недурна, образована... чего жъ мнѣ еще нужно? Однако у меня ужъ начинается отъ волненія шумъ въ ушахъ (*пьетъ воду*). А не жениться мнѣ нельзя... Во-первыхъ, мнѣ уже 35 лѣтъ—возрастъ, такъ сказать, критическій. Во-вторыхъ, мнѣ нужна правильная, регулярная жизнь... У меня порокъ сердца, постоянныя сердцебиенія, я вспыльчивъ и всегда ужасно волнуясь... Сейчасъ вотъ у меня губы дрожать и на правомъ вѣкѣ живчикъ прыгаетъ... Но самое ужасное у меня—это сонъ. Едва только лягу въ постель и только-что начну засыпать, какъ вдругъ въ лѣвомъ боку что-то — дергъ! и бьетъ прямо въ плечо и въ голову... Вскакиваю, какъ су-

маспедній, похожу немного и опять ложусь, но только-что начну засыпать, какъ у меня въ боку опять — дергъ! И такъ разъ двадцать...

III.

НАТАЛЬЯ СТЕПАНОВНА и ЛОМОВЪ.

Наталья Степановна (*входитъ*). Ну, вотъ! Это вы, а папа говоритъ: поди, тамъ купецъ за товаромъ пришелъ. Здравствуйте, Иванъ Васильевичъ!

Ломовъ. Здравствуйте, уважаемая Наталья Степановна!

Наталья Степановна. Извините, я въ фартукъ и negligé... Мы горошекъ чистимъ для сушки. Отчего вы у насъ такъ долго не были? Садитесь... (*салятся*). Хотите завтракать?

Ломовъ. Нѣтъ, благодарю васъ, я уже кушалъ.

Наталья Степановна. Курите... Вотъ спички... Погода великолѣпная, а вчера такой дождь былъ, что рабочіе весь день ничего не дѣлали. Вы сколько копенья покосили? Я представьте, сжидничала и скосила весь лугъ, а теперь сама не рада, боюсь, какъ бы мое сѣно не сгнило. Лучше было бы подождать. Но что это? Вы, кажется, во фракъ! Вотъ новость! На балъ ѣдете, что ли? Между прочимъ, вы похорошѣли... Виравду, зачѣмъ вы такимъ франтомъ?

Ломовъ (*волнуясь*). Видите ли, уважаемая Наталья Степановна... Дѣло въ томъ, что я рѣшился просить васъ выслушать меня... Конечно, вы удивитесь и даже разсердитесь, но я... (*въ сторону*). Ужасно холодно!

Наталья Степановна. Въ чемъ дѣло? (*пауза*). Ну?

Ломовъ. Я постараюсь быть кратокъ. Вамъ, уважаемая Наталья Степановна, извѣстно, что я давно уже, съ самаго дѣтства, имѣю честь знать ваше семейство. Моя покойная тетушка и ея супругъ, отъ которыхъ я, какъ вы изволите знать, получилъ въ наслѣдство землю, всегда относились съ глубокимъ уваженіемъ къ вашему батюшкѣ и къ покойной матушкѣ. Родъ Ломовыхъ и родъ Чубуковыхъ всегда находились въ самыхъ дружественныхъ и, можно даже сказать, родственныхъ отношеніяхъ. Къ тому же, какъ вы изволите знать, моя земля тѣсно соприкасается съ вашею. Если вы изволите припомнить, мои Воловыи Лужки граничатъ съ вашимъ березнякомъ.

Наталья Степановна. Виновата, я васъ перебыю. Вы говорите «мои Воловыи Лужки»... Да развѣ они ваши?

Ломовъ. Мои-съ...

Наталья Степановна. Ну, вотъ еще! Воловьи Лужки наши, а не ваши!

Ломовъ. Нѣтъ-съ, мои, уважаемая Наталья Степановна.

Наталья Степановна. Это для меня новость. Откуда же они ваши?

Ломовъ. Какъ откуда? Я говорю про тѣ Воловьи Лужки, что входятъ клиномъ между вашимъ березнякомъ и Горьлымъ болотомъ.

Наталья Степановна. Ну, да, да... Они наши...

Ломовъ. Нѣтъ, вы ошибаетесь, уважаемая Наталья Степановна,—они мои.

Наталья Степановна. Опомнитесь, Иванъ Васильевичъ! Давно ли они стали вашими?

Ломовъ. Какъ давно? Насколько я себя помню, они-всегда были нашими.

Наталья Степановна. Ну, это, положимъ, извините!

Ломовъ. Изъ бумагъ это видно, уважаемая Наталья Степановна. Воловьи Лужки были когда-то спорными, это — правда; но теперь всѣмъ извѣстно, что они мои. И спорить тутъ нечего. Изволите ли видѣть, бабушка моей тетюшки отдала эти Лужки въ безсрочное и въ безвозмездное пользованіе крестьянамъ дѣдушки вашего батюшки за то, что они жгли для нея кирпичъ. Крестьяне дѣдушки вашего батюшки пользовались безвозмездно Лужками лѣтъ сорокъ и привыкли считать ихъ какъ бы своими, потому же, когда вышло положеніе...

Наталья Степановна. И совсѣмъ не такъ, какъ вы рассказываете! И мой дѣдушка, и прадѣдушка считали, что ихняя земля доходила до Горьлова болота, — значить Воловьи Лужки были наши. Что жъ тутъ спорить? — не понимаю. Даже досадно!

Ломовъ. Я вамъ бумагу покажу, Наталья Степановна!

Наталья Степановна. Нѣтъ, вы просто шутите или дразните меня... Сюрпризъ какой! Владѣемъ землей чуть ли не триста лѣтъ, и вдругъ намъ заявляютъ, что земля не наша! Иванъ Васильевичъ, простите, но я даже ушамъ своимъ не вѣрю... Мнѣ не дороги эти Лужки. Тамъ всего пять десятинъ и стоятъ они какихъ-нибудь триста рублей, но меня возмущаетъ несправедливость. Говорите, что угодно, но несправедливости я терпѣть не могу.

Ломовъ. Выслушайте меня, умоляю васъ! Крестьяне дѣдушки вашего батюшки, какъ я уже имѣлъ честь сказать вамъ, жгли для бабушки моей тетюшки кирпичъ. Тетюшкина бабушка, желая сдѣлать имъ пріятное...

Наталья Степановна. Дѣдушка, бабушка, тетюшка... ничего я тутъ не понимаю! Лужки наши, вотъ и все.

Ломовъ. Мои-съ!

Наталья Степановна. Наши! Хотя вы два дня доказывайте, хоть надѣньте лятнадцать фраковъ, а они наши, наши, наши!.. Вашего я не хочу и своего терять не желаю... Какъ вамъ угодно!

Ломовъ. Мнѣ, Наталья Степановна, Лужковъ не надо, но я изъ принципа. Если угодно, то, извольте, я вамъ подарю ихъ.

Наталья Степановна. Я сама могу подарить вамъ ихъ, они мои!.. Все это, по меньшей мѣрѣ, странно, Иванъ Васильевичъ! До сихъ поръ мы васъ считали хорошимъ сосѣдомъ, другомъ, въ прошломъ году давали вамъ свою молотилку, и черезъ это самимъ намъ пришлось домолачивать свой хлѣбъ въ ноябрѣ, а вы поступаете съ нами, какъ съ цыганами. Дарите мнѣ мою же землю. Извините, это не по-сосѣдски! По-моему, это даже дерзость, если хотите...

Ломовъ. По-вашему выходить, значить, что я узурпаторъ? Сударыня, никогда я чужихъ земель не захватывалъ и обвинять меня въ этомъ никому не позволю... (*быстро идетъ къ графину и пьетъ воду*). Воловы Лужки мои!

Наталья Степановна. Неправда, наши!

Ломовъ. Мои!

Наталья Степановна. Неправда! Я вамъ докажу! Сегодня же пошлю своихъ косарей на эти Лужки!

Ломовъ. Что-съ?

Наталья Степановна. Сегодня же тамъ будутъ мои косари!

Ломовъ. А я ихъ въ шею!

Наталья Степановна. Не смѣете!

Ломовъ (*хватается за сердце*). Воловы Лужки мои! Понимаете? Мои!

Наталья Степановна. Не кричите, пожалуйста! Можете кричать и хрипѣть отъ злобы у себя дома, а тутъ прошу держать себя въ границахъ!

Ломовъ. Если бы, сударыня, не это страшное, мучительное сердцебиеніе, если бы жилы не стучали въ вискахъ,

то я поговорить бы съ вами иначе! (*кричитъ*). Воловыи Лужки мои!

Наталья Степановна. Наши!

Ломовъ. Мои!

Наталья Степановна. Наши!

Ломовъ. Мои!

IV.

ТЪ ЖЕ и ЧУБУКОВЪ.

Чубуковъ (*входя*). Что такое? О чемъ кричите?

Наталья Степановна. Папа, объясни, пожалуйста, этому господину, кому принадлежать Воловыи Лужки: намъ или ему?

Чубуковъ (*ему*). Цыпочка, Лужки наши!

Ломовъ. Да помилуйте, Степанъ Степанычъ, откуда они ваши? Будьте хоть вы разсудительнымъ человѣкомъ! Бабушка моей тетушки отдала Лужки во временное, безвозмездное пользованіе крестьянамъ вашего дѣдушки. Крестьяне пользовались землей сорокъ лѣтъ и привыкли къ ней, какъ бы къ своей, когда же вышло положеніе...

Чубуковъ. Позвольте, драгоценный... Вы забываете, что именно крестьяне не платили вашей бабушкѣ и тому подобное, потому что Лужки тогда были спорными и прочее.. А теперь всякая собака знаетъ, вотъ именно, что они наши. Вы, значитъ, плана не видѣли!

Ломовъ. А я вамъ докажу, что они мои!

Чубуковъ. Не докажете. любимецъ мой.

Ломовъ. Нѣтъ, докажу!

Чубуковъ. Мамочка, зачѣмъ же кричать такъ? Крикомъ, вотъ именно, ничего не докажете. Я вашего не желаю и своего упускать не намѣренъ. Съ какой стати? Ужъ коли на то пошло, милаша моя, ежели вы намѣрены оспаривать Лужки и прочее, то я скорѣе подарю ихъ мужикамъ. чѣмъ вамъ. Такъ-то!

Ломовъ. Не понимаю! Какое же вы имѣете право дарить чужую собственность?

Чубуковъ. Позвольте ужъ мнѣ знать, имѣю я право, или нѣтъ. Вотъ именно, молодой человѣкъ, я не привыкъ, чтобы со мною разговаривали такимъ тономъ и прочее. Я, молодой человѣкъ, старше васъ вдвое и прошу васъ говорить со мною безъ ажитации и тому подобное.

Ломовъ. Нѣтъ, вы просто меня за дурака считаете и

смѣтеть надо мною! Мою землю называете своею, да еще хотите, чтобы я былъ хладнокровенъ и говорилъ съ вами по-человѣчески! Такъ хорошіе сосѣди не поступаютъ, Степанъ Степанычъ! Вы не сосѣдъ, а узурпаторъ!

Чубуковъ. Что-съ? Что вы сказали?

Наталья Степановна. Папа, сейчасъ же пошли на Лужки косарей!

Чубуковъ (Ломову). Что вы сказали, милостивый государь?

Наталья Степановна. Веловы Лужки наши, и я не уступлю, не уступлю, не уступлю!

Ломовъ. Это мы увидимъ! Я вамъ судомъ докажу, что они мои.

Чубуковъ. Судомъ? Можете подавать въ судъ, милостивый государь, и тому подобное! Можете! Я васъ знаю, вы только, вотъ именно, и ждете случая, чтобы судиться и прочее... Кляузная натура! Весь вашъ родъ былъ сутяжный! Весь!

Ломовъ. Прошу не оскорблять моего рода! Въ роду Ломовыхъ всѣ были честные и не было ни одного, который находился бы подъ судомъ за растрату, какъ вашъ дядюшка!

Чубуковъ. А въ вашемъ Ломовскомъ роду всѣ были сумасшедшіе!

Наталья Степановна. Всѣ, всѣ, всѣ!

Чубуковъ. Дѣдъ вашъ пилъ запоемъ, а младшая тетушка, вотъ именно, Настасья Михайловна, бѣжала съ архитекторомъ и прочее...

Ломовъ. А ваша мать была кривобокая (*хватается за сердце*). Въ боку дернуло... Въ голову ударило... Батюшки!.. Воды!

Чубуковъ. А вашъ отецъ былъ картежникъ и обжора!

Наталья Степановна. А тетка—сплетница, какихъ мало!

Ломовъ. Лѣвая нога отнялась... А вы интриганъ... Охъ, сердце!.. И ни для кого не тайна, что вы передъ выборами под... Въ глазахъ искры... Гдѣ моя шляпа?

Наталья Степановна. Низко! Нечестно! Гадко!

Чубуковъ. А сами вы, вотъ именно, ехидный, двуличный и каверзный человѣкъ! Да-съ!

Ломовъ. Вотъ она шляпа... Сердце... Куда идти? Гдѣ дверь? Охъ!.. Умираю, кажется... Нога волочится... (*идеть къ двери*).

Чубуковъ (ему вслѣдъ). И чтобъ ноги вашей больше не шло у меня въ домъ!

Наталья Степановна. Подавайте въ судъ! Мы увидимъ!
(Домовъ уходитъ пошатываясь).

V.

ЧУБУКОВЪ и НАТАЛЬЯ СТЕПАНОВНА.

Чубуковъ. Къ чорту! (ходитъ въ волнении).

Наталья Степановна. Каковъ негодяй? Вотъ и вѣрь послѣ того добрымъ сосѣдямъ!

Чубуковъ. Мерзавецъ! Чучело гороховое!

Наталья Степановна. Уродъ этакій! Присвоилъ себѣ чужую землю, да еще смѣетъ браниться.

Чубуковъ. И эта кикимора, эта, вотъ именно, куриная слѣпота осмѣливается еще дѣлать предложеніе и прочее! А? Предложеніе!

Наталья Степановна. Какое предложеніе?

Чубуковъ. Какъ же! Пріѣзжалъ за тѣмъ, чтобъ тебѣ предложеніе сдѣлать.

Наталья Степановна. Предложеніе? Мнѣ? Отчего же ты раньше мнѣ этого не сказалъ?

Чубуковъ. И во фракъ потому нарядился! Сосиска этакая! Сморчокъ!

Наталья Степановна. Мнѣ? Предложеніе? Ахъ! (падаетъ въ кресло и стонетъ). Вернуть его! Вернуть! Ахъ! Вернуть!

Чубуковъ. Кого вернуть?

Наталья Степановна. Скорѣй, скорѣй! Дурно! Вернуть! (истерика).

Чубуковъ. Что такое? Что тебѣ? (хватаетъ себя за голову). Несчастный я человѣкъ! Застрѣлюсь! Повѣшусь! Замучилъ!

Наталья Степановна. Умираю! Вернуть!

Чубуковъ. Тфу! Сейчасъ. Не реви! (убѣгаетъ).

Наталья Степановна (одна стонетъ). Что мы надѣлали! Вернуть! Вернуть!

Чубуковъ (убѣгаетъ). Сейчасъ придетъ и прочее, чортъ его возьми! Уфъ! Говори сама съ нимъ, а я, вотъ именно, не желаю...

Наталья Степановна (стонетъ). Вернуть!

Чубуковъ (кричитъ). Идетъ онъ, тебѣ говорятъ. О, что за комиссія, Создатель, быть взрослой дочери отцомъ! За-

рѣжусь! Обязательно зарѣжусь! Выругали человека, осрамили, выгнали, а все это ты... ты!

Наталья Степановна. Нѣтъ, ты!

Чубуковъ. Я же виновать, вотъ именно! *(въ дверяхъ показывается Ломовъ)*. Ну, разговаривай сама съ нимъ! *(уходитъ)*.

VI.

НАТАЛЬЯ СТЕПАНОВНА и ЛОМОВЪ.

Ломовъ *(входитъ, изнеможенный)*. Страшное сердцебіеніе... Нога оцѣмѣла... въ боку дергается...

Наталья Степановна. Простите, мы погорячились, Иванъ Васильевичъ... Я теперь припоминаю: Воловья Лужки въ самомъ дѣлѣ ваши.

Ломовъ. Страшно сердце бьется... Мои Лужки... На обоихъ глазахъ живчики прыгають...

Наталья Степановна. Ваши, ваши Лужки... Садитесь... *(салятся)*. Мы были неправы...

Ломовъ. Я пзъ принципа... Мнѣ не дорога земля, но дорога принципъ...

Наталья Степановна. Именно принципъ... Давайте, поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.

Ломовъ. Тѣмъ болѣе, что у меня есть доказательства. Бабушка моей тетушки отдала крестьянамъ дѣдушкинъ вашего батюшки...

Наталья Степановна. Будеть, будетъ объ этомъ... *(въ сторону)*. Не знаю, съ чего начать... *(ему)*. Скоро собираетесь на охоту?

Ломовъ. По тетеревамъ, уважаемая Наталья Степановна, думаю послѣ жнитва начать. Ахъ, вы слышали? Представьте, какое у меня несчастье! Мой Угадай, котораго вы позволите знать, захромалъ.

Наталья Степановна. Какая жалость! Отчего же?

Ломовъ. Не знаю... Должно-быть, вывихнулъ или другія собаки покусали... *(вздыхаетъ)*. Самая лучшая собака, не говоря ужъ о деньгахъ! Вѣдь я за него Миронову 125 рублей заплатилъ.

Наталья Степановна. Переплатили, Иванъ Васильевичъ!

Ломовъ. А по-моему, это очень дешево. Собака чудесная.

Наталья Степановна. Паца далъ за своего Откатая 85 рублей, а вѣдь Откатай куда лучше вашего Угадай!

Ломовъ. Откатай лучше Угадая? Что вы *(смѣется)*. Откатай лучше Угадай!

Наталья Степановна. Конечно, лучше! Откатай, правда, молодъ, еще не оисовѣлъ, но по ладамъ и по розвязи лучше его нѣтъ даже у Волчанецкаго.

Ломовъ. Позвольте, Наталья Степановна, но вѣдь вы забываете, что онъ подуздовать, а подуздоватая собака всегда непонимиста!

Наталья Степановна. Подуздовать? Въ первый разъ слышу!

Ломовъ. Увѣрю васъ, нижняя челюсть короче верхней.

Наталья Степановна. А вы мѣрили?

Ломовъ. Мѣрилъ. До угонки онъ годится, конечно, но если на-завладай, то едва ли...

Наталья Степановна. Во-первыхъ, нашъ Откатай породистый, густоцсовый, онъ сынъ Заирягая и Стамезки, а у вашего муругонѣгаго не доберешься до породы... Потомъ старъ и уродливъ, какъ кляча...

Ломовъ. Старъ, да я за него пяти вашихъ Откатаевъ не возьму... Развѣ можно? Угадай—собака, а Откатай... даже и спорить смѣшно... Такихъ, какъ вашъ Откатай, у всякаго выжлятника — хоть прудъ пруди. Четвертная — красная цѣна.

Наталья Степановна. Въ васъ, Иванъ Васильевичъ, сидитъ сегодня какой-то бѣсъ противорѣчія. То выдумки, что Лужки ваши, то Угадай лучше Откатая. Не люблю я, когда человѣкъ говоритъ не то, что думаетъ. Вѣдь вы отлично знаете, что Откатай во сто разъ лучше вашего... этого глупаго Угадая. Зачѣмъ же говорить напрогивъ?

Ломовъ. Я вижу, Наталья Степановна, вы считаете меня за слѣпого или за дурака. Да поймите, что вашъ Откатай подуздовать!

Наталья Степановна. Неправда.

Ломовъ. Подуздовать!

Наталья Степановна *(кричитъ)*. Неправда!

Ломовъ. Что же вы кричите, еудариня?

Наталья Степановна. Зачѣмъ же вы говорите чужь? Вѣдь это возмутительно! Вашего Угадая подстрѣлить пора, а вы сравниваете его съ Откатаемъ!

Ломовъ. Извините, я не могу продолжать этого спора. У меня сердцебиеніе.

Наталья Степановна. Я замѣтила: тѣ охотники больше всѣхъ спорятъ, которые меньше всѣхъ понимаютъ.

Ломовъ. Сударыня, прошу васъ, замолчите... У меня ло-
нается сердце... (*кричитъ*). Замолчите!

Наталья Степановна. Не замолчу, пока вы не сознаетесь,
что Откатай во сто разъ лучше вашего Угадай!

Ломовъ. Во сто разъ хуже! Чтобъ онъ издохъ, вашъ
Откатай! Виски... глазъ... плечо...

Наталья Степановна. А вашему дурацкому Угадаю нѣтъ на-
добности издыхать, потому что онъ и безъ того ужедохлый!

Ломовъ (*плачетъ*). Замолчите! У меня разрывъ сердца!

Наталья Степановна. Не замолчу!

VII.

ТѢ ЖЕ и ЧУБУКОВЪ.

Чубуковъ (*входитъ*). Что еще?

Наталья Степановна. Папа, скажи искренно, по чистой
совѣсти: какая собака лучше—нашъ Откатай или его Угадай?

Ломовъ. Степанъ Степановичъ, умоляю васъ, скажите
вы только одно: подуздовать вашъ Откатай или нѣтъ? Да
или нѣтъ?

Чубуковъ. А хоть бы и такъ? Велика важность! Да зато
во всемъ уѣздѣ лучше собаки нѣтъ и прочее.

Ломовъ. Но вѣдь мой Угадай лучше? По совѣсти!

Чубуковъ. Вы не волнуйтесь, драгоценный... Позвольте...
Вашъ Угадай, вотъ именно, имѣетъ свои хорошия каче-
ства... Онъ чистопсовый, на твердыхъ ногахъ, крутобедрый
и тому подобное. Но у этой собаки, если хотите знать, кра-
савецъ мой, два существенныхъ недостатка: стара и съ
короткимъ щипцомъ.

Ломовъ. Извините, у меня сердцебиение... Возьмемъ факты...
Извольте припомнить, въ Маруськиныхъ зеленяхъ мой Уга-
дай шелъ съ графскимъ Размахаемъ ухо въ ухо, а вашъ
Откатай отсталъ на цѣлую версту.

Чубуковъ. Отсталъ, потому что графскій доѣзжачій уда-
рилъ его арапникомъ.

Ломовъ. За дѣло. Всѣ собаки за лисицей бѣгутъ, а Отка-
тай барана трепать сталъ!

Чубуковъ. Неправда-съ!.. Голубушка, я вспылчивъ и,
вотъ именно, прошу васъ, прекратимъ этотъ споръ. Уда-
рилъ потому, что всѣмъ завидно на чужую собаку глядѣть...

Да-съ! Ненавистники всё! И вы, сударь, не безъ грѣха! Чуть, вотъ именно, замѣтите, что чья собака лучше вашего Угадая, сейчасъ же начинаете того, этого... самаго... и тому подобное... Вѣдь я все помню!

Ломовъ. И я помню!

Чубуковъ (*дразнитъ*). И я помню... А что вы помните?

Ломовъ. Сердцебіеніе... Нога отнялась... Не могу.

Наталья Степановна (*дразнитъ*). Сердцебіеніе... Какой вы охотникъ? Вамъ въ кухнѣ на печи лежать да таракановъ давить, а не лисицъ травить! Сердцебіеніе...

Чубуковъ. Вправду, какой вы охотникъ? Съ вашими, вотъ именно, сердцебіеніями дома сидѣть, а не на сѣдлѣ болтаться. Добро бы охотились, а то вѣдь ѣздите только за тѣмъ, чтобы спорить да чужимъ собакамъ мѣшать и прочее. Я вспылчивъ, оставимъ этотъ разговоръ. Вы вовсе, вотъ именно, не охотникъ!

Ломовъ. А вы развѣ охотникъ? Вы ѣздите только за тѣмъ, чтобы къ графу подмазываться да интриговать... Сердце!.. Вы интриганъ!

Чубуковъ. Что-съ? Я интриганъ? (*кричитъ*). Замолчать!

Ломовъ. Интриганъ!

Чубуковъ. Мальчишка! Щенокъ!

Ломовъ. Старая крыса! Иезуитъ!

Чубуковъ. Замолчи, а то я подстрѣлю тебя изъ поганого ружья, какъ куропатку! Свистунъ!

Ломовъ. Всѣмъ извѣстно, что—охъ, сердце!—ваша покойная жена васъ била... Нога... виски... искры... Падаю, падаю!..

Чубуковъ. А ты у своей ключницы подъ башмакомъ!

Ломовъ. Вотъ, вотъ, вотъ... лопнуло сердце! Плечо оторвалось... Гдѣ мое плечо?.. Умираю (*падаетъ въ кресло*). Доктора! (*обморокъ*).

Чубуковъ. Мальчишка! Молокососъ! Свистунъ! Мнѣ дурно! (*пьетъ воду*). Дурно!

Наталья Степановна. Какой вы охотникъ? Вы и на лошади сидѣть не умѣете! (*отцу*). Папа! Что съ нимъ? Папа! Погляди, папа! (*взизиваетъ*). Иванъ Васильевичъ! Онъ умеръ!

Чубуковъ. Мнѣ дурно!.. Дыханье захватило!.. Воздуху!

Наталья Степановна. Онъ умеръ? (*треплетъ Ломова за рукавъ*). Иванъ Васильичъ! Иванъ Васильичъ! Что мы надѣлали? Онъ умеръ! (*падаетъ въ кресло*). Доктора, доктор! (*истерика*).

Чубуковъ. Охъ!.. Что такое? Что тебѣ?

Наталья Степановна (*стонетъ*). Онъ умеръ!.. умеръ!

Чубуковъ. Кто умеръ? (*поглядываетъ на Ломова*). Въ самомъ дѣлѣ померъ! Батюшки! Воды! Доктора! (*подноситъ ко рту Ломова стаканъ*). Выпейте!.. Нѣтъ, не пьете... Значить, умеръ и тому подобное... Несчастнѣйшій я человѣкъ! Отчего я не пускаю себѣ пулю въ лобъ? Отчего я еще до сихъ поръ не зарѣзался? Чего я жду? Дайте мнѣ ножъ! Дайте мнѣ пистолетъ! (*Ломовъ шевелится*). Оживаетъ, кажется... Выпейте воды!.. Вотъ такъ...

Ломовъ. Искры... туманъ... Гдѣ я?

Чубуковъ. Женитесь вы поскорѣй и—ну васъ къ лѣшему! Она согласна! (*соединяетъ руки Ломова и дочери*). Она согласна и тому подобное. Благословляю васъ и прочее. Только оставьте вы меня въ покоѣ!

Ломовъ. А? Что? (*поднимаясь*). Кого?

Чубуковъ. Она согласна! Ну? Поцѣлуйтесь и... и чортъ съ вами!

Наталья Степановна (*стонетъ*). Онъ живъ... Да, да, я согласна...

Чубуковъ. Цѣлуйтесь!

Ломовъ. А? кого? (*цѣлуется съ Натальей Степановной*). Очень пріятно... Позвольте, въ чемъ дѣло? Ахъ, да, понимаю... Сердце... искры... Я счастливъ, Наталья Степановна... (*цѣлуетъ руку*). Нога отнялась...

Наталья Степановна. Я... я тоже счастлива...

Чубуковъ. Точно гора съ плечъ... Уфъ!

Наталья Степановна. Но... все-таки, согласитесь хоть теперь: Угадай хуже Откатая.

Ломовъ. Лучше!

Наталья Степановна. Хуже!

Чубуковъ. Ну, начинается семейное счастье! Шампанскаго!

Ломовъ. Лучше!

Наталья Степановна. Хуже! Хуже! Хуже!

Чубуковъ (*стараясь перекричать*). Шампанскаго! Шампанскаго!

Занавѣсъ.

ИВАНОВЪ.

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Ивановъ, Николай Алексѣевичъ, непрѣмѣнный членъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

Анна Петровна, его жена, урожденная Сарра Абрамсонъ.

Шабельскій, Матвій Семеновичъ, графъ, его дядя по матери.

Лебедевъ, Павелъ Кириллычъ, предсѣдатель земской управы.

Зинаида Савишна, его жена.

Саша, дочь Лебедевыхъ, 20-ти лѣтъ.

Львовъ, Евгений Константиновичъ, молодой земскій врачъ.

Бабакина, Марѳа Егоровна, молодая вдова, помѣщица, дочь богатаго купца.

Косыхъ, Дмитрій Никитичъ, акцизный.

Боркинъ, Михаилъ Михайловичъ, дальній родственникъ Иванова и управляющій его имѣніемъ.

Авдотья Назаровна, старуха съ неопредѣленною профессіей.

Егорушка, нахлѣбникъ Лебедевыхъ.

1-й гость.

2-й гость.

3-й гость.

4-й гость.

Петръ, лакей Иванова.

Гаврила, лакей Лебедевыхъ.

Гости обоого пола, лакеи.

Дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ уѣздовъ средней полосы Россіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Садъ въ пмѣніи Ивапова. Слѣва фасадъ дома съ террасой. Одно окно открыто. Передъ террасой широкая полукруглая площадка, отъ которой въ садъ, прямо и вправо, идутъ аллеи. На правой сторонѣ садовые диванчики и столики. На одномъ изъ послѣднихъ горитъ лампа. Вечеръ. При поднятіи занавѣса слышно, какъ въ домѣ разучиваютъ дуэтъ на роялѣ и виолончели.

І.

ИВАНОВЪ и БОРКИНЪ.

Ивановъ сидитъ за столомъ и читаетъ книгу. Боркинъ въ большихъ сапогахъ съ ружьемъ показывается въ глубинѣ сада; онъ навеселѣ; увидѣвъ Иванова, на цыпочкахъ идетъ къ нему и, поровнившись съ нимъ, прицѣливается въ его лицо.

Ивановъ (*увидѣвъ Боркина, вздрагиваетъ и вскакиваетъ*). Миша, Богъ знаетъ что... вы меня испугали... Я и такъ разстроены, а вы еще съ глупыми шутками... (*садится*). Испугалъ и радуется...

Боркинъ (*хохочетъ*). Ну, ну... виновать, виновать (*садится рядомъ*). Не буду больше, не буду... (*снимаетъ фуражку*). Жарко. Вѣрите ли, душа моя, въ какіе-нибудь три часа 17 верстъ отмахалъ... замучился... Пощупайте-ка, какъ у меня сердце бьется...

Ивановъ (*читалъ*). Хорошо, послѣ...

Боркинъ. Нѣтъ, вы сейчасъ пощупайте (*беретъ его руку и прикладываетъ къ груди*). Слышите? Ту-ту-ту-ту-ту-ту! Это, значить, у меня порокъ сердца. Каждую минуту могу скоростижно умереть. Послушайте, вамъ будетъ жаль, если я умру?

Ивановъ. Я читаю... послѣ...

Боркинъ. Нѣтъ, серьезно, вамъ будетъ жаль, если я вдругъ умру? Николай Алексѣвичъ, вамъ будетъ жаль, если я умру?

Ивановъ. Не приставайте!

Боркинъ. Голубчикъ, скажите: будетъ жаль?

Ивановъ. Мнѣ жаль, что отъ васъ водкой пахнетъ. Это, Миша, противно.

Боркинъ (*смѣется*). Развѣ пахнетъ? Удивительное дѣло... Впрочемъ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Въ Плѣсникахъ я встрѣтилъ слѣдователя, и мы, признаться, съ нимъ рюмокъ по восьми стукнули. Въ сущности говоря, пить очень вредно. Послушайте, вѣдь вредно? А? вредно?

Ивановъ. Это, наконецъ, невыносимо... Поймите, Миша, что это издѣвательство...

Боркинъ. Ну, ну... виновать, виновать!.. Богъ съ вами, сидите себѣ... (*встаетъ и идетъ*). Удивительный народъ, даже и поговорить нельзя (*возвращается*). Ахъ, да! Чуть-было не забылъ... Пожалуйста 82 рубля!..

Ивановъ. Какіе 82 рубля?

Боркинъ. Завтра рабочимъ платить.

Ивановъ. У меня нѣтъ.

Боркинъ. Покорнѣйше благодарю! (*оразнить*). У меня нѣтъ... Да вѣдь нужно платить рабочимъ? Нужно?

Ивановъ. Не знаю. У меня сегодня ничего нѣтъ. Подождите до перваго числа, когда жалованье получу.

Боркинъ. Вотъ и извольте разговаривать съ такими субъектами!.. Рабочіе придутъ за деньгами не перваго числа, а завтра утромъ!..

Ивановъ. Такъ что же мнѣ теперь дѣлать. Ну, рѣжьте меня, пишите... И что у васъ за отвратительная манера приставать ко мнѣ именно тогда, когда я читаю, пишу или...

Боркинъ. Я васъ спрашиваю: рабочимъ нужно платить, или нѣтъ? Э, да что съ вами говорить!.. (*машетъ рукой*). Помѣщики тоже, чортъ подери, землевладѣльцы... Рациональное хозяйство... Тысяча десятинъ земли—и ни гроша въ карманѣ... Винный погребокъ есть, а штопора нѣтъ... Возьму вотъ и продамъ завтра тройку! Да-съ!.. Овесъ на корню продать, а завтра возьму и рожь продамъ (*шагаетъ по сценѣ*). Вы думаете, я стану церемониться? Да? Ну, нѣтъ-съ, не на такого напали...

II.

ТЪ ЖЕ, ШАБЕЛЬСКІЙ (*за сценой*) и **АННА ПЕТРОВНА.**

Голосъ Шабельскаго за окномъ: «Играть съ вами нѣтъ никакой возможности... Слуха у васъ меньше, чѣмъ у фаршированной щуки, а тушѣ возмутительное».

Анна Петровна (*показывается въ открытомъ окнѣ*). Кто здѣсь сейчасъ разговариваль? Это вы, Миша? Что вы такъ шагаете?

Боркинъ. Съ вашимъ Nicolas—voilà еще не такъ зашагаетъ.

Анна Петровна. Послушайте, Миша, прикажите принести на крокетъ сѣна.

Боркинъ (*махнетъ рукой*). Оставьте вы меня, пожалуйста...

Анна Петровна. Скажите, какой тонъ... Къ вамъ этотъ тонъ совсѣмъ не идетъ. Если хотите, чтобы васъ любили женщины, то никогда при нихъ не сердитесь и не солидничайте... (*мужу*) Николай, давайте на сѣнѣ кувыркаться!..

Ивановъ. Тебѣ, Анюта, вредно стоять у открытаго окна. Уйди, пожалуйста... (*кричитъ*). Дядя, закрой окно! (*окно закрывается*).

Боркинъ. Не забывайте еще, что черезъ два дня нужно проценты платить Лебедеву.

Ивановъ. Я помню. Сегодня я буду у Лебедева и попрошу его подождать... (*смотритъ на часы*).

Боркинъ. Вы когда туда поѣдете?

Ивановъ. Сейчасъ.

Боркинъ (*живо*). Постойте, постойте!.. вѣдь сегодня, кажется, день рожденія Шурочки... Те-те-те-ге... А я забылъ... Вотъ память, а? (*прыгаетъ*). Поѣду; поѣду... (*поетъ*). Поѣду... Пойду выкупаюсь, пожую бумаги, приму три капли нашатырнаго спирта и — хоть сначала начинай... Голубчикъ, Николай Алексѣвичъ, мамуся моя, ангелъ души моей, вы все нервничаете, ноете, постоянно въ мерлехлюндии, а вѣдь мы вмѣстѣ чортъ знаетъ какихъ дѣловъ могли бы надѣлать! Для васъ я на все готовъ... Хотите, я для васъ на Марушикѣ Бабакиной женюсь? Половина приданого ваша... То-есть не половина, а все берите, все!..

Ивановъ. Будетъ вамъ вздоръ молоть...

Боркинъ. Нѣтъ, серьезно! Хотите, я на Марушикѣ женюсь? Приданое пополамъ... Впрочемъ, зачѣмъ я это вамъ

говорю? Развѣ вы поймете? (*дразнитъ*). «Будетъ вздоръ молотъ». Хорошій вы человекъ, умный, но въ васъ не хватаетъ этой жилки, этого, понимаете ли, взмаха. Этакъ бы размахнуться, чтобы чертямъ тошно стало... Вы психопатъ, нюня, а будъ вы нормальный человекъ, то черезъ годъ имѣли бы миллионъ. Напримѣръ, будъ у меня сейчасъ 2.300 рублей, я бы черезъ двѣ недѣли имѣлъ 20 тысячъ. Не вѣрите? И это, по-вашему, вздоръ? Нѣтъ, не вздоръ... Вотъ дайте мнѣ 2.300 рублей, и я черезъ недѣлю доставлю вамъ 20 тысячъ. На томъ берегу Овсяновъ продаетъ полосу земли, какъ разъ противъ насъ, за 2.300 рублей. Если мы купимъ эту полосу, то оба берега будутъ наши. А если оба берега будутъ наши, то, понимаете ли, мы имѣемъ право запрудить рѣку. Вѣдь такъ? Мы мельницу будемъ строить, и, какъ только мы объявимъ, что хотимъ запруду сдѣлать, какъ всѣ, которые живутъ внизъ по рѣкѣ, поднимутъ гвалтъ, а мы сейчасъ: коммень-зииръ,—если хотите, чтобы плотины не было, заплатите. Понимаете? Заревская фабрика дастъ пять тысячъ, Корольковъ три тысячи, монастырь дастъ пять тысячъ...

Ивановъ. Все это, Миша, фокусы... Если не хотите со мною ссориться, то держите ихъ при себѣ.

Боркинъ (*садится за столъ*). Конечно!.. Я такъ и зналъ!.. И сами ничего не дѣлаете, и меня связываете...

III.

ТѢ ЖЕ, ШАБЕЛЬСКІЙ и ЛЬВОВЪ.

Шабельскій (*выходя со Львовымъ изъ дома*). Доктора—тѣ же адвокаты, съ тою только разницей, что адвокаты только грабятъ, а доктора и грабятъ и убиваютъ... Я не говорю о присутствующихъ (*садится на диванчикъ*). Шарлатаны. эксплуататоры... Можетъ-быть, въ какой-нибудь Аркадіи попадаютъ исключенія изъ общаго правила, но... я въ свою жизнь пролѣгчилъ тысячъ двадцать и не встрѣтилъ ни одного доктора, который не казался бы мнѣ патентованнымъ мошенникомъ.

Боркинъ (*Иванову*). Да, сами ничего не дѣлаете и меня связываете. Оттого у насъ и денегъ нѣтъ...

Шабельскій. Повторяю, я не говорю о присутствующихъ... Можетъ-быть, есть исключенія, хотя, впрочемъ... (*зѣваетъ*).

Ивановъ (*закрывая книгу*). Что, докторъ, скажете?

Лвовъ (*оглядываясь на окно*). То же, что и утромъ говорилъ: ей немедленно нужно въ Крымъ ѣхать (*ходитъ по сценѣ*).

Шабельскій (*прыскаетъ*). Въ Крымъ!.. Отчего, Миша, мы съ тобою не ѣздимъ? Это такъ просто... Стала перхать или кашлять отъ скуки какая-нибудь мадамъ Анго или Офелія, бери сейчасъ бумагу и прописывай по правиламъ науки: сначала молодой докторъ, потомъ поѣздка въ Крымъ, въ Крыму татаринъ...

Ивановъ (*графу*). Ахъ, не зуди ты, зуда! (*Лвову*). Чтобы ѣхать въ Крымъ, нужны средства. Допустимъ, что я найду ихъ, но вѣдь она рѣшительно отказывается отъ этой поѣздки.

Лвовъ. Да, отказывается (*пауза*).

Боркинъ. Послушайте, докторъ, развѣ Анна Петровна ужъ такъ серьезно больна, что необходимо въ Крымъ ѣхать?..

Лвовъ (*оглядывается на окно*). Да, чахотка...

Боркинъ. Псс!.. не хорошо... Я самъ давно уже по лицу замѣчалъ, что она не протянетъ долго.

Лвовъ. Но... говорите потише... въ домѣ слышно... (*пауза*).

Боркинъ (*вздыхая*). Жизнь наша... Жизнь человѣческая подобна цвѣтку, пышно произрастающему въ полѣ: пришелъ козель, съѣлъ и—нѣтъ цвѣтка...

Шабельскій. Все вздоръ, вздоръ и вздоръ!.. (*звываетъ*). Вздоръ и плутни. (*Пауза*).

Боркинъ. А я, господа, тутъ все учу Николая Алексѣевича деньги наживать. Сообщилъ ему одну чудную идею: мой порохъ, по обыкновенію, упалъ на влажную почву. Ему не втолкуешь... Посмотрите, на что онъ похожъ: меланхолія, сплинь, тоска, хандра, грусть...

Шабельскій (*встаетъ и потягивается*). Для всѣхъ ты, геніальная башка, изобрѣтаешь и учишь всѣхъ, какъ жить, а меня хоть бы разъ поучилъ... Поучи-ка, умная голова, уважи выходи...

Боркинъ (*встаетъ*). Пойду купаться... Прощайте, господа... (*графу*). У васъ двадцать выходовъ есть... На вашемъ мѣстѣ я черезъ недѣлю имѣлъ бы тысячь двадцать (*идетъ*).

Шабельскій (*идетъ за нимъ*). Какимъ это образомъ? Ну-ка, научи.

Боркинъ. Тутъ и учить нечему. Очень просто... (*возвращается*). Николай Алексѣевичъ, дайте мнѣ рубль!

(*Ивановъ молча даетъ ему деньги*).

Боркинъ. Merci! (*графу*). У васъ еще много козырей на рукахъ.

Шабельскій (*идя за нимъ*). Ну, какіе же?

Боркинъ. На вашемъ мѣстѣ я черезъ недѣлю имѣлъ бы тысячь тридцать, если не больше (*уходитъ съ графомъ*).

Ивановъ (*послѣ паузы*). Лишніе люди, лишнія слова, не обходимость отвѣчать на глупые вопросы,—все это, докторъ, утомило меня до болѣзни. Я сталъ раздражителенъ, вспыльчивъ, рѣзокъ, мелоченъ до того, что не узнаю себя. По цѣлымъ днямъ у меня голова болитъ, бессонница, шумъ въ ушахъ... А дѣваться положительно некуда... Положительно...

Львовъ. Мнѣ, Николай Алексѣвичъ, нужно серьезно поговорить съ вами.

Ивановъ. Говорите.

Львовъ. Я объ Аннѣ Петровнѣ (*садится*). Она не соглашается ѣхать въ Крымъ, но съ вами она поѣхала бы.

Ивановъ (*подумавъ*). Чтобы ѣхать вдвоемъ, нужны средства. Къ тому же, мнѣ не дадутъ продолжительнаго отпуска. Въ этомъ году я уже бралъ разъ отпускъ...

Львовъ. Допустимъ, что это правда. Теперь далѣе. Самое главное лѣкарство отъ чахотки—это абсолютный покой, а ваша жена не знаетъ ни минуты покоя. Ее постоянно волнуютъ ваши отношенія къ ней. Простите, я взволнованъ и буду говорить прямо. Ваше поведеніе убиваетъ ее (*пауза*). Николай Алексѣвичъ, позвольте мнѣ думать о васъ лучше!..

Ивановъ. Все это правда, правда... Вѣроятно, я страшно виноватъ, но мысли мои перепутались, душа скована какою-то лѣнью, и я не въ силахъ понимать себя. Не понимаю ни людей, ни себя... (*взглядываетъ на окно*). Насъ могутъ услышать, пойдемте, пройдемся (*встаютъ*). Я, милый другъ, рассказалъ бы вамъ съ самаго начала, но исторія длинная и такая сложная, что до утра не расскажешь (*идутъ*). Анята замѣчательная, необыкновенная женщина... Ради меня она перемѣнила вѣру, бросила отца и мать, ушла отъ богатства, и, если бы я потребовалъ еще сотню жертвъ, она принесла бы ихъ, не моргнувъ глазомъ. Ну-съ, а я ничѣмъ не замѣчательенъ и ничѣмъ не жертвовалъ. Впрочемъ, это длинная исторія... Вся суть въ томъ, милый докторъ (*мнется*), что... короче говоря, женился я по страстной любви и клялся любить вѣчно, но... прошло

пять лѣтъ, она все еще любить меня, а я... (*разводитъ руками*). Вы вотъ говорите мнѣ, что она скоро умретъ, а я не чувствую ни любви, ни жалости, а какую-то пустоту, утомленіе. Если со стороны поглядѣть на меня, то это, вѣроятно, ужасно; самъ же я не понимаю, что дѣлается съ моей душой... (*уходятъ по аллею*).

IV.

ШАБЕЛЬСКІЙ, потомъ АННА ПЕТРОВНА.

Шабельскій (*входитъ и хохочетъ*). Честное слово, это не мошенникъ, а мыслитель, виртуозъ! Памятникъ ему нужно поставить. Въ себѣ одномъ совмѣщаетъ современный гной во всѣхъ видахъ: и адвоката, и доктора, и кукуевца, и кассира (*садится на нижнюю ступень террасы*). И вѣдь нигдѣ, кажется, курса не кончилъ, вотъ что удивительно... Стало-быть, какимъ былъ бы геніальнымъ подлецомъ, если бы еще усвоилъ культуру, гуманитарныя науки! «Вы,—говорить,—черезъ недѣлю можете имѣть 20 тысячъ. У васъ,—говорить,—еще на рукахъ козырный тузъ—вашъ графскій титулъ (*хохочетъ*). За васъ любая дѣвица пойдетъ съ приданымъ»...

(*Анна Петровна открываетъ окно и глядитъ внизъ*).

Шабельскій. «Хотите,—говорить,—посватаю за васъ Мароушу?» Qui est ce que c'est Мароуша? Ахъ, это та, Балабалкина... Бабакалкина... эта, что на прачку похожа.

Анна Петровна. Это вы, графъ?

Шабельскій. Что такое?

(*Анна Петровна смѣется*).

Шабельскій (*еврейскимъ акцентомъ*). Зачиво вы смѣетесь?

Анна Петровна. Я вспомнила одну вашу фразу. Помните, вы говорили за обѣдомъ? Воръ прощенный, лошадь... Какъ это?

Шабельскій. Жидъ крещеный, воръ прощенный, конь лѣченый—одна цѣна.

Анна Петровна (*смѣется*). Вы даже простого каламбура не можете сказать безъ злости. Злой вы человекъ (*серьезно*). Не шутя, графъ, вы очень злы. Съ вами жить скучно и жутко. Всегда вы брюзжите, ворчите, всѣ у васъ подлецы и негодяи. Скажите мнѣ, графъ, откровенно: говорили вы когда-нибудь о комъ хорошо?

Шабельскій. Это что за экзамень?

Анна Петровна. Живемъ мы съ вами подъ одною крышей уже пять лѣтъ, и я ни разу не слышала, чтобы вы отзывались о людяхъ спокойно, безъ желчи и безъ смѣха. Что вамъ люди сдѣлали худого? И неужели вы думаете, что вы лучше всѣхъ?

Шабельскій. Вовсе я этого не думаю. Я такой же мерзавецъ и свинья въ ермолкѣ, какъ всѣ. Моветонъ и старый башмакъ. Я всегда себя браню. Кто я? Чтò я? Былъ богатъ, свободенъ, немного счастливъ, а теперь... нахлѣбникъ, приживалка, обезличенный шутъ. Я негодную, презираю, а мнѣ въ отвѣтъ смѣются; я смѣюсь, на меня печально киваютъ головой и говорятъ: спятилъ старикъ... А чаще всего меня не слышать и не замѣчаютъ...

Анна Петровна (*покойно*). Опять кричить...

Шабельскій. Кто кричить?

Анна Петровна. Сова. Каждый вечеръ кричить.

Шабельскій. Пусть кричить. Хуже того, что уже есть, не можетъ быть (*потягивается*). Эхъ, милѣйшая Сарра, выиграй я сто или двѣсти тысячъ, показалъ бы я вамъ, гдѣ раки зимуютъ!.. Только бы вы меня и видѣли. Ушелъ бы я изъ этой ямы, отъ даровыхъ хлѣбовъ, и ни ногой бы сюда до самаго страшнаго суда...

Анна Петровна. А что бы вы сдѣлали, если бы вы выиграли?

Шабельскій (*подумавъ*). Я прежде всего поѣхалъ бы въ Москву и цыганъ послушалъ. Потомъ... потомъ махнулъ бы въ Парижъ. Нанялъ бы себѣ тамъ квартиру, ходилъ бы въ русскую церковь...

Анна Петровна. А еще чтò?

Шабельскій. По цѣлымъ днямъ сидѣлъ бы на женной могилѣ и думалъ. Такъ бы я и сидѣлъ на могилѣ, пока не околѣлъ. Жена въ Парижѣ похоронена... (*пауза*).

Анна Петровна. Ужасно скучно. Сыграть намъ дуэтъ еще, что ли?

Шабельскій. Хорошо, приготовьте ноты.

V.

ШАБЕЛЬСКІЙ, ИВАНОВЪ и ЛЬВОВЪ.

Ивановъ (*показывается на аллеѣ со Львовымъ*). Вы, милый другъ, кончили курсъ только въ прошломъ году, еще молоды и бодры, а мнѣ тридцать пять. Я имѣю право

вамъ совѣтовать. Не женитесь вы ни на еврейкахъ, ни на психопаткахъ, ни на синихъ чулкахъ, а выберите себѣ что-нибудь заурядное, сѣренькое, безъ яркихъ красокъ, безъ лишнихъ звуковъ. Вообще всю жизнь строите по шаблону. Чѣмъ сѣрѣе и монотоннѣе фонъ, тѣмъ лучше. Голубчикъ, не воюйте вы въ одиночку съ тысячами не сражайтесь съ мельницами, не бейтесь лбомъ о стѣны... Да хранить васъ Богъ отъ всевозможныхъ раціональныхъ хозяйствъ, необыкновенныхъ школъ, горячихъ рѣчей... Запритесь себѣ въ свою раковину и дѣлайте свое маленькое. Богомъ данное дѣло... Это теплѣе, честнѣе и здоровѣе. А жизнь, которую я пережилъ,—какъ она утомительна! Ахъ, какъ утомительна!.. Сколько ошибокъ, несправедливостей, сколько нелѣпаго!.. *(увидѣвъ графа, раздраженно)*. Всегда ты, дядя, передъ глазами вертисься, не даешь поговорить наединѣ!

Шабельскій *(плачущимъ голосомъ)*. А чортъ меня возьми, нигдѣ пріюта нѣтъ! *(вскакиваетъ и идетъ въ домъ)*.

Ивановъ *(кричитъ ему вслѣдъ)*. Ну, виновать, виновать! *(Львову)*. За что я его обидѣлъ? Нѣтъ, я рѣшительно развинтился. Надо будетъ съ собою что-нибудь сдѣлать. Надо...

Львовъ *(волнуясь)*. Николай Алексѣевичъ, я выслушалъ васъ и... и, простите, буду говорить прямо, безъ обиняковъ. Въ вашемъ голосѣ, въ вашей интонаціи, не говоря ужъ о словахъ, столько бездушнаго эгонизма, столько холоднаго безсердечія... Близкій вамъ человѣкъ погибаетъ оттого, что онъ вамъ близокъ, дни его сочтены, а вы... вы можете не любить, ходить, давать совѣты, рисоваться... Не могу я вамъ высказать, нѣтъ у меня дара слова, но... но вы мнѣ глубоко не симпатичны!..

Ивановъ. Можетъ-быть, можетъ-быть... Вамъ со стороны виднѣе... Очень возможно, что вы меня понимаете... Вѣроятно, я очень, очень виновать... *(прислушивается)*. Кажется, лошадей подали. Пойду одѣваться... *(идетъ къ дому и останавливается)*. Вы, докторъ, не любите меня и не скрываете этого. Это дѣлаетъ честь вашему сердцу...

(Уходитъ въ домъ).

Львовъ *(одинъ)*. Проклятый характеръ... Опять упустилъ случай и не поговорилъ съ нимъ, какъ слѣдуетъ... Не могу говорить съ нимъ хладнокровно! Едва раскрою ротъ и скажу одно слово, какъ у меня вотъ тутъ *(показываетъ на*

трудъ) начинаетъ душить, переворачиваться, и языкъ прилипааетъ къ горлу. Ненавижу этого Гартюфа, возвышеннаго мошенника, всею душой... Вотъ уѣзжаетъ... У несчастной жены все счастье въ томъ, чтобы онъ былъ возлѣ нея, она дышитъ имъ, умоляетъ его провести съ нею хоть одинъ вечеръ, а онъ... онъ не можетъ... Ему, видите ли, дома душно и тѣсно. Если онъ хоть одинъ вечеръ проведетъ дома, то съ тоски пулю себѣ пуститъ въ лобъ. Бѣдный... ему нуженъ просторъ, чтобы затѣять какую-нибудь новую подлость... О, я знаю, зачѣмъ ты каждый вечеръ ѣздишь къ этимъ Лебедевымъ! Знаю!

VI.

ЛЬВОВЪ, ИВАНОВЪ (*въ шляпѣ и пальто*), ШABELЬСКІЙ
и АННА ПЕТРОВНА.

Шабельскій (*выходя съ Ивановымъ и съ Анной Петровной изъ дому*). Наконецъ, Nicolas, это безчеловѣчно!.. Самъ уѣзжаешь каждый вечеръ, а мы остаемся одни. Отъ скуки ложимся спать въ 8 часовъ. Это безобразіе, а не жизнь! И почему это тебѣ можно ѣздить, а намъ нельзя? Почему?

Анна Петровна. Графъ, оставьте его! Пусть ѣдетъ, пусть...

Ивановъ (*женѣ*). Ну, куда ты, больная, поѣдешь? Ты больна и тебѣ нельзя послѣ заката солнца быть на воздухѣ... Спроси вотъ доктора. Ты не дитя, Анюта, нужно разсуждать... (*графу*). А тебѣ зачѣмъ туда ѣхать?

Шабельскій. Хоть къ чорту въ пекло, хоть къ крокодилу въ зубы, только чтобы не здѣсь оставаться. Мнѣ скучно! Я отупѣлъ отъ скуки! Я надоѣлъ всѣмъ. Ты оставляешь меня дома, чтобы ей не было одной скучно, а я ее загрызъ, заѣлъ!

Анна Петровна. Оставьте его, графъ, оставьте! Пусть ѣдетъ, если ему тамъ весело.

Ивановъ. Аня, къ чему этотъ тонъ? Ты знаешь, я не за весельемъ туда ѣду! Мнѣ нужно поговорить о векселѣ.

Анна Петровна. Не понимаю, зачѣмъ ты оправдываешься? поѣзжай! Кто тебя держитъ?

Ивановъ. Господа, не будемте ѣсть другъ друга! Неужели это такъ необходимо!?

Шабельскій (*плачущимъ голосомъ*), Nicolas, голубчикъ, ну, я прошу тебя, возьми меня съ собою! я погляжу тамъ мошенниковъ и дураковъ, и, можетъ-быть, развлекусь. Вѣдь я съ самой Пасхи нигдѣ не былъ!

Ивановъ (*раздраженно*). Хорошо, поѣдемъ! Какъ вы мнѣ всѣ надоѣли!

Шабельскій. Да? Ну, merci, merci... (*весело беретъ его подъ руку и отводитъ въ сторону*). Твою соломенную шляпу можно надѣть?

Ивановъ. Можно, только поскорѣй, пожалуйста!

(*Графъ бѣжитъ въ домъ*).

Ивановъ. Какъ вы всѣ надоѣли мнѣ! Впрочемъ, Господи, что я говорю? Аня, я говорю съ тобою невозможнымъ тономъ. Никогда этого со мною раньше не было. Ну, прощай, Аня, я вернусь къ часу.

Анна Петровна. Коля, милый мой, останься дома!

Ивановъ (*волнуясь*). Голубушка моя, родная моя, несчастная, умоляю тебя, не мѣшай мнѣ уѣзжать по вечерамъ изъ дому. Это жестоко, несправедливо съ моей стороны, но позволяй мнѣ дѣлать эту несправедливость! Дома мнѣ мучительно-тяжело! Какъ только прячется солнце, душу мою начинаетъ давить тоска. Какая тоска! Не спрашивай, отчего это. Я самъ не знаю. Клянусь, не знаю! Здѣсь тоска, а поѣдешь къ Лебедевымъ, тамъ еще хуже; вернешься оттуда, а здѣсь опять тоска, и такъ всю ночь... Просто отчаяніе!..

Анна Петровна. Коля... а то остался бы! Будемъ, какъ прежде, разговаривать... Поужинаемъ вмѣстѣ, будемъ читать... Я и брюзга разучили для тебя много дуэговъ... (*обнимаетъ его*). Останься!.. (*пауза*). Я тебя не понимаю. Это ужъ цѣлый годъ продолжается. Отчего ты измѣнился?

Ивановъ. Не знаю, не знаю...

Анна Петровна. А почему ты не хочешь, чтобы я уѣзжала вмѣстѣ съ тобою по вечерамъ?

Ивановъ. Если тебѣ нужно, то, пожалуй, скажу. Немножко жестоко это говорить, но лучше сказать... Когда меня мучаетъ тоска, я... я начинаю тебя не любить. Я и отъ тебя бѣгу въ это время. Однимъ словомъ, мнѣ нужно уѣзжать изъ дому.

Анна Петровна. Тоска? понимаю, понимаю... Знаешь что, Коля? Ты попробуй, какъ прежде, пѣть, смѣяться, сердиться... Останься, будемъ смѣяться, пить наливку, и твою тоску разгонимъ въ одну минуту. Хочешь, я буду пѣть? Или пойдешь, сядемъ у тебя въ кабинетѣ, въ потемкахъ, какъ прежде, и ты мнѣ про свою тоску расскажешь... У

тебя такіе страдальческіе глаза! Я буду глядѣть въ нихъ и плакать, и намъ обоимъ станетъ легче... (*смѣется и плачетъ*). Или, Коля, какъ? Цвѣты повторяются каждую весну, а радости—нѣтъ? Да? Ну, поѣзжай, поѣзжай...

Ивановъ. Ты помолись за меня Богу, Аня! (*идетъ, останавливается и думаетъ*). Нѣтъ, не могу! (*уходитъ*).

Анна Петровна. Поѣзжай... (*садится у стола*).

Львовъ (*ходитъ по сценѣ*). Анна Петровна, возьмите себѣ за правило: какъ только бьетъ шесть часовъ, вы должны идти въ комнаты и не выходить до самаго утра. Вечерняя сырость вредна-вамъ.

Анна Петровна. Слушаю-сь.

Львовъ. Что «слушаю-сь»! Я говорю серьезно.

Анна Петровна. А я не хочу быть серьезною (*кашляетъ*).

Львовъ. Вотъ видите,—вы уже кашляете...

VII.

ЛЬВОВЪ, АННА ПЕТРОВНА и ШABELЬСКІЙ.

Шабельскій (*въ шляпѣ и пальто выходитъ изъ дому*). А гдѣ Николай? Лошадей подали? (*быстро идетъ и цѣлуетъ руку Анны Петровны*). Покойной ночи, прелесть! (*гримасничаетъ*). Гевальтъ! Жвините, пожалуйста! (*быстро уходитъ*).

Львовъ. Шутъ!

(*Пауза; слышны далекіе звуки гармоникки*).

Анна Петровна. Какая скука!.. Вонъ кучера и кухарки задаютъ себѣ балъ, а я... я—какъ брошенная... Евгений Константиновичъ, гдѣ вы тамъ шагаете? Идите сюда, сядьте!..

Львовъ. Не могу я сидѣть (*пауза*).

Анна Петровна. На кухнѣ «чижика» играютъ (*поетъ*). «Чижикъ, чижикъ, гдѣ ты былъ? Подъ горою водку пилъ» (*пауза*). Докторъ, у васъ есть отецъ и мать?

Львовъ. Отецъ умеръ, а мать есть.

Анна Петровна. Вы скучаете по матери?

Львовъ. Мнѣ некогда скучать.

Анна Петровна (*смѣется*). Цвѣты повторяются каждую весну, а радости—нѣтъ. Кто мнѣ сказалъ эту фразу? Дай Богъ память... Кажется, самъ Николай сказалъ (*прислушивается*). Опять сова кричитъ!

Львовъ. Ну, и пусть кричитъ!

Анна Петровна. Я, докторъ, начинаю думать, что судьба

меня обсчитала. Множество людей, которые, можетъ-быть, и не лучше меня, бываютъ счастливы и ничего не платятъ за свое счастье. Я же за все платила, рѣшительно за все!.. И какъ дорого! За что брать съ меня такіе ужасные проценты?.. Душа моя, вы всё осторожны со мною, деликатничаете, боитесь сказать правду, но думаете, я не знаю, какая у меня болѣзнь? Отлично знаю. Впрочемъ, скучно объ этомъ говорить... (*еврейскимъ акцентомъ*). Живните, пожалуста! Вы умѣете рассказывать смѣшные анекдоты?

Львовъ. Не умѣю.

Анна Петровна. А Николай умѣетъ. И начинаю я также удивляться несправедливости людей: почему за любовь не отвѣчаютъ любовью и за правду платятъ ложью? Скажите: до какихъ поръ будутъ ненавидѣть меня отецъ и мать? Они живутъ за 50 верстъ отсюда, а я день и ночь, даже во снѣ, чувствую ихъ ненависть. А какъ прикажете понимать тоску Николая? Онъ говоритъ, что не любить меня только по вечерамъ, когда его гнететъ тоска. Это я понимаю и допускаю, но представьте, что онъ разлюбилъ меня совершенно! Конечно, это невозможно, ну—а вдругъ? Нѣтъ, нѣтъ, объ этомъ и думать даже не надо (*постъ*). «Чирикъ, чирикъ, гдѣ ты былъ?»... (*вздраиваетъ*). Какія у меня страшныя мысли!.. Вы, докторъ, не семейный и не можете понять многого...

Львовъ. Вы удивляетесь... (*садится рядомъ*). Нѣтъ, я... я удивляюсь, удивляюсь вамъ! Ну, объясните, растолкуйте мнѣ, какъ это вы, умная, честная, почти святая, позволили такъ нагло обмануть себя и затащить васъ въ это свиное гнѣздо? Зачѣмъ вы здѣсь? Что общаго у васъ съ этимъ холоднымъ, бездушнымъ... но оставимъ вашего мужа!—что у васъ общаго съ этою пустою, пошлою средой? О, Господи, Боже мой!.. Этотъ вѣчно брюзжащій, заржавленный, сумасшедшій графъ, этотъ пройдоха, мошенникъ изъ мошенниковъ, Миша, со своею гнусною фізіономіей... Объясните же мнѣ, къ чему вы здѣсь? Какъ вы сюда попали?..

Анна Петровна (*смѣется*). Вотъ точно такъ же и онъ когда-то говорилъ... Точь-въ-точь... Но у него глаза больше, и, бывало, какъ онъ начнетъ говорить о чемъ-нибудь горячо, такъ они какъ угли... Говорите, говорите!..

Львовъ (*встаетъ и машетъ рукой*). Что мнѣ говорить? Идите въ комнаты...

Анна Петровна. Вы говорите, что Николай то да сё, пятое, десятое. Откуда вы его знаете? Развѣ за полгода можно узнать человѣка? Это, докторъ, замѣчательный человѣкъ, и я жалѣю, что вы не знали его года два-три тому назадъ. Онъ теперь хандрить, молчить, ничего не дѣлаетъ, но прежде... Какая прелесть!.. Я полюбила его съ перваго взгляда (*смѣется*). Взглянула, а меня мышловка хлопъ! Онъ сказалъ: пойдёмъ... Я отрѣзала отъ себя все, какъ, знаете, отрѣзають гнилые листья ножницами, и пошла... (*пауза*). А теперь не то... Теперь онъ ѣдетъ къ Лебедевымъ, чтобы развлечься съ другими женщинами, а я... сижу въ саду и слушаю, какъ сова кричить... (*стукъ сторожа*). Докторъ, а братьевъ у васъ нѣтъ?

Львовъ. Нѣтъ.

(*Анна Петровна рыдаетъ*).

Львовъ. Ну, что еще? Что вамъ?

Анна Петровна (*встаетъ*). Я не могу, докторъ, я поѣду туда...

Львовъ. Куда это?

Анна Петровна. Туда, гдѣ онъ... Я поѣду... Прикажете заложить лошадей (*бѣжитъ въ домъ*).

Львовъ. Нѣтъ, я рѣшительно отказываюсь лѣчить при такихъ условіяхъ! Мало того, что ни копейки не платять, но еще душу выворачивають вверхъ дномъ!.. Нѣтъ, я отказываюсь! Довольно!.. (*идетъ въ домъ*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Заль въ домѣ Лебедевыхъ; прямо выходъ въ садъ; направо и налево двери. Старинная, дорогая мебель. Люстра, канделябры и картины— все это въ чехлахъ.

І.

ЗИНАИДА САВИШНА, КОСЫХЪ, АВДОТЯ НАЗАРОВНА
ЕГОРУШКА, ГАВРИЛА, ГОРНИЧНАЯ, СТАРУХИ-ГОСТЬИ
БАРЫШНИ и БАБАКИНА.

Зинаида Савишна сидитъ на диванѣ. По обѣ стороны ея на креслахъ старухи-гостьи; на стульяхъ молодежь. Въ глубинѣ около выхода въ садъ, играютъ въ карты; между играющими: Косыхъ, Авдотья Назаровна и Егорушка. Гаврила стоитъ у правой двери; горничная разно-

сидеть на подносѣ лакомства. Изъ сада въ правую дверь и обратно въ продолженіе всего дѣйствія циркулируютъ гости. Бабакина выходитъ изъ правой двери и направляется къ Зинаидѣ Савишнѣ.

Зинаида Савишна (*радостно*). Душечка, Марѳа Егоровна...

Бабакина. Здравствуйте, Зинаида Савишна! Честь имѣю васъ поздравить съ новорожденною... (*цѣлуются*). Дай Богъ, чтобъ...

Зинаида Савишна. Благодарю васъ, душечка, я такъ рада... Ну, какъ ваше здоровье?

Бабакина. Очень вами благодарна (*садится рядомъ на диванъ*). Здравствуйте, молодые люди!..

(*Гости встаютъ и кланяются*).

1-й гость (*смѣется*). Молодые люди... а вы развѣ старая?

Бабакина (*вздыхая*). Гдѣ ужъ намъ въ молодые лѣтъ...

1-й гость (*почтительно смѣясь*). Помилуйте, что вы... Одно только званіе, что вдова, а вы любой дѣвицѣ можете десять очковъ впередъ дать.

(*Гаврила подноситъ Бабакиной чай*).

Зинаида Савишна (*Гавриль*). Что же ты такъ подаешь? Принесъ бы какого-нибудь варенья. Кружовеннаго, что ли...

Бабакина. Не беспокойтесь, очень вами благодарна.

(*Пауза*).

1-й гость. Вы, Марѳа Егоровна, черезъ Мушкино ѣхали?..

Бабакина. Нѣтъ, на Займище. Тутъ дорога лучше.

1-й гость. Такъ-съ.

Косыхъ. Два пики.

Егорушка. Пасъ.

Авдотья Назаровна. Пасъ.

2-й гость. Пасъ.

Бабакина. Выигрышные билеты, душечка Зинаида Савишна, опять пошли шибко въ гору. Видано ли дѣло: первый заемъ стодитъ ужъ 270, а второй безъ малаго 250... Никогда этого не было...

Зинаида Савишна (*вздыхаетъ*). Хорошо, у кого ихъ много...

Бабакина. Не скажите, душечка; хоть они и въ большой цѣнѣ, а держать въ нихъ капиталъ невыгодно. Одна страховка сживетъ со свѣта.

Зинаида Савишна. Такъ-то такъ, а все-таки, моя милая, надѣешься... (*вздыхаетъ*). Богъ милостивъ...

3-й гость. Съ моей точки зрѣнія, mesdames, я такъ разсуждаю, что въ настоящее время имѣть капиталъ очень

невыгодно. Процентныя бумаги даютъ весьма немного дивиденда, а пускать деньги въ оборотъ чрезвычайно опасно. Я такъ понимаю, mesdames, что человекъ, который въ настоящее время имѣетъ капиталъ, находится болѣе въ критическомъ положеніи, чѣмъ тотъ, mesdames, который...

Бабакина (*вздыхаетъ*). Это вѣрно!

(*1-й гость зѣваетъ*).

Бабакина. А развѣ можно при дамахъ зѣвать?

1-й гость. Pardon, mesdames, это я нечаянно.

(*Зинаида Савишна встаетъ и уходитъ въ правую дверь: продолжительное молчаніе*).

Егорушка. Два бубны.

Авдотья Назаровна. Пасъ.

2-й гость. Пасъ.

Косыхъ. Пасъ.

Бабакина (*въ сторону*). Господи, какая скука, помереть можно!

II.

ТѢ ЖЕ, ЗИНАИДА САВИШНА И ЛЕБЕДЕВЪ.

Зинаида Савишна (*выходя изъ правой двери съ Лебедевымъ, тихо*). Что усѣлся тамъ? Примадонна какая! Сиди съ гостями! (*садится на прежнее мѣсто*).

Лебедевъ (*зѣваетъ*). Охъ, грѣхи наши тяжкіе! (*увидѣвъ Бабакину*). Батюшки, мармеладъ сидитъ! Рахатъ-лукумъ!.. (*здоровается*). Какъ ваше драгоценнѣйшее?..

Бабакина. Очень вами благодарна.

Лебедевъ. Ну, слава Богу!.. Слава Богу! (*садится въ кресло*). Такъ, такъ... Гаврила!

(*Гаврила подноситъ ему рюмку водки и стаканъ воды; онъ выпиваетъ водку и зативаетъ водой*).

1-й гость. На доброе здорovie!..

Лебедевъ. Какое ужъ тутъ доброе здорovie!.. Околѣванца нѣтъ, и на томъ спасибо (*женъ*). Зююшка, а гдѣ же наша новорожденная?

Косыхъ (*плакливо*). Скажите мнѣ: ну, за что мы остались безъ взятки (*вскакиваетъ*). Ну, за что мы проиграли, чортъ меня подери совсѣмъ?

Авдотья Назаровна (*вскакиваетъ и сердито*). А за то, что если ты, батюшка, не умѣешь играть, такъ не садись. Какое ты имѣешь полное право ходить въ чужую масть? Вотъ

и остался у тебя маринованный тузъ!.. *(оба бѣгутъ изъ-за стола впередъ)*.

Косыхъ *(плачущимъ голосомъ)*. Позвольте, господа... У меня на бубнахъ: тузъ, король, дама, коронка самъ-восемь, тузъ пикъ и одна, понимаете ли, одна маленькая червонка, а она, чортъ знаетъ, не могла объявить маленькій шлемъ!.. Я сказалъ безъ козыря...

Авдотья Назаровна *(перевивая)*. Это я сказала безъ козыря! Ты сказалъ: два безъ козыря...

Косыхъ. Это возмутительно!.. Позвольте... у васъ... у меня... у васъ... *(Лебедеву)*. Да вы посудите, Павелъ Кириллычъ... У меня на бубнахъ: тузъ, король, дама, коронка самъ-восемь...

Лебедевъ *(затыкаетъ уши)*. Отстапъ, слѣлай милость... отстанъ...

Авдотья Назаровна *(кричитъ)*. Это я сказала безъ козыря!

Косыхъ *(свирьно)*. Будь я подлець и анаема, если я сяду еще когда-нибудь играть съ этою севрюгой! *(быстро уходитъ въ садъ)*.

(2-й гость уходитъ за нимъ, за столомъ остается Флорушка).

Авдотья Назаровна. Уфъ!.. Даже въ жаръ отъ него бросило... Севрюга!.. Самъ ты севрюга!..

Бабакина. Да и вы, бабушка, сердитая...

Авдотья Назаровна *(увидѣвъ Бабакину, всплескиваетъ руками)*. Ясочка моя, красавица!.. Она здѣсь, а я, куриная слѣпота, и не вижу... Голубочка... *(цѣлуетъ ее въ плечо и садится рядомъ)*. Вотъ радость! Дай же я на тебя погляжу, лебедь бѣлая! Тфу, тфу, тфу... чтобъ не сглазить!..

Лебедевъ. Ну, распѣлась... Жениха бы ей лучше подыскала...

Авдотья Назаровна. И найду! Въ гробъ, грѣшница, не лягу, а ее да Саничку замужъ выдамъ!.. Въ гробъ не лягу... *(вздохъ)*. Только вотъ, гдѣ ихъ найдешь нынче, жениховъ-то? Вотъ они, наши женихи-то, сидятъ нахохлившись, словно пѣтухи мокрые!..

3-й гость. Весьма неудачное сравненіе. Съ моей точки зрѣнія, mesdames, если теперешніе молодые люди предпочитаютъ холостую жизнь, то въ этомъ виноваты, такъ сказать, соціальныя условія...

Лебедевъ. Ну, ну!.. не философствуй!.. не люблю!..

III.

ТЪ ЖЕ и САША.

Саша (*входитъ и идетъ къ отцу*). Такая великолѣпная погода, а вы сидите здѣсь, господа, въ духотѣ.

Зинаида Савишна. Сашенька, развѣ ты не видишь, что у насъ Марѳа Егоровна?

Саша. Виповата (*идетъ къ Бабакиной и здоровется*).

Бабакина. Загордѣлась, Саничка, загордѣлась, хоть бы разокъ пріѣхала (*цѣлуется*). Поздравляю, душечка...

Саша. Благодарю (*садится рядомъ съ отцомъ*).

Лебедевъ. Да, Авдотья Назаровна, трудно теперь съ женихами. Не то, что жениха—путевыхъ шаферовъ достать негдѣ. Нынѣшняя молодежь, не въ обиду будь сказано, какая-то, Господь съ нею, кислая, переваренная... Ни плясать, ни поговорить, ни выпить толкомъ...

Авдотья Назаровна. Ну, пить-то они всѣ мастера, только дай...

Лебедевъ. Не велика штука пить,—пить и лошадь умѣть... Нѣтъ, ты съ толкомъ выпей!.. Въ наше время, бывало, день-деньской съ лекціями бьешься, а какъ только настала вечеръ, идешь прямо куда-нибудь на огонь и до самой зари волчкомъ вертишься... И пляшешь, и барышень забавляешь, и эта штука (*цѣлжаетъ себя по шепъ*). Бывало, и брешешь, и философствуешь, пока языкъ не отнимется... А нынѣшніе... (*махаетъ рукой*). Не понимаю... Ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга. Во всемъ уѣздѣ есть только одинъ путевый малый, да и тотъ женатъ (*вздыхаетъ*) и, кажется, ужъ бѣсится сталь...

Бабакина. Кто это?

Лебедевъ. Николаша Иваловъ.

Бабакина. Да, онъ хорошій мужчина (*дѣлаетъ гримасу*), только несчастный!..

Зинаида Савишна. Еще бы, душечка, быть ему счастливымъ! (*вздыхаетъ*). Какъ онъ, бѣдный, ошибся!.. Женился на своей жидовкѣ и такъ, бѣдный, рассчитывалъ, что отецъ и мать за нею золотыя горы дадутъ, а вышло совсѣмъ напротивъ... Съ того времени, какъ она перемѣнила вѣру, отецъ и мать знать ее не хотятъ, прокляли... Такъ ни копейки и не получилъ. Теперь кается, да ужъ поздно...

Саша. Мама, это неправда.

Бабкина (горячо). Шурочка, какъ же неправда? Вѣдь это всѣ знаютъ. Ежели бы не было интереса, то зачѣмъ бы ему на еврейкѣ жениться? Развѣ русскихъ мало? Ошибся, душечка, ошибся... *(живо)*. Господи, да и достается же теперь ей отъ него! Просто смѣхъ одинъ. Придетъ откуда-нибудь домой и сейчасъ къ ней: «твой отецъ и мать меня падули! Пошла вонъ изъ моего дома!» А куда ей идти? Отецъ и мать не примутъ; пошла бы въ горничныя, да работать не приучена... Ужъ онъ мудруетъ-мудруетъ надъ нею, пока графъ не вступится. Не будь графа, давно бы ее со свѣта сжилъ...

Авдотья Назаровна. А то, бываетъ, запретъ ее въ погребъ и—«ѣшь, такая-сякая, чеснокъ»... Ъсть-ѣсть, покуда изъ души переть не начнетъ *(смѣхъ)*.

Саша. Папа, вѣдь это ложь!

Лебедевъ. Ну, такъ что же? Пусть себѣ мелютъ на здорье... *(кричитъ)*. Гаврила!..

(Гаврила подаетъ ему водку и воду).

Зинаида Савишна. Оттого вотъ и разорился, бѣдный. Дѣла, душечка, совсѣмъ упали... Если бы Боркинъ не глядѣлъ за хозяйствомъ, такъ ему бы съ жидовкой ѣсть нечего было *(вздыхаетъ)*. А какъ мы-то, душечка, изъ-за него пострадали!.. Такъ пострадали, что одинъ только Богъ видитъ! Вѣрите ли, милая, ужъ три года, какъ онъ намъ девять тысячъ долженъ!

Бабкина (съ ужасомъ). Девять тысячъ!..

Зинаида Савишна. Да... это мой милый Пашенька распорядился дать ему. Не разбираетъ, кому можно дать, кому нельзя... Про капиталъ я уже не говорю,—Богъ съ нимъ, но лишь бы проценты исправно платилъ!..

Саша (горячо). Мама, объ этомъ вы говорили уже тысячу разъ!

Зинаида Савишна. Тебѣ-то чтѣ? Что ты заступаешься?

Саша (встаетъ). Но какъ у васъ хватаетъ духа говорить все это про человѣка, который не сдѣлалъ вамъ никакого зла? Ну, чтѣ онъ вамъ сдѣлалъ?

3-й гость. Александра Павловна, позвольте мнѣ сказать два слова! Я уважаю Николая Алексѣевича и всегда считалъ за честь, но, говоря *entre nous*, онъ мнѣ кажется авантюристомъ.

Саша. И поздравляю, если вамъ такъ кажется.

3-й гость. Въ доказательство приведу вамъ слѣдующій фактъ, который передавалъ мнѣ его аташе или, такъ сказать, чичероне Боркинъ. Два года тому назадъ, во время скотской эпизоотии, онъ накупилъ скота, застраховалъ его...

Зинаида Савишна. Да, да, да! Я помню этотъ случай. Мнѣ тоже говорили.

3-й гость. Застраховалъ его, можете имѣть въ виду, потомъ заразилъ чумой и взялъ страховую премію.

Саша. Ахъ, да вздоръ все это! Вздоръ! Никто не покупалъ и не заражалъ скота! Это самъ Боркинъ сочинилъ такой проектъ и вездѣ хвастался имъ. Когда Ивановъ узналъ объ этомъ, то Боркинъ потомъ у него двѣ недѣли прощенія просилъ. Виноватъ же Ивановъ только, что у него слабый характеръ и не хватаетъ духа прогнать отъ себя этого Боркина, и виноватъ, что онъ слишкомъ вѣрить людямъ! Все, что у него было, растащили, расхитили; около его великодушныхъ затѣй наживался всякій, кто только хотѣлъ.

Лебедевъ. Шура-горячка! Будеть тебѣ!

Саша. Зачѣмъ же они говорятъ вздоръ? Ахъ, да все это скучно и скучно! Ивановъ, Ивановъ, Ивановъ—и больше нѣтъ другихъ разговоровъ (*идетъ къ двери и возвращается*). Удивляюсь! (*молодымъ людямъ*). Положительно удивляюсь вашему терпѣнію, господа! Неужели вамъ не скучно такъ сидѣть? Вѣдь воздухъ застылъ отъ тоски! Говорите же что-нибудь, забавляйте барышень, шевелитесь! Ну, если у васъ нѣтъ другихъ сюжетовъ, кромѣ Иванова, то смѣйтесь, пойте, пляшите, что ли...

Лебедевъ (*смѣется*). Пробери-ка, пробери ихъ хорошенько!

Саша. Ну, послушайте, сдѣлайте мнѣ такое одолженіе! Если не хотите плясать, смѣяться, пѣть, если все это скучно, то, прошу васъ, умоляю, хоть разъ въ жизни, для курьеза, чтобы удивить или насмѣшить, соберите силы и всѣ разомъ придумайте что-нибудь остроумное, блестящее, скажите даже хоть дерзость или пошлость, но чтобъ было смѣшно и ново! Или всѣ разомъ совершите что-нибудь маленькое, чуть замѣтное, но хоть немножко похожее на подвигъ, чтобы барышни хоть разъ въ жизни, глядя на васъ могли бы сказать: «Ахъ!» Послушайте, вѣдь вы желаете

нравиться, но почему же вы не стараетесь нравиться? Ахъ, господа! Всѣ вы не то, не то, не то!.. На васъ глядя, мухи мрутъ и лампы пачинають копѣть. Не то, не то!.. Тысячу разъ я вамъ говорила и всегда буду говорить, что всѣ вы не то, не то, не то!..

IV.

ТЪ ЖЕ, ИВАНОВЪ и ШАВЕЛЬСКІЙ.

Шавельскій (входя съ Ивановымъ изъ правой двери). Кто это здѣсь декламируетъ? Вы, Шурочка? *(хочетъ и пожимаетъ ей руку).* Поздравляю, ангель мой, дай вамъ Богъ поозже умереть и не рождаться во второй разъ...

Зинаида Савишна (радостно). Николай Алексѣевичъ, графъ!..

Лебедевъ. Ва! Кого вижу... графъ! *(идетъ навстрѣчу).*

Шавельскій (увидавъ Зинаиду Савишну и Бабакину, протягиваетъ въ сторону ихъ руки). Два банка на одномъ диванѣ!.. Глядѣть любо! *(здоровается; Зинаидѣ Савишнѣ).* Здравствуйте, Зюзюшка! *(Бабакиной).* Здравствуйте, помпончикъ!..

Зинаида Савишна. Я такъ рада. Вы, графъ, у насъ такой рѣдкій гость! *(кричитъ).* Гаврила, чаю! Садитесь, пожалуйста! *(встаетъ, уходитъ въ правую дверь и тотчасъ же возвращается; видъ крайне озабоченный. Саниа садится на прежнее мѣсто. Ивановъ молча здоровается со всѣми).*

Лебедевъ (Шавельскому). Откуда ты взялся? Какія это силы тебя принесли? Вотъ сюрпризъ! *(цѣлуетъ его).* Графъ, вѣдь ты разбойникъ! Такъ не дѣлають порядочные люди! *(ведетъ его за руку къ рамѣ).* Отчего ты у насъ не бываешь? Сердить, что ли?

Шавельскій. На чемъ же я могу къ тѣбѣ ѣздить? Верхомъ на палкѣ? Своихъ лошадей у меня нѣтъ, а Николай не беретъ съ собою, велить съ Саррой сидѣть, чтобъ та не скучала. Присылай за мною своихъ лошадей, тогда и буду ѣздить...

Лебедевъ (машиетъ рукой). Ну, да!.. Зюзюшка скорѣе треснетъ, чѣмъ дастъ лошадей. Голубчикъ ты мой, милый, вѣдь ты для меня дороже и роднѣе всѣхъ! Изъ всего старья уцѣлѣли я да ты! Люблю въ тебѣ я прежнія страданія и молодость погибшую мою... Шутки шутками, а я вотъ почти плачу *(цѣлуетъ графа).*

Шабельскій. Пусти, пусти! Отъ тебя, какъ изъ виннаго погреба...

Лебедевъ. Душа моя, ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ скучно безъ моихъ друзей! Вѣшаться готовъ съ тоски... *(тихо)*. Зюзюшка со своею ссудною кассой разогнала всѣхъ порядочныхъ людей, и остались, какъ видишь, одни только зулусы... эти Дудкины, Будкины... Ну, кушай чай... *(Гаврила подноситъ графу чай)*.

Зинаида Савишна *(озабоченно Гаврилъ)*. Ну, какъ же ты подаешь? Принеси бы какого-нибудь варенья... Кружовеннаго, что ли...

Шабельскій *(хохочетъ; Иванову)*. Что, не говорилъ я тебѣ? *(Лебеву)*. Я съ нимъ пари дорогой держалъ, что, какъ прѣдемъ, Зюзюшка сейчасъ же начнетъ угощать насъ кружовеннымъ вареньемъ...

Зинаида Савишна. Вы, графъ, все такой же насмѣшникъ... *(садится)*.

Лебедевъ. Двадцать бочекъ его наварили, такъ куда же его дѣвать?

Шабельскій *(садясь около стола)*. Вы копите, Зюзюшка? Ну, что ужъ милліончикъ есть, а?

Зинаида Савишна *(со вздохомъ)*. Да, со стороны поглядѣть, такъ богаче насъ и людей нѣтъ, а откуда быть деньгамъ? Одинъ разговоръ только...

Шабельскій. Ну, да, да!.. знаемъ!.. Знаемъ, какъ вы плохо въ шашки играете... *(Лебеву)*. Паша, скажи по совѣсти: скопили милліонъ?

Лебедевъ. Не знаю. Это у Зюзюшки спроси...

Шабельскій *(Бабакиной)*. И у жиренькаго помпончика скоро будетъ милліончикъ! Хорошѣетъ и полнѣетъ не по днямъ, а по часамъ! Что значить деньжищъ много...

Бабакина. Очень вами благодарна, ваше сіятельство, а только я не люблю насмѣшекъ.

Шабельскій. Милый мой банкъ, да развѣ это насмѣшки? Это просто вопль души, отъ избытка чувствъ глаголятъ уста... Васъ и Зюзюшку я люблю безконечно... *(весело)*. Восторгъ!.. Упоение!.. Васъ обѣихъ не могу видѣть равнодушно...

Зинаида Савишна. Вы все такой же, какъ и были *(Егорушкѣ)*. Егорушка, потуши свѣчи! Зачѣмъ имъ горѣть попусту, если не играетъ? *(Егорушка вздрагиваетъ; тушитъ)*

свѣчи и садится; Иванову). Николаѣй Алексѣевичъ, какъ здоровье вашей супруги?

Ивановъ. Плохо. Сегодня докторъ положительно сказалъ, что у нея чахотка...

Зинаида Савишна. Неужели? Какая жалость!.. *(вздохъ)*. А мы всё ее такъ любимъ...

Шабельскій. Вздоръ, вздоръ и вздоръ!.. Никакой чахотки нѣтъ, докторское шарлатанство, фокусъ. Хочется эскулапу шляться, вотъ и выдумалъ чахотку. Благо, мужъ не ревнивъ *(Ивановъ дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе)*. Что касается самой Сарры, то я не вѣрю ни одному ея слову, ни одному движенію. Въ своей жизни я никогда не вѣрилъ ни докторамъ, ни адвокатамъ, ни женщинамъ. Вздоръ, вздоръ, шарлатанство и фокусы!

Лебедевъ *(Шабельскому)*. Удивительный ты субъектъ, Матвѣй!.. Напустилъ на себя какую-то мизантропію и носится съ нею, какъ дуракъ съ писаною торбой. Человѣкъ какъ человѣкъ, а заговоришь, такъ точно у тебя типунъ на языкѣ или сплошной катарръ...

Шабельскій. Что же мнѣ дѣловаться съ мошенниками и подлецами, что ли?

Лебедевъ. Гдѣ же ты видишь мошенниковъ и подлецовъ?

Шабельскій. Я, конечно, не говорю о присутствующихъ, но...

Лебедевъ. Вотъ тебѣ и но... Все это напускное.

Шабельскій. Напускное... Хорошо, что у тебя никакого міровоззрѣнія нѣтъ.

Лебедевъ. Какое мое міровоззрѣніе? Сижу и каждую минуту околѣванца жду. Вотъ мое міровоззрѣніе. Намъ, братъ, не время съ тобою о міровоззрѣніяхъ думать. Такъ-то... *(кричитъ)*. Гаврила!

Шабельскій. Ты ужъ и такъ нагаврился... Погляди, какъ носъ насандалилъ!

Лебедевъ *(пѣетъ)*. Ничего, душа моя... не вѣнчаться мнѣ ѣхать.

Зинаида Савишна. Давно уже у насъ докторъ Львовъ не былъ. Совсѣмъ позабылъ.

Саша. Моя антипатія. Ходячая честность. Воды не попросить, папиросы не закурить безъ того, чтобы не показать своей необыкновенной честности. Ходить или говорить, а у самого на лбу написано: я честный человѣкъ! Скучно съ нимъ.

Шабельскій. Узкій, прямолинейный лѣкаръ! (*дразнитъ*). «Дорогу честному труду!» Оретъ на каждомъ шагу, какъ попугай, и думаетъ, что въ самомъ дѣлѣ второй Добролюбовъ. Кто не оретъ, тотъ подлецъ. Взгляды удивительные по своей глубинѣ. Если мужикъ зажиточный и живетъ человѣчески, то, значитъ, подлецъ и кулакъ. Я хожу въ бархатномъ пиджакѣ и одѣваетъ меня лакей — я подлецъ и крѣпостникъ. Такъ честенъ, такъ честенъ, что всего распираетъ отъ честности. Мѣста себѣ не находитъ. Я даже боюсь его... Ей-ей!.. Того и гляди, что изъ чувства долга по рылу хватить или подлеца пустить.

Ивановъ. Онъ меня ужасно утомилъ, но все-таки мнѣ симпатиченъ; въ немъ много искренности.

Шабельскій. Хороша искренность! Подходить вчера ко мнѣ вечеромъ и ни съ того ни съ сего: «Вы, графъ, мнѣ глубоко несимпатичны!» Покорнѣйше благодарю! И все это не просто, а съ тенденціей: и голосъ дрожитъ, и глаза горятъ и поджилки трясутся... Чортъ бы побралъ эту деревянную искренность! Ну, я противенъ ему, гадокъ, это естественно... я и самъ сознаю, но къ чему говорить это въ лицо? Я дрянной человѣкъ, но вѣдь у меня, какъ бы то ни было, сѣдые волосы... Бездарная, безжалостная честность!

Лебедевъ. Ну, ну, ну!.. Самъ, небось, былъ молодымъ и понимаешь.

Шабельскій. Да, я былъ молодъ и глупъ. въ свое время разыгрывалъ Чацкаго, обличалъ мерзавцевъ и мошенниковъ, но никогда въ жизни я воровъ не называлъ въ лицо ворами и въ домѣ повѣшеннаго не говорилъ о веревкѣ. Я былъ воспитанъ. А вашъ, этотъ тупой лѣкаръ, почувствовалъ бы себя на высотѣ своей задачи и на седьмомъ небѣ, если бы судьба дала ему случай, во имя принципа и общечеловѣческихъ идеаловъ, хватить меня публично по рылу и подъ микитки.

Лебедевъ. Молодые люди всѣ съ норовомъ. У меня дядя гегелианецъ былъ... такъ тотъ, бывало, соберетъ къ себѣ гостей полонъ домъ, вышьетъ, станетъ вотъ этакъ на стуль и начинаетъ: «Вы невѣжды! Вы мрачная сила! Заря новой жизни!» Та-та, та-та, та-та... Ужъ онъ отчитываетъ, отчитываетъ...

Саша. А гости что же?

Лебедевъ. А ничего... Слушаютъ да пьютъ себѣ. Разъ, впрочемъ, я его на дуэль вызвалъ... дядю-то родного. Изъ-за

Бэкона вышло. Помню, сидѣлъ я, дай Богъ память, вотъ такъ, какъ Матвѣй, а дядя съ покойнымъ Герасимомъ Нилычемъ стояли вотъ тутъ, примѣрно, гдѣ Николаша... Ну-съ, Герасимъ Нилычъ и задастъ, братаецъ ты мой, вопросъ... (*входитъ Боркинъ*).

V.

ТѢ ЖЕ и БОРКИНЪ (*одѣтый франтомъ, со сверткомъ въ рукахъ, подпрыгивая и натывая, входитъ изъ правой двери. Гулъ одобренія*).

Барышни. Михаилъ Михайловичъ!..

Лебедевъ. Мишель Мишеличъ! Слыхомъ-слыхать...

Шабельскій. Душа общества!

Боркинъ. А вотъ и я! (*подбѣгаетъ къ Сашѣ*). Благородная синьорина, беру на себя смѣлость поздравить вселенную съ рожденіемъ такого чуднаго цвѣтка, какъ вы... Какъ дань своего восторга, осмѣливаюсь преподнести (*подаетъ свертокъ*) фейерверки и бенгальскіе огни собственнаго издѣлія. Да прояснятъ они ночь такъ же, какъ вы просвѣтляете потемки темнаго царства (*театрально раскланивается*).

Саша. Благодарю васъ...

Лебедевъ (*хохочетъ, Иванову*). Отчего ты не прогонишь эту Іуду?

Боркинъ (*Лебедеву*). Павлу Кириллычу! (*Иванову*). Патрону... (*поетъ*). *Nicolas voilà, го-ги-го!* (*обходитъ всѣхъ*). Почтеннѣйшей Зинаидѣ Савишнѣ... Божественной Марѣѣ Егоровнѣ... Древнѣйшей Авдотѣ Назаровнѣ... Сіяательнѣйшему графу...

Шабельскій (*хохочетъ*). Душа общества... Едва вошелъ, какъ атмосфера стала жиже. Вы замѣчаете?

Боркинъ. Уфъ, утомился... Кажется, со всѣми здоровался. Ну, что новенькаго, господа? Нѣтъ ли чего-нибудь такого особеннаго, въ носъ шибяющаго (*живо Зинаидѣ Савишнѣ*). Ахъ, послушайте, мамаша... Ъду сейчасъ къ вамъ... (*Гавриль*). Дай-ка мнѣ, Гаврюша, чаю, только безъ кружовеннаго варенья! (*Зинаидѣ Савишнѣ*). Ъду сейчасъ къ вамъ, а на рѣкъ у васъ мужики съ лозняка кору деруть. Отчего вы лозьякъ на откупъ не отдадите?

Лебедевъ (*Иванову*). Отчего ты не прогонишь этого Іуду?

Зинаида Савишна (*испуганно*). А вѣдь это правда, мнѣ и на умъ не приходило!..

Боркинъ (*дѣлаетъ ручную гимнастику*). Не могу безъ движеній... Мамаша, что бы такое особенное выкинуть? Марья Егоровна, я въ ударѣ... Я экзальтированъ! (*поетъ*). «Я вновь предъ тобою...»

Зинаида Савишна. Устройте что-нибудь, а то всѣ соскутились.

Боркинъ. Господа, что же вы это въ самомъ дѣлѣ носы повѣсили? Сидятъ, точно присяжные засѣдатели!.. Давайте, изобразимъ что-нибудь. Что хотите? Фанты, веревочку, горѣлки, танцы, фейерверки?

Барышни (*хлопаютъ въ ладоши*). Фейерверки, фейерверки! (*бѣгутъ въ садъ*).

Саша (*Иванову*). Что вы сегодня такой скучный?..

Ивановъ. Голова болитъ, Шурочка, да и скучно...

Саша. Пойдемте въ гостиную (*идутъ въ правую дверь; уходятъ въ садъ всѣ, кромѣ Зинаиды Савишны и Лебедева*).

Зинаида Савишна. Вотъ это я понимаю — молодой человѣкъ: и минуты не побылъ, а ужъ всѣхъ развеселилъ (*приглушиваетъ большую лампу*). Пока они всѣ въ саду, нечего свѣчамъ даромъ горѣть (*тушитъ свѣчи*).

Лебедевъ (*идя за нею*). Зюзюшка, надо бы дать гостямъ закусить чего-нибудь...

Зинаида Савишна. Ишь свѣчей сколько... не даромъ люди судятъ, что мы богатые (*тушитъ*).

Лебедевъ (*идя за нею*). Зюзюшка, дала бы чего-нибудь поѣсть людямъ... Люди молодые, небось проголодались, бѣдные... Зюзюшка...

Зинаида Савишна. Графъ не допилъ своего стакана. Даромъ только сахаръ пропалъ (*идетъ въ лѣвую дверь*).

Лебедевъ. Тьфу!.. (*уходитъ въ садъ*).

VI.

ИВАНОВЪ и САША.

Саша (*входя съ Ивановымъ изъ правой двери*). Всѣ ушли въ садъ.

Ивановъ. Такія-то дѣла, Шурочка. Прежде я много работалъ и много думалъ, но никогда не утомлялся; теперь же ничего не дѣлаю и ни о чемъ не думаю, а усталъ тѣломъ и душой. День и ночь болитъ моя совѣсть, я чувствую, что глубоко виноватъ, но въ чемъ собственно моя вина, не понимаю. А тутъ еще болѣзнь жены, безденежье,

вѣчная грызня, сплетни, лишніе разговоры, глупый Боркинъ... Мой домъ мнѣ опротивѣлъ и жить въ немъ для меня хуже пытки. Скажу вамъ откровенно, Шурочка, для меня стало невыносимо даже общество жены, которая меня любитъ. Вы — мой старый пріятель, и вы не будете сердиться за мою искренность. Пріѣхалъ я вотъ къ вамъ развлечься, но мнѣ скучно и у васъ, и опять меня тянетъ домой. Простите, я сейчасъ потихоньку уѣду.

Саша. Николай Алексѣевичъ, я понимаю васъ. Ваше несчастье въ томъ, что вы одиноки. Нужно, чтобы около васъ былъ человекъ, котораго бы вы любили и который васъ понималъ бы. Одна только любовь можетъ обновить васъ.

Ивановъ. Ну, вотъ еще, Шурочка! Недостаетъ, чтобы я, старый, мокрый пѣтухъ, затянулъ новый романъ! Храни меня Богъ отъ такого несчастья! Иѣтъ, моя умница, не въ романъ дѣло. Говорю, какъ предъ Богомъ, я снесу все: и тоску, и психопатію, и разоренье, и потерю жены, и свою раннюю старость, и одиночество, но не снесу, не выдержу я своей насмѣлки надъ самимъ собою. Я умираю отъ стыда при мысли, что я, здоровый, сильный человекъ, обратился не то въ Гамлета, не то въ Манфреда, не то въ лишніе люди... самъ чертъ не разберетъ! Есть жалкіе люди, которымъ льстить, когда ихъ называютъ Гамлетами или лишними, но для меня это — позоръ! Это возмущаетъ мою гордость, стыдъ гнететъ меня, и я страдаю...

Саша (*идетъ, сквозь слезы*). Николай Алексѣевичъ, бѣжимте въ Америку.

Ивановъ. Мнѣ до этого порога лѣнь дойти, а вы въ Америку... (*идутъ къ выходу въ садъ*). Въ самомъ дѣлѣ, Шура, вамъ здѣсь трудно живется! Какъ погляжу я на людей, которые васъ окружаютъ, мнѣ становится странно: за кого вы тутъ замужъ пойдете? Одна только надежда, что какой-нибудь проѣзжій поручикъ или студентъ украдетъ васъ и увезетъ...

VII.

ЗИНАИДА САВИШНА (*выходитъ изъ лѣвой двери съ банкой варенья*).

Ивановъ. Виповать, Шурочка, я догону васъ...

(*Саша уходитъ въ садъ*).

Ивановъ. Зинаида Савишна, я къ вамъ съ просьбой...

Зинаида Савишна. Что вамъ, Николай Алексѣевичъ?

Ивановъ (*мнется*). Дѣло, видите ли, въ томъ, что послѣ-завтра срокъ моему векселю. Вы премного бы обязали меня, если бы дали отсрочку, или позволили приписать проценты къ капиталу. У меня теперъ совсѣмъ нѣтъ денегъ...

Зинаида Савишна (*испуганно*). Николай Алексѣевичъ, да какъ это можно? Что же это за порядокъ? Нѣтъ, и не выдумывайте вы, Бога ради, не мучьте меня несчастную...

Ивановъ. Винавать, винавать... (*уходитъ въ садъ*).

Зинаида Савишна. Фуи, батюшки, какъ онъ меня встревожилъ!.. Я вся дрожу... вся дрожу... (*уходитъ въ правую дверь*).

VIII.

Косыхъ (*входитъ изъ лѣвой двери и идетъ черезъ сцену*). У меня на бубнахъ: тузъ, король, дама, коронка самъ-восемь, тузъ пикъ и одна... одна маленькая червонка, а она, чортъ ее возьми совсѣмъ, не могла объявить маленькаго шлема! (*уходитъ въ правую дверь*).

IX.

АВДОТЯ НАЗАРОВНА и 1-й ГОСТЬ.

Авдотья Назаровна (*выходя съ 1-мъ гостемъ изъ сада*). Вотъ такъ бы я ее и растерзала, сквалыгу, такъ бы и растерзала! Шутка ли, съ пяти часовъ сижу, а она хоть бы ржавую селедкой попотчивала!.. Ну, домъ!.. Ну, хозяйство!..

1-й гость. Такая скучица, что просто разбѣжался бы и головой объ стѣну! Ну, люди, Господи помилуй!.. Со скуки да съ голоду волкомъ завоешь и людей грызть начнешь...

Авдотья Назаровна. Такъ бы я ее и растерзала, грѣшница.

1-й гость. Выпью, старая, и — домой! И невѣсть мнѣ твоихъ не надо. Какая тутъ, къ нечистому, любовь, ежели съ самаго обѣда ни рюмки?

Авдотья Назаровна. Пойдемъ, поищемъ, что ли...

1-й гость. Тсс!.. Потяхоньку! Шнапсъ, кажется, въ столовой, въ буфетѣ стоитъ. Мы Егорушку за бока... Тсс!.. (*уходятъ въ лѣвую дверь*).

X.

АННА ПЕТРОВНА и ЛЬВОВЪ (*выходятъ изъ правой двери*).

Анна Петровна. Ничего, намъ рады будутъ. Никого нѣтъ. Должно-быть, въ саду.

Львовъ. Ну, зачѣмъ, спрашивается, вы привезли меня сюда, къ этимъ коршунамъ? Не мѣсто тутъ для насъ съ вами! Честные люди не должны знать этой атмосферы!

Анна Петровна. Послушайте, господинъ честный человѣкъ! Нелюбезно провожать даму и всю дорогу говорить съ нею только о своей честности! Можетъ-быть, это и честно, но, по меньшей мѣрѣ, скучно. Никогда съ женщинами не говорите о своихъ добродѣтеляхъ. Пусть онѣ сами поймутъ. Мой Николай, когда былъ такимъ, какъ вы, въ женскомъ обществѣ только пѣлъ пѣсни и рассказывалъ небылицы, а между тѣмъ каждая знала, что онъ за человѣкъ.

Львовъ. Ахъ, не говорите мнѣ про ваниго Николая, я его отлично понимаю.

Анна Петровна. Вы хорошии человѣкъ, но ничего не понимаете. Пойдемте въ садъ. Онъ никогда не выражался такъ: «Я честенъ! Мнѣ душно въ этой атмосферѣ! Коршуны! Совиное гнѣздо! Крокодилы!» Звѣринецъ онъ оставялъ въ покоѣ, а когда, бывало, возмущался, то я отъ него только и слышала: «Ахъ, какъ я былъ несправедливъ сегодня!» или: «Анюта, жаль мнѣ этого человѣка!» Вотъ какъ, а вы... *(уходятъ)*.

XI.

АВДОТЯ НАЗАРОВНА и 1-й ГОСТЬ.

1-й гость *(выходя изъ лѣвой двери)*. Въ столовой нѣтъ, такъ, стало-быть, гдѣ-нибудь въ кладовой. Надо бы Егорушку пощупать. Пойдемъ черезъ гостиную.

Авдотья Назаровна. Такъ бы я ее и растерзала!.. *(уходятъ въ правую дверь)*.

XII.

БАБАКИНА, БОРКИНЪ и ШАБЕЛЬСКІЙ *(Бабакина и Боркинъ со смѣхомъ выбѣгаютъ изъ сада; за ними, смѣясь и потирая руки, сѣмнитъ Шабельскій)*.

Бабакина. Какая скука! *(хохочетъ)*. Какая скука! Всѣ ходятъ и сидятъ, какъ будто аршинъ проглотили! Отъ скуки всѣ косточки застыли *(прыгаетъ)*. Надо размяться!.. *(Боркинъ хватается се за талию и цѣлуетъ озъ щеку)*.

Шабельскій *(хохочетъ и щелкаетъ пальцами)*. Чортъ возьми! *(крякаетъ)*. Нѣкоторымъ образомъ...

Бабакина. Пустите, пустите руки, безстыдникъ, а то графъ Богъ знаетъ, что подумаетъ! Отстаньте!..

Боркинъ. Ангелъ души моей, карбункуля моего сердца!.. (*цѣлуетъ*). Дайте займы 2.300 рублей!..

Бабакина. Нѣ-нѣ-нѣтъ... Какъ хотите, а насчетъ денегъ— очень вами благодарна... Пѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Ахъ, да пустите руки!..

Шабельскій (*съменитъ около*). Помпончикъ... Имѣетъ свою пріятность...

Боркинъ (*серьезно*). По, довольно. Давайте говорить о дѣлѣ. Будемъ разсуждать прямо, по-коммерчески. Отвѣчайте мнѣ прямо, безъ subtilностей и безъ всякихъ фокусовъ: да или нѣтъ? Слушайте! (*указываетъ на графа*). Вотъ ему нужны деньги, минимумъ три тысячи годового дохода. Вамъ нуженъ мужъ. Хотите быть графиней?

Шабельскій (*хохочетъ*). Удивительный циникъ!

Боркинъ. Хотите быть графиней? Да или нѣтъ?

Бабакина (*взволнованная*). Выдумываете, Миша, право... И эти дѣла не дѣлаются такъ, съ бухты-барахты... Если графу угодно, онъ самъ можетъ и... и я не знаю, какъ это вдругъ, сразу...

Боркинъ. Ну, ну, будетъ тѣнь наводить! Дѣло коммерческое... Да или нѣтъ?

Шабельскій (*смѣясь и потирая руки*). Въ самомъ дѣлѣ, а? Чортъ возьми, развѣ устроить себѣ эту гнусность? а? Помпончикъ... (*цѣлуетъ Бабакину въ щеку*). Прелесть!.. Огурчикъ!..

Бабакина. Пойдите, пойдите, вы меня совѣмъ встревожили... Уйдите, уйдите!.. Нѣтъ, не уходите!..

Боркинъ. Скорѣй! Да или нѣтъ? Намъ некогда...

Бабакина. Знаете что, графъ? Вы пріѣзжайте ко мнѣ въ гости дня на три... У меня весело, не такъ, какъ здѣсь... Пріѣзжайте завтра... (*Боркину*). Нѣтъ, вы это шутите?

Боркинъ (*сердито*). Да кто же станетъ шутить въ серьезныхъ дѣлахъ?

Бабакина. Пойдите, пойдите... Ахъ, мнѣ дурно! Мнѣ дурно! Графиня... Мнѣ дурно!.. Я падаю!..

(*Боркинъ и графъ со смѣхомъ берутъ ее подъ руки и, цѣлуя въ щеки, вводятъ въ правую дверь*).

ХІІІ.

ИВАНОВЪ, САША, потомъ АННА ПЕТРОВНА (*Ивановъ и Саша вбѣгаютъ изъ сада*).

Ивановъ (*съ отчаяніемъ хватая себя за голову*). Не можетъ быть! Не надо, не надо, Шурочка!.. Ахъ, не надо!..

Саша (*съ увлеченіемъ*). Люблю я васъ безумно!.. Безъ васъ нѣтъ смысла моей жизни, нѣтъ счастья и радости! Для меня вы все...

Ивановъ. Къ чему, къ чему! Боже мой, я ничего не понимаю!.. Шурочка, не надо!..

Саша. Въ дѣтствѣ моемъ вы были для меня единственною радостью; я любила васъ и вашу душу, какъ себя, а теперь... я васъ люблю, Николай Алексѣевичъ!.. Съ вами не то что на край свѣта, а куда хотите, хоть въ могилу, только ради Бога скорѣе, иначе я задохнусь.

Ивановъ (*закатывается счастливымъ смѣхомъ*). Это что же такое? Это, значитъ, начинать жизнь сначала? Шурочка, да?.. Счастье мое! (*привлекаетъ ее къ себѣ*). Моя молодость, моя свѣжесть...

(*Анна Петровна входитъ изъ сада и, увидѣвъ мужа и Сашу, останавливается, какъ скопанная*).

Ивановъ. Значитъ, жить? Да? Снова за дѣло?

(*Поцѣлуй. Послѣ поцѣлуя Ивановъ и Саша оглядываются и видятъ Анну Петровну*).

Ивановъ (*съ ужасомъ*). Сарра!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Кабинетъ Иванова. Письменный столъ, на которомъ въ безпорядкѣ лежатъ бумаги, книги, казенные пакеты, бездѣлушки, револьверы; возлѣ бумагъ замка, графинъ съ водкой, тарелка съ селедкой, куски хлѣба и огурцы. На стѣнахъ ландкарты, картины, ружья, пистолеты, серпы, нагайки и проч.—Полдень.

І.

ШАБЕЛЬСКІЙ, ЛЕБЕДЕВЪ, БОРКИНЪ и ПЕТРЪ.

Шабельскій и Лебедевъ сидятъ по сторонамъ письменнаго стола. Боркинъ среди сцены верхомъ на стулѣ. Петръ стоитъ у двери.

Лебедевъ. У Франціи политика ясная и опредѣленная!.. Французы знаютъ, чего хотятъ. Имъ нужно лущить кол-

басниковъ и больше ничего, а у Германіи, братъ, совсѣмъ не та музыка. У Германіи кромѣ Франціи еще много сучковъ въ глазу...

Шабельскій. Вздоръ!.. По-моему, пѣмцы трусы и французы трусы... Показываютъ только другъ другу кукиши въ карманѣ. Повѣрь, кукишами дѣло и ограничится. Драться не будутъ.

Боркинъ. А, по-моему, зачѣмъ драться? Къ чему всѣ эти вооруженія, конгрессы, расходы? Я что бы сдѣлалъ? Собралъ бы со всего государства собакъ, привилъ бы имъ пастеровскій ядъ въ хорошей дозѣ и пустилъ бы въ непріятельскую страну. Всѣ враги перебѣсились бы у меня черезъ мѣсяць.

Лебедевъ (*смѣется*). Голова, посмотришь, маленькая, а великихъ идей въ ней тьма-тьмуца, какъ рыбъ въ океанѣ

Шабельскій. Виртуозъ!

Лебедевъ. Богъ съ тобою, смѣяишь ты, Мишель Мишеличъ! (*переставъ смѣяться*). Что жъ, господа, Жомини да Жомини, а объ водкѣ ни полслова. Repetatur! (*наливаетъ три рюмки*). Будемте здоровы... (*пьютъ и закусываютъ*). Селедочка, матушка, всѣмъ закускамъ закуска.

Шабельскій. Ну, пѣтъ, огурецъ лучше... Ученые съ сотворенія міра думаютъ и ничего умнѣ соленого огурца не придумали (*Петру*). Петръ, поди-ка еще принеси огурцовъ, да вели на кухнѣ изжарить четыре широжка съ лукомъ. Чтобъ горячіе были.

(*Петръ уходитъ*).

Лебедевъ. Водку тоже хорошо икрой закусывать. Только какъ? Съ умомъ надо... Взять икры паюсной четвертку, двѣ луковочки зеленаго лучку, прованскаго масла, смѣшать все это и, знаешь, этакъ... поверхъ всего лимончикомъ... Смерть! Отъ одного аромата уторишь.

Боркинъ. Послѣ водки хорошо тоже закусывать жареными пискарями. Только ихъ надо умѣть жарить. Нужно почистить, потомъ обвалить въ толченыхъ сухаряхъ и жарить досуха, чтобы на зубахъ хрустѣли... хру-хру-хру...

Шабельскій. Вчера у Бабакиной была хорошая закуска— бѣлые грибы.

Лебедевъ. А еще бы...

Шабельскій. Только какъ-то особенно приготовлены. Знаешь, съ лукомъ, съ лавровымъ листомъ, со всякими

снеціями. Какъ открыли кастрюлю, а изъ нея паръ, запахъ... просто восторгъ!

Лебедевъ. А что жъ? *Repetatur*, господа! *(выпиваютъ)*. Будемте здоровы... *(смотритъ на часы)*. Должно-быть, не дождусь я Николаши. Пора мнѣ ѣхать. У Бабакиной, ты говоришь, грибы подавали, а у насъ еще не видать грибовъ. Скажи на милость, за какимъ это лѣшимъ ты зачастилъ къ Мареуткѣ?

Шабельскій *(киваетъ на Боркина)*. Да вотъ, женить меня на ней хочеть...

Лебедевъ. Женить?.. Тебѣ сколько лѣтъ?

Шабельскій. Шестьдесятъ два года.

Лебедевъ. Самая пора жениться. А Мареутка какъ разъ тебѣ пара.

Боркинъ. Тутъ не въ Мареуткѣ дѣло, а въ Мареуткиныхъ стерлингахъ.

Лебедевъ. Чего захотѣлъ: Мареуткиныхъ стерлинговъ... А гусиного чаю не хочешь?

Боркинъ. А вотъ какъ женится человѣкъ, да набьетъ себѣ амноше, тогда и увидите гусиный чай. Облизнетесь...

Шабельскій. А вѣдь онъ серьезно. Этотъ геній увѣренъ, что я его послушаюсь и женюсь...

Боркинъ. А то какъ же? А вы развѣ уже не увѣрены?

Шабельскій. Да ты съ ума сошелъ... Когда я былъ увѣренъ? Псс...

Боркинъ. Благодарю васъ... Очень вамъ благодаренъ! Такъ это, значить, вы меня подвести хотите? То женюсь, то не женюсь... самъ чортъ не разберетъ, а я ужъ честное слово далъ! Такъ вы не женитесь?

Шабельскій *(пожимаетъ плечами)*. Онъ серьезно... Удивительный человѣкъ!

Боркинъ *(возмущаясь)*. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же было баламутить честную женщину? Она помѣшалась на графствѣ, не спитъ, не ѣсть... Развѣ этимъ шутятъ?.. Развѣ это честно?

Шабельскій *(щелкаетъ пальцами)*. А что, въ самомъ дѣлѣ, не устроить ли себѣ эту гнусность? А? На зло! Возьму и устрою. Честное слово... Вотъ будетъ потѣха!

(Входитъ Львовъ).

II.

Лебедевъ. Эскулапін, наше нижайшее... *(подаетъ Львову)*

руку и постъ). «Докторъ, батюшка, спасите, смерти до смерти боюсь...»

Львовъ. Николай Алексѣевичъ еще не приходилъ?

Лебедевъ. Да нѣтъ, я самъ его жду больше часа.

(Львовъ нетерпливо шагаетъ по сценѣ).

Лебедевъ. Милый, ну, какъ здоровье Анны Петровны?

Львовъ. Плохо.

Лебедевъ *(вздохъ)*. Можно пойти засвидѣтельствовать почтеніе?

Львовъ. Нѣтъ, пожалуйста, не ходите. Она, кажется, спитъ... *(пауза)*.

Лебедевъ. Симпатичная, славная... *(вздыхаетъ)*. Въ Шурочкинъ день рожденія, когда она у насъ въ обморокъ упала, поглядѣлъ я на ея лицо, и тогда еще понималъ, что ужъ ей, бѣдной, недолго жить. Не понимаю, отчего съ нею тогда дурно сдѣлалось? Прибѣгаю, гляжу: она блѣдная на полу лежитъ, около нея Николаша на колѣняхъ, тоже блѣдный, Шурочка вся въ слезахъ. Я и Шурочка послѣ этого случая недѣлю какъ шальные ходили.

Шабельскій. *(Львову)*. Скажите мнѣ, почтеннѣйшій жрець науки, какой ученый открылъ, что при грудныхъ болѣзняхъ дамамъ бываютъ полезны частыя посѣщенія молодого врача? Это великое открытіе! Великое! Куда оно относится: къ аллопатіи или гомеопатіи?

(Львовъ хочетъ отвѣтить, но дѣлаетъ презрительное движеніе и уходитъ).

Шабельскій. Какой уничтожающій взглядъ...

Лебедевъ. А тебя дергаетъ нелегкая за языкъ! За что ты его обидѣлъ?

Шабельскій *(раздраженно)*. А зачѣмъ онъ вретъ? Чажотка, нѣтъ надежды, умереть... Вретъ онъ! Я этого терпѣть не могу!

Лебедевъ. Почему же ты думаешь, что онъ вретъ?

Шабельскій *(встаетъ и ходитъ)*. Я не могу допустить мысли, чтобы живой человѣкъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, умеръ. Оставимъ этотъ разговоръ!

III.

Косыхъ *(объѣгаетъ захвачившись)*. Дома Николай Алексѣевичъ? Здравствуйте! *(быстро пожимаетъ всѣмъ руки)*. Дома?

Боркинъ. Его нѣтъ.

Косыхъ (*садится и вскакиваетъ*). Въ такомъ случаѣ, прощайте! (*выливаетъ рюмку водки и быстро закусываетъ*). Поѣду дальше... Дѣла... Замучился... Еле на ногахъ стою...

Лебедевъ. Откуда вѣтеръ принесъ?

Косыхъ. Отъ Барабанова. Всю ночь провинтили и только что кончили... Проигрался въ-пухъ... Этотъ Барабановъ играетъ, какъ сапожникъ! (*плачущимъ голосомъ*). Вы послушайте: все время несу я черву... (*обращается къ Боркину, который прыгаетъ отъ него*). Онъ ходитъ бубну, я опять черву, онъ бубну... Ну, и безъ взятки (*Лебедеву*). Играемъ четыре трефы. У меня тузъ, дама-шость на рукахъ, тузъ, десятка-третей пикъ...

Лебедевъ (*затыкаетъ уши*). Уволь, уволь, ради Христа, уволь!

Косыхъ (*графу*). Понимаете: тузъ, дама-шость на трефахъ, тузъ, десятка-третей пикъ...

Шабельскій (*отстраняетъ со руками*). Уходите, не желаю я слушать!

Косыхъ. И вдругъ несчастье: туза пикъ по первой бьютъ...

Шабельскій (*хватаетъ со стола револьверъ*). Отойдите, стрѣлять буду!..

Косыхъ (*махнетъ рукой*). Чортъ знаетъ... Неужели даже поговорить не съ кѣмъ? Живешь какъ въ Австраліи: ни общихъ интересовъ, ни солидарности... Каждый живетъ врозь... Однако, надо ѣхать... пора (*хватаетъ фуражку*). Время дорого... (*подаетъ Лебедеву руку*). Пасъ!..

(*Смѣхъ*).

(*Косыхъ уходитъ и въ дсеряхъ сталкивается съ Лодотьей Назаровной*).

Авдотья Назаровна (*вскрикиваетъ*). Чтобъ тебѣ пусто было, съ ногъ сшибъ!

Всѣ. А-а-а!.. вездѣсущая!..

Авдотья Назаровна. Вотъ они гдѣ, а я по всему дому пишу. Здравствуйте, ясные соколы, хлѣбъ да соль... (*здоровается*).

Лебедевъ. Зачѣмъ пришла?

Авдотья Назаровна. За дѣломъ, батюшка! (*графу*). Дѣло васъ касающее, ваше сіятельство (*кланяется*). Велѣли кланяться и о здоровьѣ спросить... И велѣла она, куколочка моя, сказать, что ежели вы нынче къ вечеру не пріѣдете, то она глазочки свои проплачетъ. Такъ, говоритъ, милая,

отзови его въ сторопочку и шениш на ушко по секрету. А зачѣмъ по секрету? Тутъ все люди свои. И такое дѣло, не куръ крадемъ, а по закону да по любви, по междоусобному согласію. Никогда, грѣшница, не пью, а черезъ такой случай выпью!

Лебедевъ. И я выпью (*наливаетъ*). А тебѣ, старая скворешня, и сносу нѣтъ. Лѣтъ тридцать я тебя старухой знаю...

Авдотья Назаровна. И счетъ годамъ потеряла... Двухъ мужей похоронила, пошла бы еще за третьяго, да никто не хочетъ безъ приданого брать. Дѣтей душъ восемь было... (*беретъ рюмку*). Ну, дай Богъ, дѣло хорошее мы начали, дай Богъ его и кончить! Они будутъ жить да поживать, а мы глядѣть на нихъ да радоваться. Совѣтъ имъ и любовь... (*пьетъ*). Строгая водка!

Шабельскій (*хохоча, Лебедесу*). Но чтѣ, понимаешь, курьезнѣе всего, такъ это то, что они думаютъ серьезно, будто я... Удивительно! (*встаетъ*). А то въ самомъ дѣлѣ, Паша, не устроишь ли себѣ эту гнусность? На зло... Этакъ, молъ, на, старая собака, ѣшь! Паша, а?

Лебедевъ. Пустое ты городишь, графъ. Наше, братъ, дѣло съ тобою объ околѣванцѣ думать, а Маревутки да стерлинги давно мимо проѣхали... Прошла наша пора.

Шабельскій. Нѣтъ, я устрою! Честное слово, устрою!

(*Входятъ Ивановъ и Львовъ*).

V.

Львовъ. Я прошу васъ удѣлить мнѣ только пять минутъ.

Лебедевъ. Николаша! (*идетъ навстрѣчу къ Иванову и цѣлуетъ его*). Здравствуй, дружище... Я тебя ужъ цѣлый часъ дожидаясь.

Авдотья Назаровна (*кланяется*). Здравствуйте, батюшка!

Ивановъ (*съ горечью*). Господа, опять въ моемъ кабинетѣ кабакъ завели!.. Тысячу разъ просилъ я всѣхъ и каждого не дѣлать этого... (*подходитъ къ столу*). Ну, вотъ, бумагу водкой облили... крошки... огурцы... Вѣдь противно!

Лебедевъ. Виноватъ, Николаша, виноватъ... Прости. Мнѣ съ тобою, дружище, поговорить надо о весьма важномъ дѣлѣ...

Боркинъ. И мнѣ тоже.

Львовъ. Николай Алексѣевичъ, можно съ вами поговорить?

Ивановъ (*указываетъ на Лебедева*). Вотъ и ему я нуженъ. Подождите, вы послѣ... (*Лебедеву*). Чего тебѣ?

Лебедевъ. Господа, я желаю говорить конфиденціально. Прошу...

(*Графъ уходитъ съ Авдотьей Назаровной, за ними Боркинъ, потомъ Львовъ*).

Ивановъ. Папа, самъ ты можешь пить, сколько тебѣ угодно, это твоя болѣзнь, но прошу не спаивать дядю. Раньше онъ у меня никогда не шилъ. Ему вредно.

Лебедевъ (*испуганно*). Голубчикъ, я не зналъ... Я даже вниманія не обратилъ...

Ивановъ. Не дай Богъ, умереть этотъ старый ребенокъ, не вамъ будетъ худо, а мнѣ... Что тебѣ нужно?.. (*пауза*).

Лебедевъ. Видишь ли, любезный другъ... Не знаю, какъ начать, чтобы это вышло не такъ безсовѣстно... Николаша, совѣстно мнѣ, краснѣю, языкъ заплетается, но, голубчикъ, войди въ мое положеніе, пойми, что я человѣкъ подневольный, негръ, тряпка... Извини ты меня...

Ивановъ. Что такое?

Лебедевъ. Жена послала... Сдѣлай милость, будь другомъ, заплати ты ей проценты! Вѣришь ли, загрызла, заѣздила, замучила! Отвяжись ты отъ нея, ради Создателя!..

Ивановъ. Папа, ты знаешь, у меня теперь нѣтъ денегъ.

Лебедевъ. Знаю, знаю, но что же мнѣ дѣлать? Ждать она не хочетъ. Если протестуетъ вексель, то какъ я и Шурочка будемъ тебѣ въ глаза глядѣть?

Ивановъ. Мнѣ самому совѣстно, Папа, радъ сквозь землю провалиться, но... но гдѣ взять? Научи: гдѣ? Остается одно: ждать осени, когда я хлѣбъ продамъ.

Лебедевъ (*кричитъ*). Не хочетъ она ждать! (*пауза*).

Ивановъ. Твое положеніе непріятное, щекотливое, а мое еще хуже (*ходитъ и думаетъ*). И ничего не придумаешь... Продать нечего...

Лебедевъ. Съѣздили бы къ Мильбаху, попросилъ, вѣдь онъ тебѣ шестнадцать тысячъ долженъ.

(*Ивановъ безнадежно машетъ рукой*).

Лебедевъ. Вотъ что, Николаша... Я знаю, ты станешь браниться, но... уважь стараго пьяницу! По-дружески... Глади на меня, какъ на друга... Студенты мы съ тобою, либералы... Общность идей и интересовъ... Въ московскомъ университетѣ оба учились... Alma mater... (*вынимаетъ бу-*

мажничк). У меня вотъ есть завѣтныя, про нихъ ни одна душа въ домѣ не знаетъ. Возьми займы... (*вынимаетъ деньги и кладетъ на столъ*). Брось самолюбіе, а взгляни по-дружески... Я бы отъ тебя взялъ, честное слово... (*пауза*). Вотъ онъ на столѣ: тысяча сто. Ты съѣзди къ ней сегодня и отдай собственноручно. На-те, молю, Зинаида Савишна, подавитесь! Только, смотри, и виду не подавай, что у меня занялъ, храни тебя Богъ! А то достанется мнѣ на орѣхи отъ кружовеннаго варенья! (*всматривается въ лицо Иванова*). Ну, ну, не надо! (*быстро беретъ со стола деньги и прячетъ въ карманъ*). Не надо! Я пошутилъ... Извини, ради Христа! (*пауза*). Мутить на души?

(Ивановъ машетъ рукой).

Лебедевъ. Да, дѣла... (*вдыхаетъ*). Настало для тебя время скорби и печали. Человѣкъ, братецъ ты мой, все равно, что самоваръ. Не все онъ стоитъ въ холодкѣ на полкѣ, но, бываетъ, и угольки въ него кладутъ: пш... пш! Ни къ чорту это сравненіе не годится, ну, да вѣдь умнѣе не придумаешь... (*вдыхаетъ*). Несчастія закаляютъ душу. Мнѣ тебя не жалко, Николаша, ты выскочишь изъ бѣды, перемелется—мука будетъ, но обидно, братъ, и досадно мнѣ на людей... Скажи на милость, откуда эти сплетни берутся! Столько, братъ, про тебя по уѣзду сплетень ходитъ, что, того и гляди, къ тебѣ товарищъ прокурора придеть... Ты и убійца, и кровопійца, и грабитель...

Ивановъ. Это все пустяки, вотъ у меня голова болить.

Лебедевъ. Все оттого, что много думаешь.

Ивановъ. Ничего я не думаю.

Лебедевъ. А ты, Николаша, начихай на все, да поѣзжай къ намъ. Шурочка тебя любить, понимаетъ и цѣнитъ. Она, Николаша, честный, хорошій человѣкъ. Не въ мать и не въ отца, а, должно-быть, въ проѣзжаго молодца... Гляжу, братъ, иной разъ и не вѣрю, что у меня, у толстоносаго пльницы, такое сокровище. Поѣзжай, потолкуй съ нею объ умномъ и—развлечешься. Это вѣрный, искренній человѣкъ... (*пауза*).

Ивановъ. Паша, голубчикъ, оставь меня одного...

Лебедевъ. Понимаю, понимаю... (*торопливо смотритъ на часы*). Я понимаю (*цѣлуетъ Иванова*). Прощай. Мнѣ еще на освященіе николы ѣхать (*идетъ къ двери и останавливается*). Умная... Вчера стали мы съ Шурочкой насчетъ

сплетень говорить (*смѣется*). А она афоризмомъ выпалила: «Палочка, свѣтляки, говорить, свѣтятъ ночью только для того, чтобы ихъ легче могли увидѣть и съѣсть ночныя птицы, а хорошіе люди существуютъ для того, чтобы было что ѣсть клеветѣ и сплетнѣ». Каково? Геній! Жоржъ-Зандъ!..

Ивановъ. Паша! (*останавливаетъ его*). Что со мною?

Лебедевъ. Я самъ тебя хотѣлъ спросить объ этомъ, да, признаться, стѣснялся. Не знаю, братъ! Съ одной стороны мнѣ казалось, что тебя одолѣли несчастія разныя, съ другой же стороны, знаю, что ты не таковскій, чтобы того... Вѣдой тебя не побѣдишь. Что-то, Николаша, другое, а что — не понимаю!

Ивановъ. Я самъ не понимаю. Мнѣ кажется, или... впрочемъ, нѣтъ! (*пауза*). Видишь ли, что я хотѣлъ сказать. У меня былъ рабочій Семень, котораго ты помнишь. Разъ, во время молотбы, онъ захотѣлъ похвастать передъ дѣвками своею силой, взвалилъ себѣ на спину два мѣшка ржи и надорвался. Умеръ скоро. Мнѣ кажется, что я тоже надорвался. Гимназія, университетъ, потомъ хозяйство, школы, проекты... Вѣровалъ я не такъ, какъ всѣ, женился не такъ, какъ всѣ, горячился, рисковалъ, деньги свои, самъ знаешь, бросалъ направо и налево, былъ счастливъ и страдалъ, какъ никто во всемъ уѣздѣ. Все это, Паша, мои мѣшки... Взвалилъ себѣ на спину ишу, а спина-то и треснула. Въ двадцать лѣтъ мы всѣ уже герои, за все беремся, все можемъ, и къ тридцати уже утомляемся, никуда не годимся. Чѣмъ, чѣмъ ты объяснишь такую утомляемость? Впрочемъ, быть-можетъ, это не то... Не то, не то!.. Иди, Паша, съ Богомъ, я надоѣлъ тебѣ.

Лебедевъ (*живо*). Знаешь, что? Тебя, братъ, среда заѣла!

Ивановъ. Глупо, Паша, и старо. Иди!

Лебедевъ. Дѣйствительно, глупо. Теперь и самъ вижу, что глупо. Иду, иду!.. (*уходитъ*).

VI.

Ивановъ (*одинъ*). Нехорошій, жалкій и ничтожный я человекъ. Надо быть тоже жалкимъ, истасканнымъ, испитымъ, какъ Паша, чтобы еще любить меня и уважать. Какъ я себя презираю, Боже мой! Какъ глубоко ненавижу я свой голосъ, свои шаги, свои руки, эту одежду, свои мысли. Ну,

не смѣшно ли, не обидно ли? Еще года нѣтъ, какъ былъ здоровъ и силенъ, былъ бодръ, неутомимъ, горячъ, работалъ этими самыми руками, говорилъ такъ, что трогалъ до слезъ даже невѣждъ, умѣлъ плакать, когда видѣлъ горе, возмущался, когда встрѣчалъ зло. Я зналъ, что такое вдохновеніе, зналъ прелесть и поэзію тихихъ ночей, когда отъ зари до зари сидишь за рабочимъ столомъ или тѣшишь свой умъ мечтами. Я вѣровалъ, въ будущее глядѣлъ, какъ въ глаза родной матери... А теперь, о, Боже мой! утомился, не вѣрю, въ бездѣльи провожу дни и ночи. Не слушаются ни мозгъ, ни руки, ни ноги. Имѣніе идетъ прахомъ, лѣсъ трещать подъ топоромъ (*плачетъ*). Земля моя глядитъ на меня, какъ сирота. Ничего я не жду, ничего не жаль, душа дрожить отъ страха передъ завтрашнимъ днемъ... А исторія съ Саррой? Клялся въ вѣчной любви, пророчилъ счастье, открывалъ передъ ея глазами будущее, какое ей не снилось даже во снѣ. Она повѣрила. Во всѣ пять лѣтъ я видѣлъ только, какъ она угасала подъ тяжестью своихъ жертвъ, какъ изнемогала въ борьбѣ съ совѣстью, но, видитъ Богъ, ни косога взгляда на меня, ни слова упрека!.. И что же? Я разлюбилъ ее... Какъ? Почему? За что? Не понимаю. Вотъ она страдаетъ, дни ея сочтены, а я, какъ послѣдній трусъ, бѣгу отъ ея блѣднаго лица, впалой груди, умоляющихъ глазъ... Стыдно, стыдно! (*пауза*). Сашу, дѣвочку, трогаютъ мои несчастія. Она мнѣ, почти старику, объясняется въ любви, а я пьянѣю, забываю про все на свѣтѣ, обвороженный какъ музыкой, и кричу: «Новая жизнь! счастье!» А на другой день вѣрю въ эту жизнь и въ счастье такъ же мало, какъ въ домового... Что же со мною? Въ какую пропасть толкаю я себя? Откуда во мнѣ эта слабость? Что стало съ моими нервами? Стоитъ только больной женѣ уколоть мое самолюбіе, или не угодить прислуга, или ружье дастъ осѣчку, какъ я становлюсь грубъ, золь и не похожъ на себя... (*пауза*). Не понимаю, не понимаю! Просто, хоть пулю въ лобъ!..

Львовъ (*входитъ*). Миѣ нужно съ вами объясниться, Николай Алексѣевич!

Ивановъ. Если мы, докторъ, будемъ каждый день объясняться, то на это силъ никакихъ не хватитъ.

Львовъ. Вамъ угодно меня выслушать?

Ивановъ. Выслушиваю я васъ каждый день и до сихъ

поръ никакъ не могу понять: что собственно вамъ отъ меня угодно?

Львовъ. Говорю я ясно и опредѣленно, и не можетъ меня понять только тотъ, у кого нѣтъ сердца...

Ивановъ. Что у меня жена при смерти — я знаю; что я непоправимо виноватъ передъ нею — я тоже знаю; что вы честный, прямой человекъ — тоже знаю! Что же вамъ нужно еще?

Львовъ. Меня возмущаетъ человѣческая жестокость... Умираетъ женщина. У нея есть отецъ и мать, которыхъ она любить и хотѣла бы видѣть передъ смертью; тѣ знаютъ отлично, что она скоро умретъ и что все еще любить ихъ, но, проклятая жестокость, они точно хотятъ удивить своимъ религіознымъ закаломъ: все еще проклинаяютъ ее! Вы человекъ, которому она пожертвовала всѣмъ — и роднымъ гнѣздомъ, и покоемъ совѣсти, вы откровеннѣйшимъ образомъ и съ самыми откровенными цѣлями каждый день каетесь къ этимъ Лебедевымъ!

Ивановъ. Ахъ, я тамъ уже двѣ недѣли не былъ...

Львовъ (*не слушая его*). Съ такими людьми, какъ вы, надо говорить прямо, безъ обиняковъ, и, если вамъ не угодно слушать меня, то не слушайте. Я привыкъ называть вещи настоящимъ ихъ именемъ... Вамъ нужна эта смерть для новыхъ подвиговъ; пусть такъ, но неужели вы не могли бы подождать? Если бы вы дали ей умереть естественнымъ порядкомъ, не долбили бы ее своимъ откровеннымъ цинизмомъ, то неужели бы отъ васъ ушла Лебедева со своимъ приданымъ? Не теперь, такъ черезъ годъ, черезъ два, вы, чудный Тартюфъ, успѣли бы вскружить голову дѣвчкѣ и завладѣть ея приданымъ такъ же, какъ и теперь... Къ чему же вы торопитесь? Почему вамъ нужно, чтобы ваша жена умерла теперь, а не черезъ мѣсяць, черезъ годъ?..

Ивановъ. Мученіе... Докторъ, вы слишкомъ плохой врачъ, если предполагаете, что человекъ можетъ сдерживать себя до безконечности. Миѣ страшныхъ усилій стоитъ не отвѣчать вамъ на ваши оскорбленія.

Львовъ. Полноте, кого вы хотите одурачить? Сбросьте маску.

Ивановъ. Умный человекъ, подумайте: по-вашему, нѣтъ ничего легче, какъ понять меня! Да? Я женился на Анѣ,

чтобы получить большое приданое... Приданого мнѣ не дали, я промахнулся и теперь сживаю ее со свѣта, чтобы жениться на другой и взять приданое... Да? Какъ просто и несложно... Человѣкъ такая простая и немудреная машина... Нѣтъ, докторъ, въ каждомъ изъ насъ слишкомъ много колесъ, винтовъ и клапановъ, чтобы мы могли судить другъ о другѣ по первому впечатлѣнію или по двумъ-тремъ виѣшнимъ признакамъ. Я не понимаю васъ, вы меня не понимаете, и сами мы себя не понимаемъ. Можно быть прекраснымъ врачомъ—и въ то же время совсѣмъ не знать людей. Не будьте же самоувѣренны и согласитесь съ этимъ.

Львовъ. Да неужели же вы думаете, что вы такъ непрозрачны и у меня такъ мало мозга, что я не могу отличить подлости отъ честности.

Ивановъ. Очевидно, мы съ вами никогда не споемся... Въ послѣдній разъ я спрашиваю и отвѣчайте, пожалуйста, безъ предисловій: что собственно вамъ нужно отъ меня? Чего вы добиваетесь? (*раздраженно*). И съ кѣмъ я имѣю честь говорить: съ моимъ прокуроромъ, или съ врачомъ моей жены?

Львовъ. Я врачъ и, какъ врачъ, требую, чтобы вы измѣнили ваше поведеніе... Оно убиваетъ Анну Петровну!

Ивановъ. Но что же мнѣ дѣлать? Что? Если вы меня понимаете лучше, чѣмъ я самъ себя понимаю, то говорите опредѣленно: что мнѣ дѣлать?

Львовъ. По крайней мѣрѣ, дѣйствовать не такъ откровенно.

Ивановъ. А, Боже мой! Неужели вы себя понимаете? (*пьетъ воду*). Оставьте меня. Я тысячу разъ виноватъ, отвѣчу передъ Богомъ, а васъ никто не уполномочивалъ ежедневно пытатъ меня...

Львовъ. А кто васъ уполномочивалъ оскорблять во мнѣ мою правду? Вы измучили и отравили мою душу. Пока я не попалъ въ этотъ уѣздъ, я допускалъ существованіе людей глухихъ, сумасшедшихъ, увлекающихся, но никогда я не вѣрилъ, что есть люди преступные осмысленно, сознательно направляющіе свою волю въ сторону зла... Я уважалъ и любилъ людей, но, когда увидѣлъ васъ...

Ивановъ. Я уже слышалъ объ этомъ!

Львовъ. Слышали? (*увидѣвъ входящую Сашу; она въ амазонкѣ*). Теперь ужъ, надѣюсь, мы отлично понимаемъ другъ друга! (*пожимаетъ плечами и уходитъ*).

VII.

Ивановъ (*истуанно*). Шура, это ты?

Саша. Да я. Здравствуй. Не ожидалъ? Отчего ты такъ долго не былъ у насъ?

Ивановъ. Шура, ради Бога, это неосторожно! Твой приѣздъ можетъ страшно подѣйствовать на жену.

Саша. Она меня не увидитъ. Я прошла чернымъ ходомъ. Сейчасъ уѣду. Я беспокоюсь: ты здоровъ? Отчего не приѣжалъ такъ долго?

Ивановъ. Жена и безъ того ужъ оскорблена, почти умираетъ, а ты приѣзжаешь сюда. Шура, Шура, это легкомысленно и безчеловѣчно!

Саша. Что же мнѣ было дѣлать? Ты двѣ недѣли не былъ у насъ, не отвѣчалъ на письма. Я измучилась. Мнѣ казалось, что ты тутъ невыносимо страдаешь, боленъ, умеръ. Ни одной ночи я не спала покойно. Сейчасъ уѣду... По крайней мѣрѣ, скажи: ты здоровъ?

Ивановъ. Нѣтъ, замучилъ я себя, люди мучаютъ меня безъ конца... Просто силъ моихъ нѣтъ! А тутъ еще ты! Какъ это нездорово, какъ ненормально! Шура, какъ я виноватъ, какъ виноватъ!..

Саша. Какъ ты любишь говорить страшныя и жалкія слова! Виноватъ ты? Да? Виноватъ? Ну, такъ говори же въ чемъ?

Ивановъ. Не знаю, не знаю...

Саша. Это не отвѣтъ. Каждый грѣшникъ долженъ знать, въ чемъ онъ грѣшенъ. Фальшивыя бумажки дѣлалъ, что ли?

Ивановъ. Не остроумно!

Саша. Виноватъ, что разлюбилъ жену? Можетъ-быть, но человѣкъ не хозяинъ своимъ чувствамъ, ты не хотѣлъ разлюбить. Виноватъ ты, что она видѣла, какъ я объяснялась тебѣ въ любви? Нѣтъ, ты не хотѣлъ, чтобы она видѣла...

Ивановъ (*перебивая*). И такъ далѣе, и такъ далѣе... Полюбилъ, разлюбилъ, не хозяинъ своимъ чувствамъ—все это общія мѣста, избитыя фразы, которыми не поможешь...

Саша. Утомительно съ тобою говорить (*смотритъ на картину*). Какъ хорошо собака нарисована! Это съ природы?

Ивановъ. Съ природы. И весь этотъ нашъ романъ—общее, избитое мѣсто; онъ палъ духомъ и утерять почву. Явилась она, бодрая духомъ, сильная, и подала ему руку по-

мощи. Это красиво и похоже на правду только въ романахъ, а въ жизни...

Саша. И въ жизни то же самое.

Ивановъ. Вижу, тонко ты понимаешь жизнь! Мое пытье внушаетъ тебѣ благоговѣйный страхъ, ты воображаешь, что обрѣла во мнѣ второго Гамлета, а, по-моему, эта моя психопатія, со всѣми ея аксессуарамн, можетъ служить хоронимъ матеріаломъ только для смѣха и больше ничего! Надо бы хохотать до упаду надъ моимъ кривляньемъ, а ты — караулъ! Спасать, совершать подвигъ! Ахъ, какъ я золь сегодня на себя! Чувствую, что сегодняшнее мое напряженіе разрѣшится чѣмъ-нибудь... Или я сломаю что-нибудь, или...

Саша. Вотъ, вотъ, это именно и нужно. Сломай что-нибудь, разбей или закричи. Ты на меня сердить, я сдѣлала глупость, что рѣшилась пріѣхать сюда. Ну, такъ возмутись, закричи на меня, затопай ногами. Ну? Начинай сердиться... (*пауза*). Ну?

Ивановъ. Смѣшная.

Саша. Отлично! Мы, кажется, улыбаемся! Будьте добры, соблаговолите еще разъ улыбнуться!

Ивановъ (*смѣется*). Я замѣтилъ: когда ты начинаешь спасать меня и учить уму-разуму, то у тебя дѣлается лицо наивное-пренаивное, а зрачки большіе, точно ты на комету смотришь. Постои, у тебя плечо въ пыли (*смахиваетъ съ ея плеча пыль*). Наивный мужчина — это дуракъ. Вы же, женщины, умудряетесь наивничать такъ, что это у васъ выходитъ и мило, и здорово, и тепло, и не такъ глупо, какъ кажется. Только что у васъ у всѣхъ за манера? Пока мужчина здоровъ, силенъ и веселъ, вы не обращаете на него никакого вниманія, но какъ только онъ покагилъ внизъ по наклонной плоскости и сталъ Лазаря пѣть, вы вѣшаетесь ему на шею. Развѣ быть женой сильнаго и храбраго человѣка хуже, чѣмъ быть сидѣлкой у какого-нибудь слезоточиваго неудачника?

Саша. Хуже?

Ивановъ. Почему же? (*хохочетъ*). Не знаетъ объ этомъ Дарвинъ, а то бы онъ задалъ вамъ на орѣхи! Вы портите человѣческую породу. По вашей милости на свѣтъ скоро будутъ рождаться одни только пытики и психопаты.

Саша. Мужчины многого не понимаютъ. Всякой дѣвушкамъ

скорѣе понравится неудачникъ, чѣмъ счастливецъ, потому что каждую соблазняетъ любовь дѣятельная... Понимаешь? Дѣятельная. Мужчины заняты дѣломъ и потому у нихъ любовь на третьемъ планѣ. Поговорить съ женой, погулять съ нею по саду, пріятно провести время, на ея могилкѣ поплакать — вотъ и все. А у насъ любовь—это жизнь. Я люблю тебя, это значитъ, что я мечтаю, какъ я излѣчу тебя отъ тоски, какъ пойду съ тобою на край свѣта... Ты на гору и я на гору; ты въ яму и я въ яму. Для меня, папримѣръ, было бы большимъ счастьемъ всю ночь бумаги твои переписывать, или всю ночь сторожить, чтобы тебя не разбудилъ кто-нибудь, или идти съ тобою пѣшкомъ верстъ сто. Помню, года три назадъ, ты разъ, во время молотбы, пришелъ къ намъ весь въ пыли, загорѣлый, измученный и попросилъ пить. Принесла я тебѣ стаканъ, а ты ужъ лежишь на диванѣ и спишь, какъ убитый. Спаль ты у насъ полсутокъ, а я все время стояла за дверью и сторожила, чтобы кто не вошелъ. И такъ мнѣ было хорошо! Чѣмъ больше труда, тѣмъ любовь лучше, то-есть она, понимаешь ли, сильнѣй чувствуется.

Ивановъ. Дѣятельная любовь... Гм... Порча это, дѣвическая философія, или, можетъ, такъ оно и должно быть... (*пожимаетъ плечами*). Чортъ его знаетъ! (*весело*). Шура, честное слово, я порядочный человекъ!.. Ты посуди: я всегда любилъ философствовать, но никогда въ жизни я не говорилъ: «наши женщины испорчены», или: «женщина вступила на ложную дорогу». Я былъ только благодаренъ и больше ничего! Больше ничего! Дѣвочка моя, хорошая, какая ты забавная! А я-то какой смѣшной болванъ! Православный народъ смущаю, но цѣлымъ днѣмъ Лазаря пою (*смѣется*). Бу-у! бу-у! (*быстро отходитъ*). Но уходи, Саша! Мы забылись...

Саша. Да, пора уходить. Прощай! Боюсь, какъ бы твой честный докторъ изъ чувства долга не донесъ Аннѣ Петровнѣ, что я здѣсь. Слушай меня: ступай сейчасъ къ женѣ и сиди, сиди, сиди... Годъ понадобится сидѣть—годъ сиди. Десять лѣтъ — сиди десять лѣтъ. Исполняй свой долгъ. И горюй, и прощенія у нея проси, и плачь,—все это такъ и надо. А, главное, не забывай дѣла.

Ивановъ. Опять у меня такое чувство, какъ будто я мухомору обѣлся. Опять!

Саша. Ну, храни тебя Создатель! Обо мнѣ можешь совѣтъ не думать! Недѣли черезъ двѣ черкнешь строчку— и на томъ спасибо. А я тебѣ буду писать...

(Боркинъ выглядываетъ изъ дверь).

VIII.

Боркинъ. Николай Алексѣевичъ, можно? *(увидѣвъ Сашу).* Виновать, я не вижу... *(входитъ).* Bonjour! *(раскланивается).*

Саша *(смущенно).* Здравствуйте...

Боркинъ. Вы пополнили, похорошели.

Саша *(Иванову).* Такъ я ухожу, Николай Алексѣевичъ... Я ухожу *(уходитъ).*

Боркинъ. Чудное видѣніе! Ишелъ за прозой, а наткнулся на поэзію... *(поетъ).* «Явилась ты, какъ птичка къ свѣту»... *(Ивановъ взволнованно ходитъ по сценѣ).*

Боркинъ *(садится).* А въ ней, Nicolas, есть что-то такое, этакое, чего нѣтъ въ другихъ. Не правда ли? Что-то особенное... фантазмагорическое... *(вздыхаетъ).* Въ сущности самая богатая невѣста во всемъ уѣздѣ, но маменька такая рѣдка, что никто не захочетъ связываться. Послѣ ея смерти все останется Шурочкѣ, а до смерти дастъ тысячу десять, плойку и утюгъ, да еще велитъ въ ножки поклониться *(роется въ карманахъ).* Покурить де-лосъ-махоросъ. Не хотите ли? *(протягиваетъ портсигаръ).* Хорошія... Курить можно.

Ивановъ *(подходитъ къ Боркину, задыхаясь отъ гнѣва).* Сію же минуту, чтобъ ноги вашей не было у меня въ домѣ! Сію же минуту!

(Боркинъ приподнимается и роляетъ сигару).

Ивановъ. Вонъ, сію же минуту!

Боркинъ. Nicolas, что это значитъ? За что вы сердитесь?

Ивановъ. За что? А откуда у васъ эти сигары? И вы думаете, что я не знаю, куда и зачѣмъ вы каждый день возите старика?

Боркинъ *(пожимаетъ плечами).* Да вамъ-то что за надобность?

Ивановъ. Негодяй вы этакій! Ваши подлые проекты, которыми вы сыплете по всему уѣзду, сдѣлали меня въ глазахъ людей безчестнымъ человѣкомъ! У насъ нѣтъ ничего общаго, и я прѣшу васъ сію же минуту оставить мой домъ! *(быстро ходитъ).*

Боркинъ. Я знаю, все это вы говорите въ раздраженіи, а потому не сержусь на васъ. Оскорбляйте, сколько хотите... *(поднимаетъ сигару)*. А меланхолію пора бросить. Вы не гимназистъ...

Ивановъ. Я вамъ что сказать? *(дрожитъ)*. Вы играете мною?

(Входитъ Анна Петровна)

IX.

Боркинъ. Ну, вотъ, Анна Петровна пришла... Я уйду *(уходитъ)*.

(Ивановъ останавливается возлѣ стола и стоитъ, поникнувъ головой).

Анна Петровна *(послѣ паузы)*. Зачѣмъ она сейчасъ сюда пріѣзжала? *(пауза)*. Я тебя спрашиваю: зачѣмъ она сюда пріѣзжала?

Ивановъ. Не спрашивай Анюта... *(пауза)*. Я глубоко виновать. Придумывай какое хочешь наказаніе, я все снесу, но... не спрашивай... Говорить я не въ силахъ.

Анна Петровна *(сердито)*. Зачѣмъ она здѣсь была? *(пауза)*. А, такъ вотъ ты какой! Теперь я тебя понимаю. Наконецъ-то я вижу, что ты за человѣкъ. Безчестный, низкій... Помнишь, ты пришелъ и солгалъ мнѣ, что ты меня любишь... Я повѣрила и оставила отца, мать, вѣру и пошла за тобою... Ты лгалъ мнѣ о правдѣ, о добрѣ, о своихъ честныхъ планахъ, я вѣрила каждому слову...

Ивановъ. Анюта, я никогда не лгалъ тебѣ...

Анна Петровна. Жила я съ тобою пять лѣтъ, томилась и болѣла, но любила тебя и не оставляла ни на одну минуту... Ты былъ моимъ кумиромъ... И что же? Все это время ты обманывалъ меня самымъ наглýmъ образомъ...

Ивановъ. Анюта, не говори неправды. Я ошибался, да, но не солгалъ ни разу въ жизни... Въ этомъ ты не смѣешь попрекнуть меня...

Анна Петровна. Теперь все понятно... Женился ты на мнѣ и думалъ, что отецъ и мать простятъ меня, дадутъ мнѣ денегъ... Ты это думалъ...

Ивановъ. О, Боже мой! Анюта, испытывать такъ терпѣніе... *(плачетъ)*.

Анна Петровна. Молчи! Когда увидѣлъ, что денегъ нѣтъ, повелъ новую игру... Теперь я все помню и понимаю *(пла-*

четь). Ты никогда не любишь меня и не былъ мнѣ вѣренъ... Никогда!..

Ивановъ. Сарра, это ложь!.. Говори, что хочешь, но не оскорбляй меня ложью...

Анна Петровна. Безчестный, низкій человекъ... Ты долженъ Лебедеву, и теперь, чтобы увильнуть отъ долга, хочешь вскружить голову его дочери, обмануть ее такъ же, какъ меня. Развѣ не правда?

Ивановъ (*задыхаясь*). Замолчи, ради Бога! Я за себя не ручаюсь... Меня душитъ гнѣвъ и я... я могу оскорбить тебя...

Анна Петровна. Всегда ты нагло обманывалъ, и не меня одну... Всѣ безчестные поступки сваливалъ ты на Боркина, но теперь я знаю—чи они...

Ивановъ. Сарра, замолчи, уйди, а то у меня съ языка сорвется слово! Меня такъ и подмываетъ сказать тебѣ что-нибудь ужасное, оскорбительное... (*кричитъ*). Замолчи, жидовка!..

Анна Петровна. Не замолчу... Слишкомъ долго ты обманывалъ меня, чтобы я могла молчать...

Ивановъ. Такъ ты не замолчишь? (*борется съ собою*). Ради Бога...

Анна Петровна. Теперь иди и обманывай Лебедеву...

Ивановъ. Такъ знай же, что ты... скоро умрешь... Мнѣ докторъ сказалъ, что ты скоро умрешь...

Анна Петровна (*садится, упавшимъ голосомъ*). Когда онъ сказалъ? (*пауза*).

Ивановъ (*хватая себя за голову*). Какъ я виноватъ! Боже, какъ я виноватъ! (*рыдаетъ*).

Занавѣсъ.

Между третьимъ и четвертымъ дѣйствіями проходитъ около года.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

I.

Одна изъ гостинныхъ въ домѣ Лебедева. Впереди арка, отдѣляющая гостиную отъ зала, направо и лѣво—двери. Старинная бронза, фамильные портреты. Праздничное убранство. Піанино, на немъ скрипка, возлѣ стоитъ виолончель.—Въ продолженіе всего дѣйствія по залу ходятъ гости, одѣтые по-бальному.

Львовъ (*входитъ, смотритъ на часы*). Пятый часъ.

Должно-быть, сейчасъ начнется благословеніе... Благословятъ и повезутъ вѣнчать. Вотъ оно торжество добродѣтели и правды! Сарру не удалось ограбить, замучилъ ее и въ гробъ уложилъ, теперь нашелъ другую. Будетъ и передъ этою лицемѣрить, пока не ограбить ее и, ограбивши, не уложить туда же, гдѣ лежитъ бѣдная Сарра. Старая, кулачская исторія... *(пауза)*. На седьмомъ небѣ отъ счастья, прекрасно прожить до глубокой старости, а умереть со спокойною совѣстью. Нѣтъ, я выведу тебя на чистую воду! Когда я сорву съ тебя проклятую маску и когда всѣ узнаютъ, что ты за птица, ты полетишь у меня съ седьмого неба внизъ головой въ такую яму, изъ которой не вытащить тебя сама нечистая сила! Я честный человѣкъ, мое дѣло вступиться и открыть глаза слѣпымъ. Исполню свой долгъ и завтра же вонъ изъ этого проклятаго уѣзда! *(задумывается)*. Но что сдѣлать? Объясниться съ Лебедевыми—напрасный трудъ. Вызвать на дуэль? Затѣять скандалъ? Боже мой, я волнуюсь, какъ мальчишка, и совсѣмъ потерялъ способность соображать. Что дѣлать? Дуэль?

II.

Косыхъ *(входитъ, радостно Львову)*. Вчера объявилъ маленький шлемъ на трефахъ, а взялъ большой. Только опять этотъ Барабановъ мнѣ всю музыку испортилъ! Играемъ. Я говорю безъ козырей. Онъ пасъ. Два трефы. Онъ пасъ. Я два бубны... три трефы... и представьте, можете себѣ представить: я объявляю шлемъ, а онъ не показываетъ туза. Покажи онъ, мерзавецъ, туза, я объявилъ бы большой шлемъ на безкозыряхъ.

Львовъ. Простите, я въ карты не играю и потому не сумѣю раздѣлить вашего восторга. Скоро благословеніе?

Косыхъ. Должно, скоро. Зюзюшку въ чувство приводить. Бѣлугой реветъ, приданаго жалко.

Львовъ. А не дочери?

Косыхъ. Приданаго. Да и обидно. Женится, значить, долга не заплатитъ. Зятевы векселя не протестуешь.

III.

Бабакина *(разодѣтая, важно проходитъ черезъ сцену мимо Львова и Косыхъ; послѣдній приекаетъ въ кулакъ; она оглядывается)*. Глуно!

(Косыхъ касается пальцемъ ся талии и хохочетъ).

Бабакина. Мужикъ! *(уходитъ).*

Косыхъ *(хохочетъ)*. Совсѣмъ спятила баба! Пока въ сѣтельство не лѣзла—была баба, какъ баба, а теперь пристушу нѣтъ *(дразнитъ)*. Мужикъ!

Львовъ *(волнуясь)*. Слушайте, окажите мнѣ искренно: какого вы мнѣнія объ Ивановѣ?

Косыхъ. Ничего не стѣлтъ. Играетъ, какъ сапожникъ. Въ прошломъ году, въ посту, былъ такой случай. Садимся мы играть: я, графъ, Боркинъ и онъ. Я сдаю...

Львовъ *(перебивая)*. Хорошій онъ человекъ?

Косыхъ. Онъ-то? Жохъ-мужчина! Пройда, сквозь огонь и воду прошелъ. Онъ и графъ—пятакъ пара. Нюхомъ чуютъ, гдѣ что плохо лежитъ. На жидовкѣ нарвался, съѣлъ грибъ, а теперь къ Зюсюшкинымъ сундукамъ подбирается. Объ закладъ бьюсь, будь я трижды анаема, если черезъ годъ онъ Зюсюшку по міру не пуститъ. Онъ—Зюсюшку, а графъ—Бабакину. Заберутъ денежки и будутъ жить-поживать, да добра наживать. Докторъ, что это вы сегодня такой блѣдный? На васъ лица нѣтъ.

Львовъ. Ничего, это такъ. Вчера лишнее выпилъ.

IV.

Лебедевъ *(входя съ Сашей)*. Здѣсь поговоримъ *(Львову и Косыхъ)*. Ступайте, зулусы, въ залу къ барышнямъ. Намъ по секрету поговорить нужно.

Косыхъ *(проходя мимо Саши, восторженно щелкаетъ пальцами)*. Картина! Козырная дама!

Лебедевъ. Проходи, нещерный человекъ, проходи!

(Львовъ и Косыхъ уходятъ).

Лебедевъ. Садись, Шурочка, вотъ такъ... *(садится и оглядывается)*. Слушай внимательно и съ должнымъ благоговѣніемъ. Дѣло вотъ въ чемъ: твоя мать приказала мнѣ передать тебѣ слѣдующее... Понимаешь? Я не отъ себя буду говорить, а мать приказала.

Саша. Пана, покороче!

Лебедевъ. Тебѣ въ приданое назначается пятнадцать тысячъ рублей серебромъ. Вотъ... Смотри, чтобъ потомъ разговоровъ не было! Постой, молчи! Это только цвѣтки, а будутъ еще ягодки. Приданого тебѣ назначено пятнадцать тысячъ, но, принимая во вниманіе, что Николай Алексѣ-

вичъ долженъ твоей матери 9 тысячъ, изъ твоего приданого дѣлается вычитаніе... Ну-съ, а потомъ, кромѣ того...

Саша. Для чего ты мнѣ это говоришь?

Лебедевъ. Мать приказала!

Саша. Оставьте меня въ покоѣ! Если бы ты хотя немного уважалъ меня и себя, то не позволялъ бы себѣ говорить со мною такимъ образомъ. Не нужно мнѣ вашего приданого! Я не просила и не прошу!

Лебедевъ. За что же ты на меня набросилась? У Гоголя двѣ крысы сначала понюхали, а потомъ ужъ ушли, а ты эмансипэ, не понюхавши, набросилась.

Саша. Оставьте вы меня въ покоѣ, не оскорбляйте моего слуха вашими грошовыми расчетами.

Лебедевъ (*вспыливъ*). Тфу! Всѣ вы то сдѣлаете, что я себя ножомъ шпырну или человѣка зарѣжу! Та день-деньской ревма реветъ, зудить, пилить, копейки считаетъ, а эта, умная, гуманная, чортъ подери, эмансипированная, не можетъ понять родного отца! Я оскорбляю слухъ! Да вѣдь прежде, чѣмъ прійти сюда оскорблять твой слухъ, меня тамъ (*указываетъ на дверь*) на куски рѣзали, четвертовали. Не можетъ она понять! Голову вскружили и съ толку сбили... ну, васъ! (*идетъ къ двери и останавливается*). Не нравится мнѣ, все мнѣ въ васъ не нравится!

Саша. Что тебѣ не нравится?

Лебедевъ. Все мнѣ не нравится! Все!

Саша. Что все?

Лебедевъ. Такъ вотъ я разсядусь передъ тобою и стану рассказывать. Ничего мнѣ не нравится, а на свадьбу твою я и смотрѣть не хочу! (*подходитъ къ Сашѣ и ласково*). Ты меня извини, Шурочка, можетъ-быть, твоя свадьба умная, честная, возвышенная, съ принципами, но что-то въ ней не то, не то! Не походитъ она на другія свадьбы. Ты—молодая, свѣжая, чистая, какъ стеклышко, красивая, а онъ—вдовецъ, истрепаля, обносилъ. И не понимаю я его, Богъ съ нимъ (*цѣлуетъ дочь*). Шурочка, прости, но что-то не совѣшь чисто. Ужъ очень много люди говорятъ. Какъ-то такъ у него эта Сарра умерла, потомъ какъ-то вдругъ почему-то на тебѣ жениться захотѣлъ... (*живо*). Впрочемъ, я баба, баба. Обабился, какъ старый кринолицъ. Не слушай меня. Никого, себя только слушай.

Саша. Папа, я и сама чувствую, что не то... Не то, не

то, не то. Если бы ты зналъ, какъ мнѣ тяжело! Невыносимо! Мнѣ неловко и страшно сознаваться въ этомъ. Папа, голубчикъ, ты меня подбодри, ради Бога... научи, что дѣлать.

Лебедевъ. Что такое? Что?

Саша. Такъ странно, какъ никогда не было! (*оглядывается*). Мнѣ кажется, что я его не понимаю и никогда не пойму. За все время, пока я его не вѣста, онъ ни разу не улыбнулся, ни разу не взглянулъ мнѣ прямо въ глаза. Вѣчно жалобы, раскаяніе въ чемъ-то, намеки на какую-то вину, дрожь... Я утомилась. Бываютъ даже минуты, когда мнѣ кажется, что я... я его люблю не такъ сильно, какъ нужно. А когда онъ прѣзжаетъ къ намъ или говоритъ со мною, мнѣ становится скучно. Что это все значить, папочка? Страшно!

Лебедевъ. Голубушка моя, дитя мое единственное, послушай стараго отца. Откажи ему.

Саша (*испуанно*). Что ты, что ты!

Лебедевъ. Право, Шурочка. Скандаль будетъ, весь уѣздъ языками затрезвонить, но вѣдь лучше пережить скандаль, чѣмъ губить себя на всю жизнь.

Саша. Не говори, не говори, папа! И слушать не хочу. Надо бороться съ моральными мыслями. Онъ хороший, несчастный, непонятый человекъ; я буду его любить, пойму, поставлю его на ноги. Я исполню свою задачу. Рѣшено!

Лебедевъ. Не задача это, а психопатія.

Саша. Довольно. Я покаялась тебѣ, въ чемъ не хотѣла сознаться даже самой себѣ. Никому не говори. Забудемъ.

Лебедевъ. Ничего я не понимаю. Или я ступилъ отъ старости, или всѣ вы очень ужъ умны стали, а только я, хоть зарѣжьте, ничего не понимаю.

V.

Шабельскій (*входя*). Чортъ бы побралъ всѣхъ и меня въ томъ числѣ! Возмутительно!

Лебедевъ. Тебѣ что?

Шабельскій. Ивѣтъ, серьезно, нужно во что бы то ни стало устроить себѣ какую-нибудь гнусность, подлость, чтобъ не только мнѣ, но и всѣмъ противно стало. И я устрою. Честное слово! Я ужъ сказалъ Боркину, чтобы онъ объявилъ меня сегодня женихомъ (*смѣется*). Всѣ подлы, и я буду подлъ.

Лебедевъ. Надоѣлъ ты мнѣ! Слушай, Матвѣй, договоришься ты до того, что тебя, извини за выраженіе, въ желтый домъ свезутъ.

Шабельскій. А чѣмъ желтый домъ хуже любого бѣлаго или краснаго дома? Сдѣлай милость, хоть сейчасъ меня туда вези. Сдѣлай милость. Всѣ подленькіе, маленькіе, ничтожные, бездарные, самъ я гадокъ себѣ, не вѣрю ни одному своему слову...

Лебедевъ. Знаешь что, братъ? Возьми въ ротъ паклю, зажги и дыши на людей. Или еще лучше: возьми свою шапку и поѣзжай домой. Тутъ свадьба, всѣ веселятся, а ты кра-кра, какъ ворона. Да, право...

(Шабельскій склоняется къ пианино и рыдаетъ).

Лебедевъ. Ватюшки!.. Матвѣй!.. графъ!.. Что съ тобою? Матюша, родной мой... ангелъ мой... Я обидѣлъ тебя? Ну, прости меня, старую собаку... Прости пьяницу... Воды вышей...

Шабельскій. Не нужно *(поднимаетъ голову)*.

Лебедевъ. Чего ты плачешь?

Шабельскій. Ничего, такъ...

Лебедевъ. Нѣтъ, Матюша, не лги... отчего? Что за причина?

Шабельскій. Взглянулъ я сейчасъ на эту виолончель и... и жидовочку вспомнилъ...

Лебедевъ. Эва, когда нашель вспоминать! Царство ей небесное, вѣчный покой, а вспоминать не время...

Шабельскій. Мы съ нею дуэты играли... Чудная, превосходная женщина!

(Сама рыдаетъ).

Лебедевъ. Ты еще что? Будеть тебѣ! Господи, ревутъ оба, а я... я... Хоть уйдите отсюда, гости увидятъ!

Шабельскій. Паша, когда солнце свѣтитъ, то и на кладбищѣ весело. Когда есть надежда, то и въ старости хорошо. А у меня ни одной надежды, ни одной!

Лебедевъ. Да, дѣйствительно, тебѣ плоховато... Ни дѣтей у тебя, ни денегъ, ни занятій... Ну, да что дѣлать! *(Саша).* А ты-то чего?

Шабельскій. Паша, дай мнѣ денегъ. На томъ свѣтѣ мы поквитаемся. Я съѣзжу въ Парижъ, погляжу на могилу жены. Въ своей жизни я много давалъ, роздалъ половину своего состоянія, а потому имѣю право просить. Къ тому же я прошу у друга...

Лебедевъ (*растерянно*). Голубчикъ, у меня ни копейки! Впрочемъ, хорошо, хорошо! То-есть я не общаю, а понимаю ли... отлично, отлично! (*въ сторону*). Замучили!

VI.

Бабакина (*входитъ*). Гдѣ же мой кавалеръ? Графъ, какъ вы смѣете оставлять меня одну? У, противный! (*бьетъ графа стеромъ по руцѣ*).

Шабельскій (*брезливо*). Оставьте меня въ покоѣ! Я васъ ненавижу!

Бабакина (*оторопѣло*). Что?.. А?..

Шабельскій. Отойдите прочь!

Бабакина (*падаетъ въ кресло*). Ахъ! (*плачетъ*).

Зинаида Савишна (*входитъ плача*). Тамъ кто-то пріѣхалъ... Кажется, жениховъ шаферъ. Благословлять время... (*рыдастъ*).

Саша (*умоляюще*). Мама!

Лебедевъ. Ну, всѣ заревѣли! Квартетъ! Да будетъ вамъ сырость разводитъ! Матвѣй!.. Марѳа Егоровна!.. Вѣдь такъ и я... я заплачу... (*плачетъ*). Господи!

Зинаида Савишна. Если тебѣ мать не нужна, если безъ послушанія... то сдѣлаю тебѣ такое удовольствіе, благословлю...

(*Входитъ Ивановъ; онъ во фракъ и перчаткахъ*).

VII.

Лебедевъ. Этого еще не доставало! Что такое?

Саша. Зачѣмъ ты?

Ивановъ. Виновать, господа, позвольте мнѣ поговорить съ Сашей наединѣ.

Лебедевъ. Это не порядокъ, чтобъ до вѣнца къ невѣстѣ пріѣзжалъ! Тебѣ пора ѣхать въ церковь!

Ивановъ. Паша, я прошу...

(*Лебедевъ пожимаетъ плечами; онъ, Зинаида Савишна, графъ и Бабакина уходятъ*).

VIII.

Саша (*сурово*). Что тебѣ нужно?

Ивановъ. Меня душитъ злоба, но я могу говорить хладнокровно. Слушай. Сейчасъ я одѣвался къ вѣнцу, взглянулъ на себя въ зеркало, а у меня на вискахъ... сѣдины. Шура, не падо! Пока еще не поздно, нужно прекратить

эту бессмысленную комедию... Ты молода, чиста, у тебя впереди жизнь, а я...

Саша. Все это не ново, слышала я уже тысячу разъ и мнѣ надоѣло! Поѣзжай въ церковь, не задерживай людей.

Ивановъ. Я сейчасъ уѣду домой, а ты объяви своимъ, что свадьбы не будетъ. Объясни имъ какъ-нибудь. Пора взяться за умъ. Поигралъ я Гамлета, а ты возвышенную дѣвицу—и будетъ съ насъ.

Саша (*вспыхнувъ*). Это что за тонъ? Я не слушаю.

Ивановъ. А я говорю и буду говорить.

Саша. Ты зачѣмъ пріѣхалъ? Твое нытье переходитъ въ издѣвательство.

Ивановъ. Нѣтъ, ужъ я не ною! Издѣвательство? Да, я издѣваюсь. И если бы можно было издѣваться надъ самимъ собою въ тысячу разъ сильнѣе и заставить хохотать весь свѣтъ, то я бы это сдѣлалъ! Взглянулъ я на себя въ зеркало—и въ моей совѣсти точно ядро лопнуло! Я надсмѣялся надъ собою и отъ стыда едва не сошелъ съ ума (*смѣется*). Меланхолія! Благородная тоска! Безотчетная скорбь! Недостаетъ еще, чтобы я стихи писалъ. Ныть, нѣтъ Лазаря, нагонять тоску на людей, сознавать, что энергія жизни утрачена навсегда, что я заржавѣлъ, отжилъ свое, что я поддался слабодушію и по уши увязъ въ этой гнусной меланхоліи,—сознавать это, когда солнце ярко свѣтитъ, когда даже муравей талчить свою ношу и доволенъ собою,—нѣтъ, слуга покорный! Видѣть, какъ одни считаютъ тебя за шарлатана, другіе сожальютъ, третьи протягиваютъ руку помощи, четвертые,—что всего хуже,—съ благоговѣніемъ прислушиваются къ твоимъ вздохамъ, глядятъ на тебя, какъ на второго Магомета, и ждутъ, что вотъ-вотъ ты объявишь имъ новую религію... Нѣтъ, слава Богу, у меня еще есть гордость и совѣсть! Ъхалъ я сюда, смѣялся надъ собою и мнѣ казалось, что надо мною смѣются птицы, смѣются деревья...

Саша. Это не злость, а сумасшествіе!

Ивановъ. Ты думаешь? Нѣтъ, я не сумасшедшій. Теперь я вижу вещи въ настоящемъ свѣтѣ, и моя мысль такъ же чиста, какъ твоя совѣсть. Мы любимъ другъ друга, но свадьбы нашей не быть! Я самъ могу бѣситься и куснуть сколько мнѣ угодно, но я не имѣю права губить другихъ! Своимъ нытьемъ я отравилъ жеиѣ послѣдній годъ ея жизни.

Пока ты моя невеста, ты разучилась смѣяться и постарѣла на пять лѣтъ. Твой отецъ, для котораго было все ясно въ жизни, по моей милости пересталъ понимать людей. Буду ли я на съѣздъ, въ гости, на охоту, куда ни пойду, всюду вношу съ собою скуку, уныніе, недовольство. Постой, не перебивай! Я рѣзокъ, свирѣпъ, но, прости, злоба душитъ меня, и иначе говорить я не могу. Никогда я не лгалъ, не клеветалъ на жизнь, но, ставши брюзгой, я, противъ воли, самъ того не замѣчая, клевету на нее, рошчу на судьбу, жалуюсь, и всякій, слушающій меня, заражается отвращеніемъ къ жизни и тоже начинаеть клеветать. А какой тонъ! Точно я дѣлаю одолженіе природѣ, что живу. Да чертъ меня возьми!

Саша. Постой... Изъ того, что ты сейчасъ сказалъ, слѣдуетъ, что нынѣ тебѣ надоѣло, и что пора начать новую жизнь!.. И отлично!..

Ивановъ. Ничего я отличнаго не вижу. И какая тамъ новая жизнь? Я погибъ безвозвратно! Пора намъ обоимъ понять это. Новая жизнь!

Саша. Николай, опомнись! Откуда видно, что ты погибъ? Что за цинизмъ такой? Нѣтъ, не хочу ни говорить, ни слушать... Повѣзжай въ церковь!

Ивановъ. Погибъ!

Саша. Не кричи такъ, гости услышатъ!

Ивановъ. Если не глупый, образованный и здоровый человѣкъ безъ всякой видимой причины сталъ итѣ Лазаря и покатилъ внизъ по наклонной плоскости, то онъ катитъ уже безъ удержки, и нѣтъ ему спасенія! Ну, гдѣ мое спасеніе? Въ чемъ? Пить я не могу—голова болитъ отъ вина; плохихъ стиховъ писать—не умѣю, молиться на свою душевную лѣнь и видѣть въ ней нѣчто превысшенное—не могу. Лѣнь и есть лѣнь, слабость есть слабость,—другихъ названій у меня нѣтъ. Погибъ, погибъ—и разговоровъ быть не можетъ. *(олядывается)*. Намъ могутъ помѣшать. Слушай. Если ты меня любишь, то помоги мнѣ. Сію же минуту, немедленно откажись отъ меня! Скорѣе...

Саша. Ахъ, Николай, если бы ты зналъ, какъ ты меня утомилъ! Какъ измучилъ ты мою душу! Добрый, умный человѣкъ, посуди: ну, можно ли задавать такія задачи? Что ни день, то задача, одна труднѣе другой... Хотѣла я дѣлательной любви, но вѣдь это мученическая любовь!

Ивановъ. А когда ты станешь моею женою, задачи будутъ еще сложнѣй. Откажись же! Пойми: въ тебѣ говорить не любовь, а упрямство честной природы. Ты задалась цѣлью во что бы то ни стало воскресить во мнѣ человѣка, спасти; тебѣ льстило, что ты совершаешь подвигъ... Теперь ты готова отступить назадъ, но тебѣ мѣшаетъ ложное чувство. Пойми!

Саша. Какая у тебя странная, дикая логика! Ну, могу ли я отъ тебя отказаться? Какъ я откажусь? У тебя ни матери, ни сестры, ни друзей... Ты разорешь, имѣніе твое растащили, на тебя кругомъ клеветуютъ...

Ивановъ. Глупо я сдѣлалъ, что сюда пріѣхалъ. Мнѣ нужно было бы поступить такъ, какъ я хотѣлъ...

(Входитъ Лебедевъ).

IX.

Саша *(блжизитъ навстрѣчу отцу).* Папа, ради Бога, пріѣхалъ онъ сюда, какъ бѣшеный, и мучаетъ меня! Требуешь, чтобы я отказалась отъ него, не хочешь губить меня. Скажи ему, что я не хочу его великодушія! Я знаю, что дѣлаю.

Лебедевъ. Ничего не понимаю... Какое великодушіе?

Ивановъ. Свадьбы не будетъ!

Саша. Будетъ! Папа, скажи ему, что свадьба будетъ!

Лебедевъ. Постой, постой!.. Почему же ты не хочешь, чтобы была свадьба?

Ивановъ. Я объяснилъ ей почему, но она не хочетъ понимать.

Лебедевъ. Нѣтъ, ты не ей, а мнѣ объясни, да такъ объясни, чтобы я понялъ! Ахъ, Николай Алексѣевичъ! Богъ тебѣ судья! Столько ты напустилъ туману въ нашу жизнь, что я точно въ кунсткамерѣ живу: гляжу и ничего не понимаю... Просто наказаніе... Ну, что мнѣ прикажешь, старику, съ тобою дѣлать? На дуэль тебя вызвать что ли?

Ивановъ. Никакой дуэли не нужно. Нужно имѣть только голову на плечахъ и понимать русскій языкъ.

Саша *(ходитъ въ волненіи по сценѣ).* Это ужасно, ужасно! Просто какъ ребенокъ!

Лебедевъ. Остается только руками развести и больше ничего. Послушай, Николай! По-твоему, все это у тебя умно, тонко, по всѣмъ правиламъ психологін, а по-моему,

это скандалъ и несчастіе. Выслушай меня, старика, въ послѣдній разъ! Вотъ что я тебѣ скажу: успокой свой умъ! Гляди на вещи просто, какъ всѣ глядятъ! На этомъ свѣтѣ все просто. Потолокъ бѣлый, сапоги черные, сахаръ сладкій. Ты Сашу любишь, она тебя любитъ. Коли любишь—оставайся, не любишь—уйди, въ претензиі не будемъ. Вѣдь это такъ просто! Оба вы здоровые, умные, нравственные, и сыты, слава Богу, и одѣты... Что-жъ тебѣ еще нужно? Денегъ нѣтъ? Велика важность! Не въ деньгахъ счастье... Конечно, я понимаю... имѣніе у тебя заложено, процентовъ нечѣмъ платить, но я—отецъ, я понимаю... Мать, какъ хочеть, Богъ съ ней; не дастъ денегъ—не нужно. Шурка говоритъ, что не нуждается въ приданомъ. Принципы Шоненгауэръ... Все это чепуха... Есть у меня въ банкѣ завѣтныя 10 тысячъ (*оглядывается*). Про нихъ въ домѣ ни одна собака не знаетъ... Бабушкины... Это вамъ обоимъ... Берите, только уговоръ лучше денегъ: Матвѣю дайте тысячи двѣ...

(Въ залъ собираются гости).

Ивановъ. Паша, разговоры ни къ чему. Я поступаю такъ, какъ велитъ мнѣ моя совѣсть.

Саша. И я поступаю такъ, какъ велитъ мнѣ моя совѣсть. Можешь говорить, что угодно, я тебя не отпущу. Пойду позову маму (*уходитъ*).

Х.

Лебедевъ. Ничего не понимаю...

Ивановъ. Слушай, бѣдняга... Объяснять тебѣ, кто я—честень или подлъ, здоровъ или испихонатъ, я не стану. Тебѣ не втолкуешь. Былъ я молодымъ, горячимъ, искреннимъ, неглупымъ; любилъ, ненавидѣлъ и вѣрилъ не такъ, какъ всѣ, работалъ и надѣялся за десятерыхъ, сражался съ мельницами, бился лбомъ объ стѣны; не соразмѣривъ своихъ силъ, не разсуждая, не зная жизни, я взвалилъ на себя ношу, отъ которой сразу захрустѣла спина и потянулись жилы; я спѣшилъ расходовать себя на одну только молодость, пьянѣлъ, возбуждался, работалъ; не зналъ мѣры. И скажи: можно ли было иначе? Вѣдь насъ мало, а работы много, много! Боже, какъ много! И вотъ, какъ жестоко мститъ мнѣ жизнь, съ которою я боролся! Надорвался я! Въ 30 лѣтъ уже похмелю, я старъ, я уже надѣлъ халатъ.

Съ тяжелою головою, съ лѣнивою душой, утомленный, надорванный, надломленный, безъ вѣры, безъ любви, безъ цѣли, какъ тѣнь, слоняюсь я среди людей и не знаю: кто я, зачѣмъ живу, чего хочу? И мнѣ уже кажется, что любовь—вздоръ, ласки приторны, что въ трудѣ нѣтъ смысла, что нѣсна и горячія рѣчи пошлы и стары. И всюду я вношу съ собою тоску, холодную скуку, недовольство, отвращеніе къ жизни... Погибъ безвозвратно! Передъ тобою стоитъ чelовѣкъ, въ 35 лѣтъ уже утомленный, разочарованный, раздавленный своими ничтожными подвигами; онъ сгораетъ со стыда, издѣвается надъ своею слабостью... О, какъ возмущается во мнѣ гордость, какое душитъ меня бѣшенство! (*пошатывался*). Эка, какъ я уходилъ себя! Даже шатаюсь... Ослабѣлъ я. Гдѣ Матвѣй? Пусть онъ свезетъ меня домой.
Голоса въ залѣ. Жениховъ шаферъ прѣхалъ!

XI.

Шабельскій (*входя*). Въ чукомъ, поношенномъ фракѣ... безъ перчатокъ... и сколько за это насмѣшливыхъ взглядовъ, глухихъ остротъ, пошлыхъ улыбокъ... Отвратительные людшки!

Боркинъ (*быстро входитъ съ букетомъ; онъ во фракѣ, съ шаферскимъ цвѣткомъ*). Уфъ! Гдѣ же онъ? (*Иванову*). Васъ въ церкви давно ждуть, а вы тутъ философію разводите. Вотъ комикъ! Ей-Богу, комикъ! Вѣдь вамъ надо не съ невѣстой ѣхать, а отдѣльно со мною, за невѣстой же я прѣйду изъ церкви. Неужели вы даже этого не понимаете? Положительно, комикъ!

Львовъ (*входитъ, Иванову*). А, вы здѣсь? (*громко*). Николай Алексѣевичъ Ивановъ, объявляю во всеуслышаніе, что вы подлецъ!

Ивановъ (*холодно*). Покорнѣйше благодарю.

(*Общее замѣшательство*).

Боркинъ (*Львову*). Милостивый государь, это низко! Я вызываю васъ на дуэль!

Львовъ. Господинъ Боркинъ, я считаю для себя униженнымъ не только драться, но даже говорить съ вами! А господинъ Ивановъ можетъ получить удовлетвореніе, когда ему угодно.

Шабельскій. Милостивый государь, я дерусь съ вами!..

Саша (Львову). За что? За что вы его оскорбили? Господа, позвольте, пусть онъ мнѣ скажетъ: за что?

Львовъ. Александра Павловна, я оскорблялъ не голословно. Я пришелъ сюда, какъ честный человѣкъ, чтобы раскрыть вамъ глаза, и прошу васъ выслушать меня.

Саша. Что вы можете сказать? Что вы честный человѣкъ? Это весь свѣтъ знаетъ! Вы лучше скажите мнѣ по чистой совѣсти: понимаете вы себя или нѣтъ! Вошли вы сейчасъ сюда, какъ честный человѣкъ, и нанесли ему страшное оскорбленіе, которое едва не убило меня: раньше, когда вы преслѣдовали его, какъ тѣнь, и мѣшали ему жить, вы были увѣрены, что исполняете свой долгъ, что вы честный человѣкъ. Вы вмѣшивались въ его частную жизнь, злословили и судили его; гдѣ только можно было, забрасывали меня и всѣхъ знакомыхъ анонимными письмами, — и все время вы думали, что вы честный человѣкъ. Думая, что это честно, вы, докторъ, не щадили даже его больной жены и не давали ей покоя своими подозрѣніями. И какое бы насиліе, какую жестокую подлость вы ни сдѣлали, вамъ все бы казалось, что вы необыкновенно честный и передовой человѣкъ!

Ивановъ (смѣясь). Не свадьба, а парламентъ! Bravo, bravo!..

Саша (Львову). Вотъ теперь и подумайте: понимаете вы себя, или нѣтъ? Тупые, безсердечные люди! (*беретъ Иванова за руку*). Пойдемъ отсюда, Николай! Отецъ, пойдемъ!

Ивановъ. Куда тамъ пойдемъ? Постой, я сейчасъ все это кончу! Проснулась во мнѣ молодость, заговорилъ прежній Ивановъ! (*вынимаетъ револьверъ*).

Саша (вскрикиваетъ). Я знаю, что онъ хочетъ сдѣлать! Николай, Бога ради!

Ивановъ. Долго катилъ внизъ по наклону, теперь стой! Пора и честь знать! Отойдите! Спасибо, Саша!

Саша (кричитъ). Николай, Бога ради! Удержите!

Ивановъ. Оставьте меня! (*отбѣгаетъ въ сторону и застрѣливается*).

Занавѣсъ.

ЛЕБЕДИНАЯ ПѢСНЯ.

(КАЛХАСЪ).

Драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи.

ДЪЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Василій Васяльевичъ Свѣтловидовъ, комикъ, старикъ, 68-ми лѣтъ.

Никита Иванычъ, суфлеръ, старикъ.

Дѣйствіе происходитъ на сценѣ провинціального театра, ночью, послѣ спектакля. Пустая сцена провинціального театра средней руки. Направо рядъ некрашенныхъ, грубо сколоченныхъ дверей, ведущихъ въ уборныя; лѣвый плащъ и глубина сцены завалены хламомъ. Посреди сцены опрокинутый табуретъ. — Ночь. Темно.

I.

СВѢТЛОВИДОВЪ *(въ костюмѣ Калхаса, со свѣчой въ рукѣ, выходитъ изъ уборной и хохочетъ).*

Свѣтловидовъ. Вотъ такъ фунтъ! Вотъ такъ штука. Въ уборной уснулъ! Спектакль давно уже кончился, всѣ изъ театра ушли, а я преспокойнѣйшимъ манеромъ храповицкаго задаю. Ахъ, старый хрѣнь, старый хрѣнь! Старая ты собака! Такъ, значить, налимонился, что сидя уснулъ! Умница! Хвалю, мамочка *(кричитъ)*. Егорка! Егорка, чортъ! Петрушка! Заснули, черти, въ ротъ вамъ дышло, сто чертей и одна вѣдьма! Егорка! *(поднимаетъ табуретъ, садится на него и ставитъ свѣчу на полъ)*. Ничего не слышно... Только эхо и отвѣчаетъ... Егорка и Петрушка получили съ меня сегодня за усердіе по трешницѣ, — ихъ теперь и съ собаками не сыщешь... Ушли и, должно-быть, подлецы, театръ заперли... *(крутитъ головой)*. Пьянъ! Уфъ! Сколько я сегодня ради бенефиса влилъ въ себя этого винища и пивища. Боже мой! Во всемъ тѣлѣ перегаръ стоитъ, а во рту двенадцать языковъ ночуютъ... Противно... *(пауза)*. Глупо... напился старый дуралей и самъ не знаетъ, съ какой радости... Уфъ, Боже мой!.. И поясницу ломить, и башка трещить, и знобить всего, а на душѣ холодно и темно, какъ въ погребѣ. Если здоровья не жалъ, то хоть бы старость-то свою пощадилъ, шутъ Иванычъ... *(пауза)*. Старость... Какъ ни финти, какъ ни храбрись и ни ломай дурака, а ужъ жизнь прожита... шестьдесятъ восемь лѣтъ

уже тю-тю, мое почтеніе! Не воротишь... Все ужъ вышито изъ бутылки и осталось чуть-чуть на доньшкѣ... Осталась одна гуща... Такъ-то... Такія-то дѣла, Васюша... Хочешь— не хочешь, а роль мертвеца пора уже репетировать. Смерть-матушка не за горами... *(глядитъ впередъ себя)*. Однако служилъ я на сценѣ 45 лѣтъ, а театръ вижу ночью, кажется, только въ первый разъ... Да, въ первый разъ... А, вѣдь, курьезно, волкъ его заѣшь... *(подходитъ къ рамплъ)*. Ничего не видать... Ну, суфлерскую будку немножко видно... вотъ эту литерную ложку, шюпитръ... а все остальное—тьма! Черная бездонная яма, точно могила, въ которой прячется сама смерть... Брр!.. холодно! Изъ залы дуетъ, какъ изъ каминной трубы... Вотъ гдѣ самое настоящее мѣсто духовъ вызвать! Жутко, чортъ подери... По синнѣ мурашки заѣгали... *(кричитъ)*. Егорка! Петрушка! Гдѣ вы, черти? Господи, что-жъ это я нечистаго поминую? Ахъ, Боже мой, брось ты эти слова, брось ты пить, вѣдь ужъ старъ, помирать пора... Въ 68 лѣтъ люди къ заутрени ходятъ, къ смерти готовятся, а ты... О, Господи! Нечистыя слова, пьяная рожа, этотъ шутовской костюмъ... Просто не глядѣль бы! Пойду скорѣе одѣваться... Жутко! Вѣдь этакъ, ежели всю ночь здѣсь просидѣть, то со страху помереть можно... *(Идетъ къ своей уборной; въ это время изъ самой крайней уборной въ глубинѣ сцены показывается Никита Ивановичъ въ бѣломъ халатѣ)*.

II.

Свѣтловидовъ *(увидѣвъ Никиту Ивановича, вскрикиваетъ отъ ужаса и пятится назадъ)*. Кто ты? Зачѣмъ? Кого ты? *(топочетъ ногами)*. Кто ты?

Никита Ивановичъ. Это я-съ!

Свѣтловидовъ. Кто ты?

Никита Ивановичъ *(медленно приближаясь къ нему)*. Это я-съ... Суфлеръ, Никита Ивановичъ... Василь Васильичъ, это я-съ!..

Свѣтловидовъ *(опускается въ изнеможеніи на табуретъ, тяжело дышитъ и дрожитъ весь въ тьломѣ)*. Боже мой! Кто это? Это ты... ты, Никитушка? За... зачѣмъ ты здѣсь?

Никита Ивановичъ. Я здѣсь ночую въ уборныхъ-съ. Только вы, сдѣлайте милость, не сказывайте Алексѣю Фомичу-съ... Больше ночевать негдѣ, вѣрьте Богу-съ...

Свѣтловидовъ. Ты, Никитушка... Боже мой, Боже мой! Вызывали шестнадцать разъ, поднесли три вѣлика и много вещей... всѣ въ восторгѣ были, но ни одна душа не разбудила пьянаго старика и не свезла его домой... Я старикъ, Никитушка... Мнѣ 68 лѣтъ... Болеень! Томится слабый духъ мой... *(припадаетъ къ рукѣ суфлера и плачетъ)*. Не уходи, Никитушка... Старъ, немощенъ, помирать надо... Страшно, страшно!..

Никита Ивановъ *(нѣжно и почтительно)*. Вамъ, Василь Васильичъ, домой пора-съ!

Свѣтловидовъ. Не пойду! Нѣтъ у меня дома, — нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Никита Ивановъ. Господи! Ужъ забыли, гдѣ и живетъ!

Свѣтловидовъ. Не хочу туда, не хочу! Тамъ я одинъ... никого у меня нѣтъ, Никитушка, ни родныхъ, ни старухи, ни дѣтокъ... Одинъ, какъ вѣтеръ въ полѣ... Помру, и некому будетъ помянуть... Страшно мнѣ одному... Некому меня согрѣть, обласкать, пьянаго въ постель уложить... Чей я? Кому я нуженъ? Кто меня любитъ? Никто меня не любить, Никитушка!

Никита Ивановъ *(сквозь слезы)*. Публика васъ любитъ, Василь Васильичъ!

Свѣтловидовъ. Публика ушла, спить и забыла про своего шута! Нѣтъ, никому я не нуженъ, никто меня не любить... Ни жены у меня, ни дѣтей...

Никита Ивановъ. Эва, о чемъ горюете...

Свѣтловидовъ. Вѣдь я человѣкъ, вѣдь я живой, у меня въ жилахъ кровь течетъ, а не вода. Я дворянинъ, Никитушка, хорошаго рода... Пока въ эту яму не попалъ, на военной служилъ, въ артиллеріи... Какой я молодецъ былъ, красавецъ, какой честный, смѣлый, горячій! Боже, куда же это все дѣвалось? Никитушка, а потомъ какимъ я актеромъ былъ, а? *(поднявшись, отираетъ на руку суфлера)*. Куда все это дѣвалось, гдѣ оно, то время? Боже мой! Поглядѣлъ нынче въ эту яму — и все вспомнилъ, все! Има-то эта сѣла у меня 45 лѣтъ жизни, и какой жизни, Никитушка! Гляжу въ яму сейчасъ и вижу все до послѣдней черточки, какъ твое лицо. Восторги молодости, вѣра, пылъ, любовь женщины! Женщины, Никитушка!

Никита Ивановъ. Вамъ, Василь Васильичъ, спать пора-съ.

Свѣтловидовъ. Когда былъ молодымъ актеромъ, когда

только-что начиналъ въ самый пылъ входить, помню — полюбила одна меня за мою игру... Изящна, стройна, какъ тополь, молода, невинна, чиста и пламенна, какъ лѣтняя заря! Подъ взглядомъ ея голубыхъ глазъ, при ея чудной улыбкѣ, не могла бы устоять никакая ночь. Морскія волны разбиваются о камни, но о волны ея кудрей разбивались утесы, льдины, снѣговья глыбы! Помню, стою я передъ нею, какъ сейчасъ передъ тобою... Прекрасна была въ этотъ разъ, какъ никогда, глядѣла на меня такъ, что не забыть мнѣ этого взгляда даже въ могилѣ... Ласка, бархатъ, глубина, блескъ молодости! Упоенный, счастливый, падаю передъ нею на колѣни, прошу счастья... *(продолжаетъ утаившимъ голосомъ)*. А она... она говоритъ: оставьте сцену! Ос-та-вь-те сце-ну!.. Понимаешь? Она могла любить актера, но быть его женой — никогда! Помню, въ тотъ день игралъ я... Роль была подлая, шутовская... Я игралъ и чувствовалъ, какъ открываются мои глаза... Понялъ я тогда, что никакого святого искусства нѣтъ, что все бредъ и обманъ, что я — рабъ, игрушка чужой праздности, шутъ, фигляръ! Понялъ я тогда публику! Съ тѣхъ поръ не вѣрилъ я ни аплодисментамъ, ни вѣнкамъ, ни восторгамъ... Да, Никитушка! Онъ аплодируетъ мнѣ, покупаетъ за цѣлковый мою фотографію, но я чуждъ ему, я для него — грязь, почти кокотка!.. Ради тщеславія, онъ ищетъ знакомства со мною, но не унижить себя до того, чтобы отдать мнѣ въ жены свою сестру, дочь... Не вѣрю я ему! *(опускается на табуретъ)*. Не вѣрю!

Никита Ивановичъ. На вастъ лица нѣтъ, Василь Васильичъ! Даже меня въ страхъ вогнаши... Пойдемте домой, будьте великодушны!

Свѣтловидовъ. Прозрѣлъ я тогда... и дорого мнѣ стоило это прозрѣніе, Никитушка! Сталъ я послѣ той исторіи... послѣ дѣвицы этой... сталъ я безъ толку шататься, жить зря, не глядя впередъ... Разыгрывалъ шутовъ, зубоскаловъ, паясничалъ, развращалъ умы, а вѣдь какой художникъ былъ, какой талантъ! Зарылъ я талантъ, опошлялъ, и изломалъ свой языкъ, потерялъ образъ и подобіе... Сожрала, поглотила меня эта черная яма! Не чувствовалъ раньше, но сегодня... когда проснулся, поглядѣлъ назадъ, а за мною 68 лѣтъ. Только сейчасъ увидѣлъ старость! Спѣта пѣсня! *(рыдаетъ)*. Спѣта пѣсня!

Никита Ивановъ. Василь Васильчъ! Батюшка мой, голубчикъ... Ну, успокойтесь... Господи! (*кричитъ*). Петрушка! Егорка!

Свѣтловидовъ. А вѣдь какой талантъ, какая сила! Представить ты себѣ не можешь, какая дикція, сколько чувства и граціи, сколько струнь... (*бьетъ себя по груди*) въ этой груди! Задохнуться можно!.. Старикъ, ты послушай... постой, дай перевести духъ... Вотъ хоть изъ «Годунова»:

Тѣмъ Грознаго мени усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила
И въ жертву мнѣ Бориса обрела.
Царевичъ я. Довольно. Стыдно мнѣ
Предъ гордою полячкой унижаться!

А, плохо? (*живо*). Постой, вотъ изъ «Короля Лира»... Понимаешь, черное небо, дождь, громъ — ррр!.. молнія — жжж!.. полосуешь все небо, а тутъ:

Злись, вѣтеръ! Дуй, пока не допнуть щеки!
Вы, хляби води, стремитесь ураганомъ,
Залейте башни, флюгера на башняхъ!
Вы, сѣрные и быстрые огни,
Предвѣстники громовыхъ тяжкихъ стрѣлъ,
Дубовъ крушители, летите прямо
На голову мою съдую! Громъ небесный,
Все потрясающій, разбей природу всю,
Расплюсни разомъ толстый шаръ земли
И разбросай по вѣтру сѣмена,
Родящія людей неблагодарныхъ!

(*Нетерпливо*). Скорѣе слова шута! (*топочетъ ногами*).
Подавай скорѣе слова шута! Некогда мнѣ!

Никита Ивановъ (*играя шута*). «Что, куманекъ? Подъ кровлей-то сидѣть получше, я думаю, чѣмъ подъ дождемъ шататься? Право, дяденька, помирился бы ты лучше съ дочерьми. Въ такую ночь и умнику, и дураку — обонимъ плохо!»

Свѣтловидовъ. Ревн всѣмъ животомъ!

Дуй, лей, греми и жги!
Чего щадить меня? Огонь и вѣтеръ,
И громъ и дождь — не дочери мой!
Въ жестокости я васъ не укоряю:
Я царства вамъ не отдавалъ при жизни,
Дѣтьми моими васъ не называлъ.

Сила! Таланты! Художники! Еще что-нибудь... еще что-

нибудь этакое... старинной тряхнуть... Хватимъ (*закатывается счастливымъ смѣхомъ*) изъ «Гамлета»! Ну, я начинаю... Что бы такое? А, вотъ что... (*ируя Гамлета*). «Ахъ, вотъ и флейтички! Подай мнѣ твою флейту! (*Никитѣ Иванычу*). Мнѣ кажется, будто вы слишкомъ гоняетесь за мною».

Никита Иванычъ. «Повѣрьте, принцъ, что всему причиной любовь моя къ вамъ и усердіе къ королю».

Свѣтловидовъ. «Я что-то не совсемъ это понимаю. Сыграй мнѣ что-нибудь!»

Никита Иванычъ. «Не могу, принцъ».

Свѣтловидовъ. «Сдѣлай одолженіе!»

Никита Иванычъ. «Право, не могу, принцъ!»

Свѣтловидовъ. «Ради Бога, сыграй!».

Никита Иванычъ. «Да я совсемъ не умѣю играть на флейтѣ».

Свѣтловидовъ. «А это такъ же легко, какъ лгать. Возьми флейту такъ, губы приложи сюда, пальцы туда — и сыграешь!»

Никита Иванычъ. «Я вовсе не учился».

Свѣтловидовъ. «Теперь суди самъ: за кого ты меня принимаешь? Ты хочешь играть на душѣ моей, а вотъ не умѣешь сыграть даже чего-нибудь на этой дудкѣ. Развѣ я хуже, простѣе, нежели эта флейта? Считаю меня, чѣмъ тебѣ угодно: ты можешь мучить меня, но не играть мною!» (*хохочетъ и аплодируетъ*). Bravo! Бисъ! Bravo! Какая тутъ къ чорту старость! Никакой старости нѣтъ, все вздоръ, чепуха! Сила изъ всѣхъ жилъ бьетъ фонтаномъ, — это молодость, свѣжесть, жизнь! Гдѣ талантъ, Никитушка, тамъ нѣтъ старости! Ошалѣлъ, Никитушка? Очумѣлъ? погоди, дай и мнѣ прійти въ чувство... О, Господи, Боже мой! А вотъ послушай, какая нѣжность и тонкость, какая музыка! Тсс... Тсс!

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо, звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы...

(*Слышенъ стукъ открываемыхъ дверей*). Что это?

Никита Иванычъ. Это, должно-быть, Петрушка и Егорка пришли... Талантъ. Василь Висильичъ! Таланты!

Свѣтловидовъ (*кричитъ, оборачиваясь въ сторону стука*). Сюда мои соколы! (*Никитъ Иванычу*). Пойдемъ одѣваться... Никакой нѣтъ старости, все это вздоръ, галиматья... (*весело хохочетъ*). Что же ты плачешь? Дура моя хорошая, что ты пони распустилъ? Э, не хорошо! Вотъ это ужъ и не хорошо! Ну, ну, старикъ, будетъ такъ глядѣть! Зачѣмъ такъ глядѣть? Ну, ну... (*обнимаетъ его сквозь слезы*). Не нужно плакать... Гдѣ искусство, гдѣ талантъ, тамъ нѣтъ ни старости, ни одиночества, ни болѣзней, и сама смерть въ половину... (*плачетъ*). Нѣтъ, Никитушка, спѣта ужъ наша пѣсня... Какой я талантъ? Выжатый лимонъ, сосулька, ржавый гвоздь, а ты — старая театральная крыса, суфлеръ... Пойдемъ! (*идутъ*). Какой я талантъ? Въ серьезныхъ пьесахъ гожусь только въ свиту Фортинбраса... да и для этого уже старъ... Да... Помнишь это мѣсто изъ «Отелло», Никитушка?

Прости покой, прости мое довольство!
Простите вы, пернатые войска
И гордые сраженія, въ которыхъ
Считается за доблесть честолюбіе, —
Все, все прости! Прости, мой ржущій конь,
И звукъ трубы, и грохотъ барабана,
И флейты свистъ, и царственное знамя,
Всѣ почести, вся слава, все величье
И бурныя тревоги славныхъ войны!

Никита Иванычъ. Талантъ! Талантъ!

Свѣтловидовъ. Или вотъ еще:

Вопъ изъ Москвы! Сюда я больше не ѣздохъ.
Бѣгу, не оглянусь, пойду искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!
Карету мнѣ, карету!

(*Уходитъ съ Никитой Иванычемъ*).

Занавѣсъ медленно опускается.

ТРАГИКЪ ПО НЕВОЛѢ.

(изъ дачной жизни.)

Шутка въ одномъ дѣйствиі.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Иванъ Ивановичъ Толкачовъ, отецъ семейства.

Алексѣй Алексѣевичъ Мурашкинъ, его другъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, въ квартирѣ Мурашкина.

Кабинетъ Мурашкина. Мягкая мебель.—Мурашкинъ сидитъ за письменнымъ столомъ. Входитъ Толкачовъ, держа въ рукахъ стеклянный шаръ для лампы, игрушечный велосипедъ, три коробки со шляпками, большой узелъ съ платьемъ, кулекъ съ пивомъ и много маленькихъ узелковъ. Онъ безсмысленно поводитъ глазами и въ изнеможеніи опускается на софу.

Мурашкинъ. Здравствуй, Иванъ Ивановичъ! Какъ я радъ! Откуда ты?

Толкачовъ (*тяжело дыша*). Голубчикъ, милый мой... У меня къ тебѣ просьба... Умоляю... одолжи до завтрашняго дня револьвера. Будь другомъ!

Мурашкинъ. На что тебѣ револьверъ?

Толкачовъ. Нужно... Охъ, батюшки!.. Дай-ка воды... Скорѣй воды!.. Нужно... Ночью придется ѣхать темнымъ лѣсомъ, такъ вотъ я... на всякій случай. Одолжи, сдѣлай милость!

Мурашкинъ. Ой, врешь, Иванъ Ивановичъ! Какой тамъ у лѣснаго темный лѣсъ? Вѣроятно, задумалъ что-нибудь? По лицу вижу, что задумалъ недоброе! Да что съ тобою? Тебѣ дурно?

Толкачовъ. Постой, дай отдышаться... Охъ, матушки. Замучился, какъ собака. Во всемъ тѣлѣ и въ банкѣ такое ощущеніе, какъ будто изъ меня шанлыкъ сдѣлали. Не могу больше терпѣть. Будь другомъ, ничего не спрашивай, не вдавайся въ подробности... дай револьверъ! Умоляю!

Мурашкинъ. Ну, полно! Иванъ Ивановичъ, что за малодушіе? Отецъ семейства, статскій совѣтникъ! Стыдись!

Толкачовъ. Какой я отецъ семейства? Я мученикъ! Я вьючная скотина, негръ, рабъ, подлецъ, который все еще чего-то ждетъ и не отправляетъ себя на тотъ свѣтъ! Я

тряпка, болванъ, идіотъ! Зачѣмъ я живу? Для чего? (*скакиваетъ*). Ну, ты скажи мнѣ, для чего я живу? Къ чему этотъ непрерывный рядъ нравственныхъ и физическихъ страданій? Я понимаю быть мученикомъ идеи, да! но быть мученикомъ чортъ знаетъ чего, дамскихъ юбокъ да ламповыхъ шаровъ, нѣтъ! — слуга покорный! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Довольно съ меня! Довольно!

Мурашкинъ. Ты не кричи, сосѣдямъ слышно!

Толкачовъ. Пусть и сосѣди слышать, для меня все равно! Не дамъ ты револьвера, такъ другой дастъ, а ужъ мнѣ не быть въ живыхъ! Рѣшено!

Мурашкинъ. Постой, ты мнѣ пуговицу оторвалъ. Говори хладнокровно. Я все-таки не понимаю, чѣмъ же плоха твоя жизнь?

Толкачовъ. Чѣмъ? Ты спрашиваешь: чѣмъ? Изволь, я расскажу тебѣ! Изволь! Выскажусь передъ тобою и, можетъ-быть, на душѣ у меня полегчаетъ. Сядемъ. Ну, слушай... Охъ, матушки, одышка!.. Возьмемъ для примѣра хоть сегодняшній день. Возьмемъ. Какъ ты знаешь, отъ десяти часовъ до четырехъ приходится трубить въ канцеляріи. Жарища, духота, мухи и несовмѣстимѣйшіи, братецъ ты мой, хаосъ. Секретарь отпускъ взялъ, Храповъ жениться поѣхалъ, канцелярская мелюзга помѣшалась на дачахъ, амурахъ да любительскихъ спектакляхъ. Всѣ заспанные, уморенные, испитые, такъ что не добьешься никакого толка... Должность секретаря исправляетъ субъектъ, глухой на лѣвое ухо и влюбленный; просители обалдѣлые, все куда-то спѣшать и торопятся, сердятся, грозятъ, — такой кавардакъ со стихіями, что хоть караулъ кричи. Путаница и дымъ коромысломъ. А работа аспидская: одно и то же, одно и то же, справка, отношеніе, справка, отношеніе, — однообразно, какъ зыбь морская. Просто, понимаешь ли, глаза вонъ изъ-подъ лба лѣзутъ. Дай-ка воды... Выходишь изъ присутствія разбитый, измочаленный, тутъ бы обѣдать идти и спать завалиться, анъ нѣтъ! — помни, что ты дачникъ, то-есть рабъ, дрянъ, мочалка, сосулька, и изволь, какъ курицынъ сынъ, сейчасъ же бѣжать исполнять порученія. На нашихъ дачахъ установился милый обычай: если дачникъ ѣдетъ въ городъ, то, не говоря ужъ о его супругѣ, всякая дачная мразь имѣетъ власть и право навязать ему тѣмъ порученій. Супруга требуетъ, чтобы я заѣхалъ къ модисткѣ

и выбранилъ ее за то, что лифъ вышелъ широкъ, а въ плечахъ узко; Соничкѣ нужно перемѣнить башмаки, свояченицѣ пунцоваго шелку по образчику на 20 коп. и три аршина тесьмы... Да вотъ, постой, я тебѣ сейчасъ прочту *(вынимаетъ изъ кармана записочку и читаетъ)*. Шаръ для лампы; 1 фунтъ ветчинной колбасы; гвоздики и корицы на 5 коп.; кастороваго масла для Миши; 10 фунтовъ сахарнаго песку; взять изъ дому мѣдный тазъ и ступку для сахара; карболовой кислоты, персидскаго порошку, пудры на 10 коп.; 20 бутылокъ пива; уксусной эссенціи и корсетъ для m-ше Шансо № 82... уфъ! и взять дома Мишино осеннее пальто и калоши. Это приказъ супруги и семейства. Теперь порученія милыхъ знакомыхъ и сосѣдей, чортъ бы ихъ взялъ. У Власиныхъ завтра именинникъ Володя, ему нужно велосипедъ купить; подполковница Вихрина въ интересномъ положеніи, и по этому случаю я обязанъ ежедневно заѣзжать къ акушеркѣ и приглашать ее пріѣхать. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Пять записокъ у меня въ карманѣ и весь платокъ въ узелкахъ. Этакъ, батенька, въ промежуткѣ между службой и поѣздомъ бѣгаешь по городу, какъ собака, высунувъ языкъ, — бѣгаешь, бѣгаешь и жизнь проклянешь. Изъ магазина въ аптеку, изъ аптеки къ модисткѣ, отъ модистки въ колбасную, а тамъ опять въ аптеку. Тутъ спотыкнешься, тамъ деньги потеряешь, въ третьемъ мѣстѣ заплатитъ забудешь и за тобою гонятся со скандаломъ, въ четвертомъ мѣстѣ дамѣ на шлейфъ наступишь... тфу! Отъ такого моціона осатанѣешь и такъ тебя разломаетъ, что потомъ всю ночь кости трещать и крокодилы снятся. Ну-съ, порученія исполнены, все куплено, теперь какъ прикажешь упаковать всю эту музыку? Какъ ты, напримѣръ, уложишь вмѣстѣ тяжелую мѣдную ступку и толкать съ ламповымъ шаромъ, или карболку съ чаемъ? Какъ ты скомбинируешь во едино пивныя бутылки и этотъ велосипедъ? Египетская работа, задача для ума, ребусъ! Какъ тамъ ни ломай голову, какъ ни хитри, а, въ концѣ-концовъ, все-таки что-нибудь расколотишь и рассыплешь, а на вокзалѣ и въ вагонѣ будешь стоять, растопыривши руки, раскорячившись и поддерживая подбородкомъ какой-нибудь узелъ, весь въ кулъкахъ, въ картонахъ и въ прочей дряни. А тронется поѣздъ, публика начнетъ швырять во всѣ стороны твой багажъ: своими вещами ты чужія

мѣста занялъ. Кричатъ, зовутъ кондуктора, грозятъ высадить, а я-то что подѣлаю? Стою и глазами только лупаю, какъ побитый оселъ. Теперь слушай дальше. Приѣзжаю я къ себѣ на дачу. Тутъ бы выпить хорошенько отъ трудовъ праведныхъ, поѣсть да храповицкаго—не правда ли?—но не тутъ-то было. Моя сунружница ужъ давно стережетъ. Едва ты похлебаль супу, какъ она цапъ-царапъ раба Божьяго и — не угодно ли вамъ пожаловать куда-нибудь на любительскій спектакль или танцевальный кругъ? Протестовать не могли. Ты—мужъ, а слово «мужъ» въ переводѣ на дачный языкъ значитъ безсловесное животное, на которомъ можно ѣздить и возить глады сколько угодно, не боясь вмѣшательства общества покровительства животныхъ. Идешь и тарачишь глаза на «Скандалъ въ благородномъ семействѣ» или на какую-нибудь «Мотю», аплодируешь по приказанію супруги и чахнешь, чахнешь, чахнешь и каждую минуту ждешь, что вотъ-вотъ тебя хватитъ кондратій. А на кругу глады на танцы и подыскивай для супруги кавалеровъ, а если недостаетъ кавалера, то и самъ изволь танцевать кадрили. Вернешься послѣ полуночи изъ театра или съ бала, а ужъ ты не человекъ, а дохлятина, хоть брось. Но вотъ, наконецъ, ты достигъ цѣли: разоблачился и легъ въ постель. Отлично, закрывай глаза и спи... Все такъ хорошо, поэтично и тепло, понимаешь ли, и ребята за стѣной не визжать, и супруги нѣтъ, и совѣсть чиста—лучше и не надо. Засынаешь ты — и вдругъ... и вдругъ слышишь: дзз!.. Комары! (*вскакиваетъ*). Комары, будь они трижды анаемы прокляты, комары! (*потрясаетъ кулаками*). Комары! Это казнь египетская, инквизиція! Дзз!.. Дзюзюкаетъ этакъ жалобно, печально, точно прощенія проситъ, но такъ тебя, подлець, укуситъ, что потомъ цѣлый часъ чешешься. Ты и куришь, и бьешь ихъ, и съ головой укрываешься—нѣтъ спасенія! Въ концѣ-концовъ, плюнешь и отдашь себя на растерзаніе: жрите, проклятые! Не успѣешь привыкнуть къ комарамъ, какъ новая казнь египетская: въ залѣ супруга начинаетъ со своими тенорами романсы разучивать. Днемъ спать, а по ночамъ къ любительскимъ концертамъ готовятся. О, Боже мой! Тенора — это такое мученіе, что никакіе комары не сравнятся (*поетъ*). «Не говори, что молодость сгубила...» «Я вновь предъ тобою стою очарованъ...» О, по-одлы! Всю душу мою вытянули! Чтوبъ

ихъ хоть немножко заглушить, я на такой фокусъ пускаюсь: стучу себѣ пальцемъ по виску около уха. Этакъ стучу часовъ до четырехъ, пока не разойдутся. Охъ, дай-ка, братъ, еще воды... Не могу... Ну-съ, этакъ, не поспавши, встанешь въ шесть часовъ и — маршишь на станцію къ поѣзду. Вѣжинь, боишься опоздать, а тутъ грязь, туманъ, холодъ, брр! А прѣдешь въ городъ, заводи шарманку сначала. Такъ-то, братъ. Жизнь, доложу я тебѣ, преподная, и врагу такой жизни не пожелаю. Понимаешь — заболѣлъ! Одышка, изжога, вѣчно чего-то боюсь, желудокъ не варитъ, въ глазахъ мутно... Вѣрнень ли, психонатомъ сталъ... (*оглядывается*). Только это между нами... Хочу сходить къ Чечотту или къ Мержеевскому. Находить на меня, братецъ, какая-то чертовщина. Этакъ въ минуты досады и обалдѣнія, когда комары кусаютъ или тенора поютъ, вдругъ въ глазахъ помутится, вдругъ вскочншь, бѣгаешь, какъ угорѣлый, по всему дому и кричишь: «Крови жажду! Крови!» И въ самомъ дѣлѣ, въ это время хочется кого-нибудь ножомъ пырнуть или по головѣ стуломъ трахнуть. Вотъ оно, до чего дачная жизнь доводитъ! И никто не жалѣеть, не сочувствуетъ, а какъ будто это такъ и надо. Даже смѣются. Но вѣдь, пойми, я животное, я жить хочу! Тутъ не водевиль, а трагедія! Послушай, если не дашь револьвера, то хоть посочувствуй!

Мурашкинъ. Я сочувствую.

Толкачовъ. Вижу, какъ вы сочувствуете... Прощай. Поѣду за кильками, за колбасой... зубного порошку еще надо, а потомъ на во... дль.

Мурашкинъ. Ты гдѣ на дачѣ живешь?

Толкачовъ. На Дохлой рѣчкѣ.

Мурашкинъ (*радостно*). Неужели? Послушай, ты не знаешь ли тамъ дачницу Ольгу Павловну Финбергъ?

Толкачовъ. Знаю. Знакомъ даже.

Мурашкинъ. Да что ты? Вѣдь вотъ какой случай! Какъ это кстати, какъ это мило съ твоей стороны...

Толкачовъ. Что такое?

Мурашкинъ. Голубчикъ, милый, не можешь ли исполнить одну маленькую просьбу? Будь другомъ! Ну, дай честное слово, что исполнишь!

Толкачовъ. Что такое?

Мурашкинъ. Не въ службу, а въ дружбу! Умоляю, го-

лубчикъ. Во-первыхъ, поклонись Ольгѣ Павловнѣ и скажи, что я живъ и здоровъ, цѣлую ей ручку. Во-вторыхъ, свези ей одну вещичку. Она поручила мнѣ купить для нея ручную швейную машину, а доставить ей некому... Свези, милый! И, кстати, заодно вотъ эту клѣтку съ канарейкой... только осторожнѣй, а то дверца сломается... Что ты на меня такъ глядишь?

Толкачовъ. Швейная машинка... канарейка съ клѣткой... чижики, яблочки...

Мурашкинъ. Иванъ Ивановичъ, да что съ тобой? Отчего ты побагровѣлъ?

Толкачовъ (*топая ногами*). Давай сюда машинку! Гдѣ клѣтка? Садись самъ верхомъ! Ышь человѣка! Терзай! Добивай его! (*сжимаемая кулаки*). Крови жажду! Крови! Крови!

Мурашкинъ. Ты съ ума сошелъ!

Толкачовъ (*наступая на него*). Крови жажду! Крови!

Мурашкинъ (*въ ужасѣ*). Онъ съ ума сошелъ! (*кричитъ*) Петрушка! Марья! Гдѣ вы? Люди, спасите!

Толкачовъ (*гоняясь за нимъ по комнатѣ*). Крови жажду! Крови!

Занавѣсъ.

Ч А Й К А.

Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Ирина Николаевна Аркадина, по мужу Треплева, актриса.

Константинъ Гавриловичъ Треплевъ, ея сынъ, молодой человѣкъ.

Петръ Николаевичъ Соринъ, ея братъ.

Ирина Михайловна Зарѣчная, молодая дѣвушка, дочь богатаго помѣщика.

Илья Афанасьевичъ Шамраевъ, поручикъ въ отставкѣ, управляющій у Сорина.

Полина Андреевна, его жена.

Маша, его дочь.

Ворисъ Алексѣевичъ Тригоринъ, беллетристъ.

Евгеній Сергѣевичъ Дорнъ, врачъ.

Семенъ Семеновичъ Медвѣденко, учитель.

Яковъ, работникъ.

Поваръ.

Горничная.

Дѣйствіе происходитъ въ усадьбѣ Сорина. — Между третьимъ и четвертымъ дѣйствіемъ проходитъ два года.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Часть парка въ имѣніи Сорина. Широкая аллея, ведущая по направленію отъ зрителей въ глубину парка къ озеру, загорожена эстрадой, наскоро сколоченной для домашняго спектакля, такъ что озера совсѣмъ не видно. Надѣво и направо у эстрады кустарникъ. Нѣсколько стульевъ, столикъ.

Только-что зашло солнце. На эстрадѣ за опущеннымъ занавѣсомъ Яковъ и другіе работники; слышатся кашель и стукъ. Маша и Медвѣденко идутъ слѣва, возвращаясь съ прогулки.

Медвѣденко. Отчего вы всегда ходите въ черномъ?

Маша. Это трауръ по моей жизни. Я несчастна.

Медвѣденко. Отчего? (*въ раздумьѣ*). Не понимаю... Вы здоровы, отецъ у васъ хотя и небогатый, но съ достаткомъ. Миѣ живется гораздо тяжелѣе, чѣмъ вамъ. Я получаю всего 23 рубля въ мѣсяцъ, да еще вычитаютъ съ меня въ эмеритуру, а все же я не ношу траура (*садятся*).

Маша. Дѣло не въ деньгахъ. И бѣднякъ можетъ, быть счастливъ.

Медвѣденко. Это въ теоріи, а на практикѣ выходитъ такъ: я, да мать, да двѣ сестры и братишка, а жалованья всего 23 рубля. Вѣдь ѣсть и нить надо? Чаю и сахару надо? Табаку надо? Вотъ тутъ и вертись.

Маша (*оглядываясь на эстраду*). Скоро начнется спектакль.

Медвѣденко. Да. Играть будетъ Зарѣчная, а пьеса сочиненія Константина Гавриловича. Они влюблены другъ въ друга и сегодня ихъ души сольются въ стремленіи дать одинъ и тотъ же художественный образъ. А у моей души

и у вашей нѣтъ общихъ точекъ соприкосновенія. Я люблю васъ, не могу отъ тоски сидѣть дома, каждый день хожу пѣшкомъ шесть верстъ сюда да шесть обратно и встрѣчаю одинъ лишь индифферентизмъ съ вашей стороны. Это понятно. Я безъ средствъ, семья у меня большая... Какая охота идти за человѣка, которому самому ѣсть нечего?

Маша. Пустяки (*тохаетъ табакъ*). Ваша любовь трогаетъ меня, но я не могу отвѣчать взаимностью, вотъ и все (*протягиваетъ ему табакерку*). Одолжайтесь.

Медвѣденко. Не хочется (*пауза*).

Маша. Душно, должно-быть, ночью будетъ гроза. Вы все философствуете или говорите о деньгахъ. По-вашему, нѣтъ бѣдшаго несчастья, какъ бѣдность, а, по-моему, въ тысячу разъ легче ходить въ лохмотьяхъ и побираться, чѣмъ... Впрочемъ, вамъ не понять этого...

(*Входятъ справа Соринъ и Треплевъ*).

Соринъ (*опираясь на трость*). Мнѣ, братъ, въ деревнѣ какъ-то не того, и, понятная вещь, никогда я тутъ не привыкну. Вчера легъ въ десять и сегодня утромъ проснулся въ девять съ такимъ чувствомъ, какъ будто отъ долгаго спанья у меня мозгъ прилипъ къ черепу и все такое (*смѣется*). А послѣ обѣда нечаянно опять уснулъ, и теперь я весь разбитъ, испытываю кошмаръ, въ концѣ-концовъ...

Треплевъ. Правда, тебѣ нужно жить въ городѣ (*увидѣвъ Машу и Медвѣденку*). Господа, когда начнется, васъ позовутъ, а теперь нельзя здѣсь. Уходите пожалуйста.

Соринъ (*Машѣ*). Марья Ильинична, будьте такъ добры, попросите вашего папашу, чтобы онъ распорядился отвязать собаку, а то она воеетъ. Сестра опять всю ночь не спала.

Маша. Говорите съ моимъ отцомъ сами, а я не стану. Увольте пожалуйста (*Медвѣденку*). Пойдемте!

Медвѣденко (*Треплеву*). Такъ вы передъ началомъ пришли сказать (*оба уходятъ*).

Соринъ. Значить, опять всю ночь будетъ выть собака. Вотъ исторія, никогда въ деревнѣ я не жилъ, какъ хотѣлъ. Бывало, возьмешь отпускъ на 28 дней и приѣдешь сюда, чтобы отдохнуть и все, но тутъ тебя такъ доймаютъ всякимъ вздоромъ, что ужъ съ перваго дня хочется вонъ (*смѣется*). Всегда я уѣзжалъ отсюда съ удовольствіемъ...

Ну, а теперь я въ оставкѣ, дѣваться некуда, въ концѣ-концовъ. Хочешь—не хочешь, живи...

Яковъ (*Треплеву*). Мы, Константинъ Гаврилычъ, купаться пойдемъ.

Треплевъ. Хорошо, только черезъ десять минутъ будьте па мѣстахъ (*смотритъ на часы*). Скоро начнется.

Яковъ. Слушаю (*уходитъ*).

Треплевъ (*окидывая взглядомъ эстраду*). Вотъ тебѣ и театръ. Занавѣсъ, потомъ первая кулиса, потомъ вторая и дальше пустое пространство. Декорацій никакихъ. Открывается видъ прямо на озеро и на горизонтъ. Поднимемъ занавѣсъ ровно въ половинѣ девятого, когда взойдетъ луна.

Соринъ. Великолѣпно.

Треплевъ. Если Зарѣчная опоздаетъ, то, конечно, пропадетъ весь эффектъ. Пора бы ужъ ей быть. Отецъ и матека стерегутъ ее и вырваться ей изъ дому такъ же трудно, какъ изъ тюрьмы (*поправляетъ дядь галстукъ*). Голова и борода у тебя взлохмачены. Надо бы постричься, что ли...

Соринъ (*расчесывая бороду*). Трагедія моей жизни. У меня и въ молодости была такая наружность, будто я запоемъ пилъ и все. Меня никогда не любили женщины (*садясь*). Отчего сестра не въ духѣ?

Треплевъ. Отчего? Скучаетъ (*садясь рядомъ*). Ревнуетъ. Она уже и противъ меня, и противъ спектакля, и противъ моей пьесы, потому что не она играетъ, а Зарѣчная. Она не знаетъ моей пьесы, но уже ненавидитъ ее.

Соринъ (*смѣется*). Выдумашь, право...

Треплевъ. Ей уже досадно, что вотъ на этой маленькой сценѣ будетъ имѣть успѣхъ Зарѣчная, а не она (*поглядываетъ на часы*). Психологическій курьезъ—моя мать. Безспорно талантлива, умна, способна рыдать надъ книжкой, отхватить тебѣ всего Некрасова наизусть, за больными ухаживаетъ, какъ ангелъ; но попробуй похвалить при ней Дузе! Ого-го! Нужно хвалить только ее одну, нужно писать о ней, кричать, восторгаться ея необыкновенною игрой въ «La dame aux camélias» или въ «Чадъ жизни», но такъ какъ здѣсь, въ деревнѣ, нѣтъ этого дурмана, то вотъ она скучаетъ и злится, и всѣ мы—ея враги, всѣ мы виноваты. Затѣмъ, она суевѣрна, боится трехъ свѣчей, тринадцатаго числа. Она скупа. У нея въ Одессѣ въ банкѣ

семьдесят тысячъ — это я знаю навѣрно. А попроси у нея взаймы, она станетъ плакать.

Соринъ. Ты вообразилъ, что твоя пьеса не нравится матери, и уже волнуешься и все. Успокойся, мать тебя обожаетъ.

Треплевъ (*обрывая у цвѣтка лепестки*). Любить—не любить, любить — не любить, любить—не любить (*смыется*). Видишь, моя мать меня не любитъ. Еще бы! Ей хочется жить, любить, носить свѣтлыя кофточки, а мнѣ уже двадцать пять лѣтъ, и я постоянно напоминаю ей, что она уже не молода. Когда меня нѣтъ, ей только тридцать два года, при мнѣ же сорокъ три, и за это она меня ненавидитъ. Она знаетъ также, что я не признаю театра. Она любитъ театръ, ей кажется, что она служитъ человечеству, святому искусству, а по-моему, современный театръ — это рутина, предразсудокъ. Когда поднимается занавѣсъ и при вечернемъ освѣщеніи, въ комнатѣ съ тремя стѣнами, эти великіе таланты, жрецы святого искусства изображаютъ, какъ люди ѣдятъ, пьютъ любятъ, ходятъ, носятъ свои пиджаки; когда изъ полныхъ картинъ и фразъ стараются выудить мораль, — мораль маленькую, удобопонятную, полезную въ домашнемъ обиходѣ; когда въ тысячѣ вариаций мнѣ подносятъ все одно и то же, одно и то же, одно и то же, — то я бѣгу и бѣгу, какъ Мюссанъ бѣжалъ отъ Эйфелевой башни, которая давила ему мозгъ своею пошлостью.

Соринъ. Безъ театра нельзя.

Треплевъ. Нужны новыя формы. Новыя формы нужны, а если ихъ нѣтъ, то лучше ничего не нужно (*смотритъ на часы*). Я люблю мать, сильно люблю; но она ведетъ безтолковую жизнь, вѣчно носится съ этимъ беллетристомъ, имя ея постоянно треплютъ въ газетахъ—и это меня утомляетъ. Иногда же просто во мнѣ говоритъ эгоизмъ обыкновеннаго смертнаго; бываетъ жаль, что у меня мать известная актриса, и, кажется, будь это обыкновенная женщина, то я былъ бы счастливѣе. Дядя, что можетъ быть отчаяннѣе и глупѣе положенія: бывало, у нея сидятъ въ гостяхъ сплошь все знаменитости, артисты и писатели, и между ними только одинъ я—ничто, и меня терпятъ только потому, что я ея сынъ. Кто я? Что я? Вышелъ изъ третьяго курса университета по обстоятельствамъ, какъ говорится, отъ редакціи независящимъ, никакихъ талантовъ, денегъ

ни грона, а по паспорту я—кіевскій мѣщанинъ. Мой отецъ вѣдь кіевскій мѣщанинъ, хотя тоже былъ извѣстнымъ актеромъ. Такъ вотъ, когда, бывало, въ ея гостиной всѣ эти артисты и писатели обращали на меня свое милостивое вниманіе, то мнѣ казалось, что своими взглядами они измѣряли мое ничтожество,—я угадывалъ ихъ мысли и страдалъ отъ униженія.

Соринъ. Кстати, скажи, пожалуйста, что за человѣкъ этотъ беллетристъ? Не поймешь его. Все молчитъ.

Треплевъ. Человѣкъ умный, простой, немножко, знаешь, меланхолическій. Очень порядочный. Сорокъ лѣтъ будетъ ему еще не скоро, но онъ уже знаменитъ и сытъ по горло... Что касается его писаній, то... какъ тебѣ сказать? Мило, талантливо... но... послѣ Толстого или Зола не захочешь читать Тригорина.

Соринъ. А я, братъ, люблю литераторовъ. Когда-то я страстно хотѣлъ двухъ вещей: хотѣлъ жениться и хотѣлъ стать литераторомъ, но не удалось ни то, ни другое. Да. И маленькимъ литераторомъ пріятно быть, въ концѣ-концовъ.

Треплевъ (*прислушивается*). Я слышу шаги... (*обнимаетъ дядо*). Я безъ нея жить не могу... Даже звукъ ея шаговъ прекрасенъ... Я счастливъ безумно (*быстро идетъ навстрѣчу Нинѣ Зарьичной, которая входитъ*). Волшебница, мечта моя...

Нина (*взволнованно*). Я не опоздала... Конечно, я не опоздала...

Треплевъ (*цѣлуя ея руки*). Шѣтъ, нѣтъ, нѣтъ....

Нина. Весь день я безіюкнолась, мнѣ было такъ страшно! Я боялась, что отецъ не пуститъ меня... Но онъ сейчасъ уѣхалъ съ мачехой. Красное небо, уже начинается восходить луна, и я гнала лошадь, гнала (*смѣется*). Но я рада (*крѣпко жметъ руку Сорина*).

Соринъ (*смѣется*). Глазки, кажется, заплаканы... Ге-ге! Не хорошо!

Нина. Это такъ... Видите, какъ мнѣ тяжело дышать. Черезъ полчаса я уѣду, надо спѣшить. Нельзя, нельзя, Бога ради не удерживайте. Отецъ не знаетъ, что я здѣсь.

Треплевъ. Въ самомъ дѣлѣ, уже пора начинать. Надо идти звать всѣхъ.

Соринъ. Я схожу и все. Сію минуту (*идетъ вправо и*

поэтъ). «Во Францію два гренадера»... (*оглядывается*). Разъ также вотъ я запѣлъ, а одинъ товарищъ прокурора и говоритъ мнѣ: «А у васъ, ваше превосходительство, голось сильный»... Потомъ подумалъ и прибавилъ: «Но... противный» (*смѣется и уходитъ*).

Нина. Отецъ и его жена не пускаютъ меня сюда. Говорятъ, что здѣсь богема... боятся, какъ бы я не пошла въ актрисы... А меня тянетъ сюда къ озеру, какъ чайку... Мое сердце полно вами (*оглядывается*).

Треплевъ. Мы одни.

Нина. Кажется, кто-то тамъ...

Треплевъ. Никого (*поцѣлуетъ*).

Нина. Это какое дерево?

Треплевъ. Вязъ.

Нина. Отчего оно такое темное?

Треплевъ. Уже вечеръ, темнѣютъ всѣ предметы. Не уѣзжайте рано, умоляю васъ.

Нина. Нельзя.

Треплевъ. А если я поѣду къ вамъ, Нина? Я всю ночь буду стоять въ саду и смотрѣть на ваше окно.

Нина. Нельзя, васъ замѣтитъ сторожъ. Трезоръ еще не привыкъ къ вамъ и будетъ лаять.

Треплевъ. Я люблю васъ.

Нина. Тсс...

Треплевъ (*услышавъ шагъ*). Кто тамъ? Вы, Яковъ?

Яковъ (*за эстрадой*). Точно такъ.

Треплевъ. Становитесь по мѣстамъ. Пора. Луна восходитъ.

Нина. Точно такъ.

Треплевъ. Спиртъ есть? Сѣра есть? Когда покажутся красные глаза, нужно, чтобы пахло сѣрой (*Нить*). Идите, тамъ все приготовлено. Вы волнуетесь?..

Нина. Да, очень. Ваша мама—ничего, ся я не боюсь, но у васъ Тригоринъ... Играть при немъ мнѣ страшно и стыдно... Извѣстный писатель... Онъ молодой?

Треплевъ. Да.

Нина. Какіе у него чудесные рассказы!

Треплевъ (*холодно*). Не знаю, не читалъ.

Нина. Въ вашей пьесѣ трудно играть. Въ ней нѣтъ живыхъ лицъ.

Треплевъ. Живыя лица! Надо изображать жизнь не такую,

какъ она есть, и не такую, какъ должна быть, а такую, какъ она представляется въ мечтахъ.

Нина. Въ вашей пьесѣ мало дѣйствія, одна только читка. И въ пьесѣ, по-моему, непременно должна быть любовь...
(*оба уходятъ за эстраду*).

(*Входятъ Полина Андреевна и Дорнъ*).

Полина Андреевна. Становится сыро. Вернитесь, надѣньте капоши.

Дорнъ. Мнѣ жарко.

Полина Андреевна. Вы не бережете себя. Это упрямство. Вы—докторъ и отлично знаете, что вамъ вреденъ сырой воздухъ, но вамъ хочется, чтобы я страдала; вы нарочно просидѣли вчера весь вечеръ на террасѣ...

Дорнъ (*напѣваетъ*). «Не говори, что молодость стубила».

Полина Андреевна. Вы были такъ увлечены разговоромъ съ Ириной Николаевной... вы не замѣчали холода. Признайтесь, она вамъ нравится...

Дорнъ. Мнѣ 55 лѣтъ.

Полина Андреевна. Пустяки, для мужчины это не старость. Вы прекрасно сохранились и еще нравитесь женщинамъ.

Дорнъ. Такъ что же вамъ угодно?

Полина Андреевна. Передъ актрисой вы всѣ готовы пасть ницъ. Всѣ!

Дорнъ (*напѣваетъ*). «Я вновь предъ тобою»... Если въ обществѣ любятъ артистовъ и относятся къ нимъ иначе, чѣмъ, напримѣръ, къ купцамъ, то это въ порядкѣ вещей. Это—идеализмъ.

Полина Андреевна. Женщины всегда влюблялись въ васъ и вѣшали на шею. Это тоже идеализмъ?

Дорнъ (*пожавъ плечами*). Что-жъ? Въ отношеніяхъ женщинъ ко мнѣ было много хорошаго. Во мнѣ любили главнымъ образомъ превосходнаго врача. Лѣтъ 10—15 назадъ, вы помните, во всей губерніи я былъ единственнымъ порядочнымъ акушеромъ. Затѣмъ всегда я былъ честнымъ человѣкомъ.

Полина Андреевна (*хватаетъ его за руку*). Дорогой мой!

Дорнъ. Тише. Идутъ.

(*Входятъ Аркадина подъ руку съ Соринимъ, Тригоринъ, Шамраевъ, Медвѣденко и Маша*).

Шамраевъ. Въ 1873 году въ Полтавѣ на ярмаркѣ она

играла изумительно. Одинъ восторгъ! Чудно играла! Не изволите ли также знать, гдѣ теперь комикъ Чадинъ, Павелъ Семеновъ? Въ Расплюевѣ былъ неподражаемъ, лучше Садовскаго, клянусь вамъ, многоуважаемая. Гдѣ онъ теперь?

Аркадина. Вы все спрашиваете про какихъ-то допотопныхъ. Откуда я знаю! *(садится)*.

Шамраевъ *(вздыхнувъ)*. Пашка Чадинъ! Такихъ ужъ нѣтъ теперь. Пала сцена, Ирина Николаевна! Прежде были могучіе дубы, а теперь мы видимъ одни только пни.

Дорнъ. Блестящихъ дарованій теперь мало, это правда, но средній актеръ сталъ гораздо выше.

Шамраевъ. Не могу съ вами согласиться. Впрочемъ, это дѣло вкуса. De gustibus aut bene, aut nihil.

(Треплевъ выходитъ изъ-за эстрады).

Аркадина *(сыну)*. Мой милый сынъ, когда же начало?

Треплевъ. Черезъ минуту. Прошу терпѣнія.

Аркадина *(читаетъ изъ Гамлета)*. «Мой сынъ! Ты очи обратилъ мнѣ внутрь души, и я увидѣла ее въ такихъ кровавыхъ, въ такихъ смертельныхъ язвахъ — нѣтъ спасенья!»

Треплевъ *(изъ Гамлета)*. «И для чего жъ ты поддалась пороку, любви искала въ безднѣ преступаенья?»

(За эстрадой играютъ въ рожокъ).

Треплевъ. Господа, начало! Прошу вниманія! *(пауза)*. Я начинаю *(стучитъ палочкой и говоритъ громко)*. О вы, почтенныя, старыя тѣни, которыя носитесь въ ночную пору надъ этимъ озеромъ, усыпите насъ, и пусть намъ приснится то, что будетъ черезъ двѣсти тысячъ лѣтъ!

Соринъ. Черезъ двѣсти тысячъ лѣтъ ничего не будетъ.

Треплевъ. Такъ вотъ пусть изобразятъ намъ это ничего.

Аркадина. Пусть. Мы спимъ.

(Поднимается занавѣсъ; открывається видъ на озеро; луна надъ горизонтомъ, отраженіе ея въ водѣ; на большомъ камнѣ сидитъ Нина Зарѣчная, вся въ бѣломъ).

Нина. Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливыя рыбы, обитавшія въ водѣ, морскія звѣзды и тѣ, которыхъ нельзя было видѣть глазомъ, — словомъ, всѣ жизни, всѣ жизни, всѣ жизни, свершивъ печальный кругъ, угасли... Уже тысячи вѣковъ, какъ земля не посылтъ на себѣ ни одного живого существа, и эта бѣдная луна напрасно зажигаетъ свой фонарь. На лугу

уже не просыпаются съ крикомъ журавли и майскихъ жуковъ не бываетъ слышно въ липовыхъ рощахъ. Холодно, холодно. Пусто, пусто, пусто. Страшно, страшно, страшно, *(пауза)*. Тѣла живыхъ существъ исчезли въ прахъ и вѣчная матерія обратила ихъ въ камни, въ воду, въ облака, а души ихъ всѣхъ слились въ одну. Общая міровая душа — это я... я... Во мнѣ душа и Александра Великаго, и Цезаря, и Шекспира, и Наполеона, и послѣдней пивки. Во мнѣ сознанія людей слились съ инстинктами животныхъ, и я помню все, все, все, и каждую жизнь въ себѣ самой я переживаю вновь *(показываются болотные омы)*

Аркадина *(тихо)*. Это что-то декадентское.

Треплевъ *(умоляющее и съ утрекомъ)*. Мама!

Нина. Я одинока. Разъ въ сто лѣтъ я открываю уста, чтобы говорить, и мой голосъ звучить въ этой пустотѣ уныло, и никто не слышитъ... И вы, блѣдые огни, не слышите меня... Подъ утро васъ рождаетъ гнилое болото, и вы блуждаете до зари, но безъ мысли, безъ воли, безъ трепетанія жизни. Боясь, чтобы въ васъ не возникла жизнь, отецъ вѣчной материн, дьяволь, каждое мгновеніе въ васъ, какъ въ камняхъ и въ водѣ, производитъ обмѣнъ атомовъ, и вы мѣняетесь непрерывно. Во вселенной остается постояннымъ и неизмѣннымъ одинъ лишь духъ *(пауза)*. Какъ плѣвникъ, брошенный въ пустой глубокой колодець, я не знаю, гдѣ я и что меня ждетъ. Отъ меня не скрыто лишь, что въ упорной, жестокой борьбѣ съ дьяволомъ, началомъ матеріальныхъ силъ, мнѣ суждено побѣдить, и послѣ того матерія и духъ сольются въ гармоніи прекрасной и наступитъ царство міровой воли. Но это будетъ лишь, когда мало-по-малу, черезъ длинный, длинный рядъ тысячелѣтій, и луна, и свѣтлый Сиріусъ; и земля обратятся въ пыль... А до тѣхъ поръ ужасъ, ужасъ... *(пауза; на фонѣ озера показываются двѣ красныхъ точки)*. Вотъ приближается мой могучій противникъ, дьяволь. Я вижу его страшные, багровые глаза...

Аркадина. Сѣрой пахнетъ. Это такъ нужно?

Треплевъ. Да.

Аркадина *(смѣется)*. Да, это эффектъ.

Треплевъ. Мама!

Нина. Онъ скучаетъ безъ человѣка...

Полина Андреевна (Дорну). Вы сняли шляпу. Надѣньте, а то простудитесь.

Аркадина. Это докторъ снялъ шляпу передъ дьяволомъ, отцомъ вѣчной материн.

Треплевъ (вспыливъ, громко). Пьеса кончена! Довольно! Занавѣсъ!

Аркадина. Что же ты сердинься?

Треплевъ. Довольно! Занавѣсъ! Подавай занавѣсъ! (*топнувъ ногой*). Занавѣсъ! (*занавѣсъ опускается*). Виноваты! Я выпустилъ изъ вида, что писать пьесы и играть на сценѣ могутъ только немногіе избранные. Я нарушилъ монополію! Мнѣ... я... (*хочетъ еще что-то сказать, но машетъ рукой и уходитъ влѣво*).

Аркадина. Что съ нимъ?

Соринъ. Ирина, нельзя такъ, матушка, обращаться съ молодымъ самолюбіемъ.

Аркадина. Что же я ему сказала?

Соринъ. Ты его обидѣла.

Аркадина. Онъ самъ предупреждалъ, что это шутка, и я отисилась къ его пьесѣ, какъ къ шуткѣ.

Соринъ. Все-таки...

Аркадина. Теперь оказывается, что онъ написалъ великое произведеніе! Скажите, пожалуйста! Стало-быть, устроилъ онъ этотъ спектакль и надушилъ сѣрой не для шутки, а для демонстраціи... Ему хотѣлось поучить насъ, какъ надо писать и что нужно играть. Наконецъ, это становится скучно. Эти постоянныя вылазки противъ меня и шпильки, воля ваша, надоѣдаютъ хоть кому! Капризный, самолюбивый мальчикъ.

Соринъ. Онъ хотѣлъ доставить тебѣ удовольствіе.

Аркадина. Да? Однакоже, вотъ онъ не выбралъ какой-нибудь обыкновенной пьесы, а заставилъ насъ прослушать этотъ декадентскій бредъ. Ради шутки я готова слушать и бредъ, но вѣдь тутъ претензіи на новыя формы, на новую эру въ искусствѣ. А по-моему, никакихъ тутъ новыхъ формъ нѣтъ, а просто дурной характеръ.

Тригоринъ. Каждый пишетъ такъ, какъ хочетъ и какъ можетъ.

Аркадина. Пусть онъ пишетъ, какъ хочетъ и какъ можетъ, только пусть оставитъ меня въ покоѣ.

Дорнъ. Юпитеръ, ты сердинься...

Аркадина. Я не Юпитеръ, а женщина (*закуриваетъ*). Я не сержусь, мнѣ только досадно, что молодой человѣкъ такъ скучно проводить время. Я не хотѣла его обидѣть.

Медвѣденко. Никто не имѣетъ основанія отдѣлять духъ отъ матеріи, такъ какъ, быть-можетъ, самый духъ есть совокупность матеріальныхъ атомовъ (*живо, Тригорину*). А вотъ, знаете ли, описать бы въ пьесѣ и потомъ сыграть на сценѣ, какъ живетъ нашъ братъ — учитель. Трудно, трудно живется!

Аркадина. Это справедливо, но не будемъ говорить ни о пьесахъ, ни объ атомахъ. Вечеръ такой славный! Слышите, господа, поютъ? (*прислушивается*). Какъ хорошо!

Полина Андреевна. Это на томъ берегу. (*Пауза*).

Аркадина (*Тригорину*). Сядьте возлѣ меня. Лѣтъ 10—15 назадъ, здѣсь, на озерѣ, музыка и пѣніе слышались непрерывно почти каждую ночь. Тутъ на берегу шесть помѣщичьихъ усадебъ. Помню, смѣхъ, шумъ, стрѣльба, и все романы, романы... *Jeune premier*’омъ и кумиромъ всѣхъ этихъ шести усадебъ былъ тогда вотъ, рекомендую (*живаетъ на Дорна*), докторъ Евгений Сергѣичъ. И теперь онъ очарователенъ, но тогда былъ неотразимъ. Однако, меня начинаетъ мучить совѣсть. За что я обидѣла моего бѣднаго мальчика? Я не покойна (*громко*). Костя! Сынъ! Костя!

Маша. Я пойду, поищу его.

Аркадина. Пожалуйста, милая.

Маша (*идетъ влѣво*). Ау! Константины Гавриловичъ!.. Ау! (*уходитъ*).

Нина (*выходя изъ-за эстрады*). Очевидно, продолженія не будетъ, мнѣ можно выйти. Здравствуйте! (*цѣлуется съ Аркадиной и Полиной Андреевной*).

Соринъ. Bravo! bravo!

Аркадина. Bravo! bravo! Мы любовались. Съ такою наружностью, съ такимъ чуднымъ голосомъ нельзя, грѣшно сидѣть въ деревнѣ. У васъ долженъ быть талантъ. Слышите? Вы обязаны поступить на сцену!

Нина. О, это моя мечта! (*вздохнувъ*). Но она никогда не осуществится.

Аркадина. Кто знаетъ? Вотъ позвольте вамъ представить: Тригоринъ, Борисъ Алексѣевичъ.

Нина. Ахъ, я такъ рада... (*сконфузившись*). Я всегда васъ чтаю...

Аркадина (*усаживая ее возль*). Не конфузьтесь, милая. Онъ знаменитость, но у него простая душа. Видите, онъ самъ сконфузился.

Дорнь. Полагаю, теперь можно поднять занавѣсъ, а то жутко.

Шамраевъ (*громко*). Яковъ, подними-ка, братецъ, занавѣсъ! (*занавѣсъ поднимается*).

Нина (*Тригорину*). Не правда ли, странная пьеса?

Тригоринъ. Я ничего не понялъ. Впрочемъ, смотрѣлъ я съ удовольствіемъ. Вы такъ искренно играли. И декорация была прекрасная (*пауза*). Должно-быть, въ этомъ озерѣ много рыбы.

Нина. Да.

Тригоринъ. Я люблю удить рыбу. Для меня нѣтъ больше наслажденія, какъ сидѣть подъ вечеръ на берегу и смотрѣть на поплавокъ.

Нина. Но, я думаю, кто испыталъ наслажденіе творчества, для того уже всѣ другія наслажденія не существуютъ.

Аркадина (*смѣясь*). Не говорите такъ. Когда ему говорятъ хорошія слова, то онъ проваливается.

Шамраевъ. Помню, въ Москвѣ въ оперномъ театрѣ однажды знаменитый Сильва взялъ нижнее до. А въ это время, какъ нарочно, сидѣлъ на галлерей басъ изъ нашихъ синодальныхъ пѣвчихъ, и вдругъ, можете себѣ представить наше крайнее изумленіе, мы слышимъ съ галлерей: «Браво, Сильва!» цѣлою октавою ниже... Вотъ этакъ (*низкимъ баскомъ*). Браво, Сильва... Театръ такъ и замеръ (*пауза*).

Дорнь. Тихій ангелъ пролетѣлъ.

Нина. А мнѣ пора. Прощайте.

Аркадина. Куда? Куда такъ рано? Мы васъ не пустимъ.

Нина. Меня ждетъ папа.

Аркадина. Какой онъ, право... (*цѣлуются*). Ну, что дѣлать. Жаль, жаль васъ отпустить.

Нина. Если бы вы знали, какъ мнѣ тяжело уѣзжать!

Аркадина. Васъ бы проводилъ кто-нибудь, моя крошка.

Нина (*испуганно*). О, нѣтъ, нѣтъ!

Соринъ (*ей, умоляюще*). Оставайтесь!

Нина. Не могу, Петръ Николаевичъ.

Соринъ. Оставайтесь на одинъ часъ и все. Ну, что, право...

Нина (*подумавъ, сквозь слезы*). Нельзя! (*пожимаетъ руку и быстро уходитъ*).

Аркадина. Несчастная дѣвушка въ сущности. Говорять, ея покойная мать завѣщала мужу все свое громадное состояніе, все до копейки, и теперь эта дѣвочка осталась ни съ чѣмъ, такъ какъ отецъ ея уже завѣщаль все своей второй женѣ. Это возмутительно.

Дорнъ. Да, ея паленька порядочная-таки скотина, надо отдать ему полную справедливость.

Соринъ (*потирая озябшія руки*). Пойдемте-ка, господа, и мы, а то становится сыро. У меня ноги болятъ.

Аркадина. Онѣ у тебя, какъ деревянные, едва ходять. Ну, пойдемъ, старикъ злосчастный (*беретъ его подъ руку*).

Шамраевъ (*подавая руку женѣ*). Мадамъ?

Соринъ. Я слышу, опять воесть собака (*Шамраеву*). Будьте добры, Илья Аванасьевичъ, прикажите отвязать ее.

Шамраевъ. Нельзя, Петръ Николаевичъ, боюсь, какъ бы воры въ амбаръ не забрались. Тамъ у меня просо (*идущему рядомъ Медвѣденку*). Да, на цѣлую октаву ниже: «Браво, Сильва!» А вѣдь не пѣвецъ, простой синодальный пѣвчій.

Медвѣденко. А сколько жалованья получаетъ синодальный пѣвчій? (*всѣ уходятъ, кромѣ Дорна*).

Дорнъ (*одинъ*). Не знаю, быть-можетъ, я ничего не понимаю или сошелъ съ ума, но пьеса мнѣ понравилась. Въ ней что-то есть. Когда эта дѣвочка говорила объ одиночествѣ и потомъ, когда показались красные глаза дьявола, у меня отъ волненія дрожали руки. Свѣжо, наивно... Вотъ, кажется, онъ идетъ. Мнѣ хочется наговорить ему побольше пріятнаго.

Треплевъ (*входитъ*). Уже нѣтъ никого.

Дорнъ. Я здѣсь.

Треплевъ. Меня по всему парку ищеть Машенька. Несносное созданіе.

Дорнъ. Константинъ Гавриловичъ, мнѣ ваша пьеса чрезвычайно понравилась. Странная она какая-то, и конца я не слышалъ, и все-таки впечатлѣніе сильное. Вы талантливый человѣкъ, вамъ надо продолжать.

(*Треплевъ крѣпко жметъ ему руку и обнимаетъ торы-висто*).

Дорнъ. Фуи, какой нервный. Слезы на глазахъ... Я что

хочу сказать? Вы взяли сюжетъ изъ области отвлеченныхъ идей. Такъ и слѣдовало, потому что художественное произведеніе непременно должно выражать какую-нибудь большую мысль. Только то прекрасно, что серьезно. Какъ вы блѣдны!

Треплевъ. Такъ вы говорите—продолжать?

Дорнъ. Да... Но изображайте только важное и вѣчное. Вы знаете, я прожилъ свою жизнь разнообразно и со вкусомъ, я доволенъ, но если бы мнѣ пришлось испытать подъемъ духа, какой бываетъ у художниковъ во время творчества, то, мнѣ кажется, я презиралъ бы свою матеріальную оболочку и все, что этой оболочкѣ свойственно, и уносился бы отъ земли подальше въ высоту.

Треплевъ. Виновать, гдѣ Зарѣчная?

Дорнъ. И вотъ еще что. Въ произведеніи должна быть ясная, опредѣленная мысль. Вы должны знать, для чего пишете, иначе, если пойдете по этой живописной дорогѣ безъ опредѣленной цѣли, то вы заблудитесь и вашъ талантъ погубитъ васъ.

Треплевъ (*нетерпѣливо*). Гдѣ Зарѣчная?

Дорнъ. Она уѣхала домой.

Треплевъ (*въ отчаяніи*). Что же мнѣ дѣлать? Я хочу ее видѣть... Мнѣ необходимо ее видѣть... Я поѣду...

(*Маша входитъ*).

Дорнъ (*Треплеву*). Успокойтесь, мой другъ.

Треплевъ. Но все-таки я поѣду. Я долженъ поѣхать.

Маша. Идите, Константинъ Гавриловичъ, въ домъ. Васъ ждетъ ваша мама. Она непокойна.

Треплевъ. Скажите ей, что я уѣхалъ. И прошу васъ всѣхъ, оставьте меня въ покоѣ! Оставьте! Не ходите за мной!

Дорнъ. Но, но, но, милый... нельзя такъ... Не хорошо.

Треплевъ (*сквозь слезы*). Прощайте, докторъ. Благодарю... (*уходитъ*).

Дорнъ (*вздыхнувъ*). Молодость, молодость!

Маша. Когда нечего больше сказать, то говорятъ: молодость, молодость... (*нюхаетъ табакъ*).

Дорнъ (*беретъ у нея табакерку и швыряетъ въ кусты*). Это гадко! (*пауза*). Въ домѣ, кажется, играютъ. Надо идти.

Маша. Погодите.

Дорнъ. Что?

Маша. Я еще разъ хочу вамъ сказать. Мнѣ хочется поговорить... (*волнуясь*). Я не люблю своего отца... но къ вамъ лежитъ мое сердце. Почему-то я всею душой чувствую, что вы мнѣ близки... Помогите же мнѣ. Помогите, а то я сдѣлаю глупость, я насмѣюсь надъ своею жизнью, испорчу ее... Не могу дольше...

Дорнъ. Что? Въ чемъ помочь?

Маша. Я страдаю. Никто, никто не знаетъ моихъ страданій! (*кладетъ ему голову на грудь, тихо*). Я люблю Константина.

Дорнъ. Какъ всѣ нервны! Какъ всѣ нервны! И сколько любви... О, колдовское озеро! (*пѣжно*). Но что же я могу сдѣлать, дитя мое? Что? Что?

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Площадка для крокета. Въ глубинѣ направо домъ съ большою террасой, налѣво видно озеро, въ которомъ, отражаясь, сверкаетъ солнце. Цвѣтники. Полдень. Жарко. Съ боку площадки, въ тѣни старой липы, сидятъ на скамьѣ Аркадина, Дорнъ и Маша. У Дорна на колѣняхъ раскрытая книга.

Аркадина (*Маша*). Вотъ встанемте (*обѣ встаютъ*). Станемъ рядомъ. Вамъ двадцать два года, а мнѣ почти вдвое. Евгений Сергѣичъ, кто изъ насъ моложавѣе?

Дорнъ. Вы, конечно.

Аркадина. Вотъ-съ... А почему? Потому что я работаю, я чувствую, я постоянно въ суетѣ, а вы сидите все на одномъ мѣстѣ, не живете... И у меня правило: не заглядывать въ будущее. Я никогда не думаю ни о старости, ни о смерти. Чему быть, того не миновать.

Маша. А у меня такое чувство, какъ будто я родилась уже давнымъ-давно; жизнь свою я тащу волокомъ, какъ безконечный шлейфъ... И часто не бываетъ никакой охоты жить (*садится*). Конечно, это все пустяки. Надо встряхнуться, сбросить съ себя все это.

Дорнъ (*напѣваетъ тихо*). «Разскажите вы ей, цвѣты мой»...

Аркадина. Затѣмъ, я корректна, какъ англичанинъ. Я,

милая, держу себя въ струнѣ, какъ говорится, и всегда одѣта и причесана *comme il faut*. Чтобы я позволила себѣ выйти изъ дому, хотя бы вотъ въ садъ, въ блузѣ или непричесанной? Никогда. Оттого я и сохранилась, что никогда не была фешей, не распускала себя, какъ нѣкоторыя... (*подбоченясь, прохаживается по площадкѣ*). Вотъ вамъ, — какъ цыпочка. Хоть пятнадцатилѣтнюю дѣвочку играть.

Дорнъ. Ну-съ, тѣмъ не менѣе все-таки я продолжаю (*береть книгу*). Мы остановились на лабазникѣ и крысахъ...

Аркадина. И крысахъ. Читайте (*садится*). Впрочемъ, дайте мнѣ, я буду читать. Моя очередь (*береть книгу и ищетъ въ ней глазами*). И крысахъ... Вотъ оно... (*читаетъ*). «И, разумѣется, для свѣтскихъ людей баловать романистовъ и привлекать ихъ къ себѣ такъ же опасно, какъ лабазнику воспитывать крысъ въ своихъ амбарахъ. А между тѣмъ ихъ любятъ. Итакъ, когда женщина избрала писателя, котораго она желаетъ заполнить, она осаждаётъ его посредствомъ комплиментовъ, любезностей и угождений»... Ну, это у французовъ, можетъ-быть, но у насъ ничего подобного, никакихъ программъ. У насъ женщина обыкновенно, прежде, чѣмъ заполнить писателя, сама уже влюблена по уши, сдѣлайте милость. Недалеко ходить, взять хоть меня и Тригорина.

(*Идетъ Соринъ, опираясь на трость, и рядомъ съ нимъ Нина; Медвѣденко катитъ за ними пустое кресло*).

Соринъ (*тономъ, какимъ ласкаютъ дѣтей*). Да? У насъ радость? Мы сегодня веселы, въ концѣ-концовъ? (*сестрѣ*). У насъ радость! Отецъ и мачеха уѣхали въ Тверь, и мы теперь свободны на цѣлыхъ три дня.

Нина (*садится рядомъ съ Аркадиной и обнимаетъ ее*). Я счастлива! Я теперь принадлежу вамъ.

Соринъ (*садится въ свое кресло*). Она сегодня красивенькая.

Аркадина. Нарядная, интересная... За это вы умница (*цѣлуетъ Нину*). Но не нужно очень хвалить, а то сглазимъ. Гдѣ Борисъ Алексѣевичъ?

Нина. Онъ въ купальнѣ рыбу удить.

Аркадина. Какъ ему не надоѣсть! (*хочетъ продолжать читать*).

Нина. Это вы что?

Аркадина. Мопассанъ «На водѣ», милочка (*читаетъ нѣсколько строкъ про себя*). Ну, дальше неинтересно и невѣрно (*закрываетъ книгу*). Непокойна у меня душа. Скажите, что съ моимъ сыномъ? Отчего онъ такъ скученъ и суровъ? Онъ цѣлые дни проводитъ на озерѣ, и я его почти совсѣмъ не вижу.

Маша. У него не хорошо на душѣ (*Нинь, робко*). Прощу васъ, прочтите изъ его пьесы!

Нина (*пожавъ плечами*). Вы хотите? Это такъ интересно!

Маша (*сдерживая восторгъ*). Когда онъ самъ читаетъ что-нибудь, то глаза у него горятъ и лицо становится блѣднымъ. У него прекрасный, печальный голосъ; а манеры, какъ у поэта.

(*Слышно, какъ храпитъ Соринъ*).

Дорнъ. Спокойной ночи!

Аркадина. Петруша!

Соринъ. А?

Аркадина. Ты спишь?

Соринъ. Нисколько.

(*Пауза*).

Аркадина. Ты не лѣчишься, а это не хорошо, братъ.

Соринъ. Я радъ бы лѣчиться, да вотъ докторъ не хочетъ.

Дорнъ. Лѣчиться въ шестьдесятъ лѣтъ!

Соринъ. И въ шестьдесятъ лѣтъ жить хочется.

Дорнъ (*досадливо*). Э! Ну, принимайте валеріаловыя капли.

Аркадина. Мнѣ кажется, ему хорошо бы поѣхать куда-нибудь на воды.

Дорнъ. Что-жъ? Можно поѣхать. Можно и не поѣхать.

Аркадина. Вотъ и пойми.

Дорнъ. И понимать нечего. Все ясно.

(*Пауза*).

Медвѣденко. Петру Николаевичу слѣдовало бы бросить курить.

Соринъ. Пустяки.

Дорнъ. Нѣтъ, не пустяки. Вино и табакъ обезличиваютъ. Послѣ сигары или рюмки водки, вы уже не Петръ Николаевичъ, а Петръ Николаевичъ плюс еще кто-то; у васъ

расплывается ваше я, и вы уже относитесь къ самому себѣ, какъ къ третьему лицу—оно.

Соринъ (*сѣмется*). Вамъ хорошо разсуждать. Вы пожили на своемъ иѣву, а и? Я прослужилъ по судебному вѣдомству 28 лѣтъ, но еще не жилъ, ничего не испыталъ, въ концѣ-концовъ, и, понятная вещь, жить мнѣ очень хочется. Вы сыты и равнодушны, и потому имѣете склонность къ философїи, я же хочу жить и потому пью за обѣдомъ хересъ и курю сигары и все. Вотъ и все.

Дорнъ. Надо относиться къ жизни серьезно, а лѣчиться въ шестьдесятъ лѣтъ, жалѣть, что въ молодости мало наслаждался, это, извините, легкомысліе.

Маша (*встаетъ*). Завтракать пора, должно-быть. (*Идетъ льнивою, вялою походкой*). Ногу отсидѣла... (*уходитъ*).

Дорнъ. Пойдетъ и передъ завтракомъ двѣ рюмочки пропустить.

Соринъ. Личнаго счастья иѣтъ у бѣдняжки.

Дорнъ. Пустое, ваше превосходительство.

Соринъ. Вы разсуждаете, какъ сытый человѣкъ.

Аркадина. Ахъ, что можетъ быть скучиѣ этой воть милой деревенской скуки! Жарко, тихо, никто ничего не дѣлаетъ, всѣ философствуютъ... Хорошо съ вами, друзья, прїятно васъ слушать, но... сидѣть у себя въ номерѣ и учить роль—куда лучше!

Нина (*восторженно*). Хорошо! Я понимаю васъ.

Соринъ Конечно, въ городѣ лучше. Сидишь въ своемъ кабинетѣ, лакей никого не впускаетъ безъ доклада, телефопъ... на улицѣ извозчики и все...

Дорнъ (*натѣваетъ*). «Разскажите вы ей, цвѣты мои»...

(*Входитъ Шамраевъ, за нимъ Полина Андреевна*).

Шамраевъ. Вотъ и наши. Добрый день! (*цѣлуетъ руку у Аркадиной, потомъ у Нины*). Весьма радъ видѣть васъ въ добромъ здоровьѣ (*Аркадиной*). Жена говоритъ, что вы собираетесь сегодня ѣхать съ нею вмѣстѣ въ городъ. Это правда?

Аркадина. Да, мы собираемся.

Шамраевъ. Гм... Это великолѣпно, но на чемъ же вы поѣдете, многоуважаемая? Сегодня у насъ возятъ рожь, всѣ работники заняты. А на какихъ лошадяхъ, позвольте васъ спросить?

Аркадина. На какихъ? Почемъ я знаю—на казыхъ!

Соринъ. У насъ же выѣздныя есть.

Шамраевъ (*волнуясь*). Выѣздныя? А гдѣ я возьму хомуты? Гдѣ я возьму хомуты? Это удивительно! Это непостижимо! Высокоуважаемая! Извините, я благоговѣю передъ вашимъ талантомъ, готовъ отдать за васъ десять лѣтъ жизни, но лошадей я вамъ не могу дать!

Аркадина. Но если я должна ѣхать? Странное дѣло!

Шамраевъ. Многоуважаемая! Вы не знаете, что значить хозяйство!

Аркадина (*вспыливъ*). Это старая исторія! Въ такомъ случаѣ я сегодня же уѣзжаю въ Москву. Прикажите нанять для меня лошадей въ деревнѣ, а то я уйду на станцію пѣшкомъ!

Шамраевъ (*вспыливъ*). Въ такомъ случаѣ я отказываюсь отъ мѣста! Ищите себѣ другого управляющаго! (*уходитъ*).

Аркадина. Каждое лѣто такъ, каждое лѣто меня здѣсь оскорбляютъ! Нога моя здѣсь больше не будетъ! (*уходитъ влѣво, идъ предполагается купальня; черезъ минуту видно, какъ она проходитъ въ домъ; за нею идетъ Тригоринъ съ дочками и съ ведромъ*).

Соринъ (*вспыливъ*). Это нахальство! Это чортъ знаетъ, что такое! Мнѣ это надоѣло, въ концѣ-концовъ. Сейчасъ же подать сюда всѣхъ лошадей!

Нина (*Полишь Андреевнѣ*). Отказать Иринѣ Николаевнѣ, знаменитой артисткѣ! Развѣ всякое желаніе ея, даже капризъ, не важнѣе всякаго хозяйства? Просто невѣроятно!

Полина Андреевна (*въ отчаяніи*). Что я могу? Войдите въ мое положеніе: что я могу?

Соринъ (*Нитъ*). Пойдемте къ сестрѣ... Мы всѣ будемъ умолять ее, чтобы она не уѣзжала. Не правда ли? (*глядя по направленію, куда ушелъ Шамраевъ*). Невыносимый человѣкъ! Деспотъ!

Нина (*мѣшая ему встать*). Сидите, сидите... Мы васъ доведемъ... (*Она и Медвѣденко катятъ кресло*). О, какъ это ужасно!..

Соринъ. Да, да, это ужасно... Но онъ не уйдетъ, я сейчасъ поговорю съ нимъ (*уходятъ; остаются только Дорнъ и Полина Андреевна*).

Дорнъ. Люди скучны. Въ сущности слѣдовало бы вашего мужа отсюда просто въ шею, а вѣдь все кончится тѣмъ,

что эта старая баба, Петръ Николаевичъ, и его сестра попросятъ у него извиненія. Вотъ увидите!

Полина Андреевна. Онъ и выѣздныхъ лошадей послалъ въ поле. И каждый день такія недоразумѣнія. Если бы вы знали, какъ это волнуетъ меня! Я заболѣваю; видите, я дрожу... Я не выношу его грубости (*умоляюще*). Евгенийъ, дорогой, ненаглядный, возьмите меня къ себѣ... Время наше уходитъ, мы уже не молоды, и хоть бы въ концѣ жизни намъ не прятаться, не лгать... (*пауза*).

Дорнъ. Мнѣ 55 лѣтъ, уже поздно мѣнять свою жизнь.

Полина Андреевна. Я знаю, вы отказываете мнѣ, потому что, кромѣ меня, есть женщины, которыя вамъ близки. Взять всѣхъ къ себѣ невозможно. Я понимаю. Простите, я надоѣла вамъ.

(*Нина показывается около дома; она рветъ цветы*).

Дорнъ. Нѣтъ, ничего.

Полина Андреевна. Я страдаю отъ ревности. Конечно, вы докторъ, вамъ нельзя избѣгать женщинъ. Я понимаю...

Дорнъ (*Ниня, которая подходитъ*). Какъ тамъ?

Нина. Ирина Николаевна плачетъ, а у Петра Николаевича астма.

Дорнъ (*встаетъ*). Пойти, дать обоимъ валеріановыхъ капель...

Нина (*подаетъ ему цветы*). Извольте!

Дорнъ. Merci bien (*идетъ къ дому*).

Полина Андреевна (*идя съ нимъ*). Какіе миленькіе цвѣты! (*около дома, глухимъ голосомъ*). Дайте мнѣ эти цвѣты! Дайте мнѣ эти цвѣты! (*получивъ цветы, рветъ ихъ и бросаетъ въ сторону; оба идутъ въ домъ*).

Нина (*одна*). Какъ странно видѣть, что извѣстная артистка плачетъ, да еще по такому пустому поводу! И не странно ли, знаменитый писатель, любимецъ публики, о немъ пишутъ во всѣхъ газетахъ, портреты его продаются, его переводятъ на иностранные языки, а онъ цѣлый день ловитъ рыбу и радуется, что поймалъ двухъ головлей. Я думала, что извѣстные люди горды, неприступны, что они презираютъ толпу, и своею славой, блескомъ своего имени какъ бы мстятъ ей за то, что она выше всего ставитъ знатность происхожденія и богатство. Но они вотъ плачутъ, удятъ рыбу, играютъ въ карты, смѣются и сердятся, какъ всѣ.

Треплевъ *(входитъ безъ шляпы, съ ружьемъ и съ убитою чайкой)*. Вы однѣ здѣсь?

Нина. Одна.

(Треплевъ кладетъ у ея ногъ чайку).

Нина. Что это значитъ?

Треплевъ. Я имѣлъ подлость убить сегодня эту чайку. Кладу у вашихъ ногъ.

Нина. Что съ вами? *(поднимаетъ чайку и глядитъ на нее)*.

Треплевъ *(послѣ паузы)*. Скоро такимъ же образомъ я убью самого себя.

Нина. Я васъ не узнаю.

Треплевъ. Да, послѣ того, какъ я пересталъ узнавать васъ. Вы измѣнились ко мнѣ, вашъ взглядъ холодеиъ, мое присутствіе стѣсняетъ васъ.

Нина. Въ послѣднее время вы стали раздражительны, выражаетесь все непонятно, какими-то символами. И вотъ эта чайка тоже, повидимому, символъ, но, простите, я не понимаю... *(кладетъ чайку на скамью)*. Я слишкомъ проста, чтобы понимать васъ.

Треплевъ. Это началось съ того вечера, когда такъ глупо провалилась моя пьеса. Женщины не прощаютъ неуспѣха. Я все сжегъ, все до послѣдняго клочка. Если бы вы знали, какъ я несчастливъ! Ваше охлажденіе страшно, невѣроятно, точно я проснулся и вижу вотъ, будто это озеро вдругъ высохло, или утекло въ землю. Вы только-что сказали, что вы слишкомъ просты, чтобы понимать меня. О, что тутъ понимать?! Пьеса не понравилась, вы презираете мое вдохновеніе, уже считаете меня зауряднымъ, ничтожнымъ, какихъ много... *(топнувъ ногой)*. Какъ это я хорошо понимаю, какъ понимаю! У меня въ мозгу точно гвоздь, будь онъ проклятъ вмѣстѣ съ моимъ слабоуміемъ, которое сосетъ мою кровь, сосетъ, какъ змѣя... *(увидѣвъ Тригорина, который идетъ, читая книжку)*. Вотъ идетъ истинный талантъ; ступаетъ, какъ Гамлетъ, и тоже съ книжкой *(дразнитъ)*. «Слова, слова, слова»... Это солнце еще не подошло къ вамъ, а вы уже улыбаетесь, взглядъ вашъ растаялъ въ его лучахъ. Не стану мѣшать вамъ *(уходитъ быстро)*.

Тригоринъ *(записывая въ книжку)*. нюхаетъ табакъ и пьетъ водку... Всегда въ черномъ. Ее любить учитель...

Нина. Здравствуйте, Борисъ Алексѣевичъ!

Тригоринъ. Здравствуйте. Обстоятельства неожиданно сложились такъ, что, кажется, мы сегодня уѣзжаемъ. Мы съ вами едва ли еще увидимся когда-нибудь. А жаль. Мнѣ приходится не часто встрѣчать молодыхъ дѣвушекъ, молодыхъ и интересныхъ, я уже забылъ и не могу себѣ ясно представить, какъ чувствуютъ себя въ 18—19 лѣтъ, и потому у меня въ повѣстяхъ и разказахъ молодья дѣвушки обыкновенно фальшивы. Я бы вотъ хотѣлъ хоть одинъ часъ побывать на вашемъ мѣстѣ, чтобы узнать, какъ вы думаете, и вообще, что вы за штука.

Нина. А я хотѣла бы побывать на вашемъ мѣстѣ.

Тригоринъ. Зачѣмъ?

Нина. Чтобы узнать, какъ чувствуетъ себя извѣстный талантливый писатель. Какъ чувствуется извѣстность? Какъ вы ощущаете то, что вы извѣстны?

Тригоринъ. Какъ? Должно-быть, никакъ. Объ этомъ я никогда не думалъ (*подумавъ*). Что-нибудь изъ двухъ: или вы преувеличиваете мою извѣстность, или же вообще она никакъ не ощущается.

Нина. А если читаете про себя въ газетахъ?

Тригоринъ. Когда хвалятъ, приятно, а когда бранятъ, то потомъ два дня чувствуешь себя не въ духѣ.

Нина. Чудный мѣръ! Какъ я завидую вамъ, если бы вы знали! Жребій людей различенъ. Одни едва влачатъ свое скучное, незамѣтное существованіе, всѣ похожіе другъ на друга, всѣ несчастные; другимъ же, какъ, напримѣръ, вамъ,—вы одинъ изъ милліона,—выпала на долю жизнь интересная, свѣтлая, полная значенія... Вы счастливы...

Тригоринъ. Я? (*пожимая плечами*). Гм... Вы вотъ говорите объ извѣстности, о счастьѣ, о какой-то свѣтлой, интересной жизни, а для меня всѣ эти хорошія слова, простите, все равно, что мармеладъ, котораго я никогда не ѣмъ. Вы очень молоды и очень добры.

Нина. Ваша жизнь прекрасна!

Тригоринъ. Что же въ ней особенно хорошаго? (*смотритъ на часы*). Я долженъ сейчасъ идти и писать. Извините, мнѣ некогда... (*смѣется*). Вы, какъ говорится, наступили на мою самую любимую мозоль, и вотъ я начинаю волноваться и немного сердиться. Впрочемъ, давайте говорить. Будемъ говорить о моей прекрасной, свѣтлой жизни... Ну-съ, съ чего начнемъ? (*подумавъ немного*). Бываютъ насиль-

ственные представлѣнія, когда человѣкъ день и ночь думаетъ, напримѣръ, все о лунѣ, и у меня есть своя такая луна. День и ночь одолеваетъ меня одна неотвязчивая мысль: я долженъ писать, я долженъ писать, я долженъ... Едва кончилъ повѣсть, какъ уже почему-то долженъ писать другую, потомъ третью, послѣ третьей четвертую... Пишу непрерывно, какъ на перекладныхъ, и иначе не могу. Что же тутъ прекраснаго и свѣтлаго, я васъ спрашиваю? О, что за дикая жизнь! Вотъ я съ вами, я волнуясь, а между тѣмъ каждое мгновеніе помню, что меня ждетъ неоконченная повѣсть. Вижу вотъ облако, похожее на рояль. Думаю: надо будетъ упомянуть гдѣ-нибудь въ рассказѣ, что плыло облако, похожее на рояль. Пахнетъ гелиотропомъ. Скорѣе мотаю на-усъ: приторный запахъ, вдовій цвѣтъ, упомянуть при описаніи лѣтняго вечера. Ловлю себя и васъ на каждой фразѣ, на каждомъ словѣ и слышу скорѣе запереть всѣ эти фразы и слова въ свою литературную кладовую: авось, пригодится! Когда кончаю работу, бѣгу въ театръ или удить рыбу; тутъ бы и отдохнуть, забыться, анъ — нѣтъ, въ головѣ уже ворочается тяжелое чугунное ядро — новый сюжетъ, и уже тянетъ къ столу, и надо слышнить опять писать и писать. И такъ всегда, всегда, и нѣтъ мнѣ покоя отъ самого себя, и я чувствую, что съѣдаю собственную жизнь, что для меда, который я отдаю кому-то въ пространство, я обираю пыль съ лучшихъ своихъ цвѣтовъ, рву самые цвѣты и топчу ихъ корни. Развѣ я не сумасшедшій? Развѣ мои близкіе и знакомые держатъ себя со мною, какъ со здоровымъ? «Что пописываете? Чѣмъ насъ подарите?» Одно и то же, одно и то же, и мнѣ кажется, что это вниманіе знакомыхъ, похвалы, восхищеніе, — все это обманъ, меня обманываютъ, какъ больного, и я иногда боюсь, что, вотъ-вотъ, подкрадутся ко мнѣ сзади, схватятъ и повезутъ, какъ Поприщина, въ сумасшедшій домъ. А въ тѣ годы, въ молодые, лучшіе годы, когда я начиналъ, мое писательство было однимъ сплошнымъ мученіемъ. Маленькій писатель, особенно когда ему не везетъ, кажется себѣ неуклюжимъ, неловкимъ, лишнимъ, нервы у него напряжены, издерганы; неудержимо бродитъ онъ около людей, причастныхъ къ литературѣ и къ искусству, непризнанный, никѣмъ не замѣчаемый, боясь прямо и смѣло глядѣть въ глаза, точно страстный игрокъ, у котораго нѣтъ денегъ.

Я не видѣлъ своего читателя, но почему-то въ моемъ воображеніи онъ представлялся мнѣ недружелюбнымъ, недовѣрчивымъ. Я боялся публики, она была страшна мнѣ. и когда мнѣ приходилось ставить свою новую пьесу, то мнѣ казалось всякій разъ, что брюнеты враждебно настроены, а блондины холодно равнодушны. О, какъ это ужасно! Какое это было мученіе!

Нина. Позвольте, но развѣ вдохновеніе и самый процессъ творчества не даютъ вамъ высокихъ, счастливыхъ минутъ?

Тригоринъ. Да. Когда пишу, пріятно. И корректуру читать пріятно, но... едва вышло изъ печати, какъ я не выношу, и вижу уже, что оно не то, ошибка, что его не слѣдовало бы писать вовсе, и мнѣ досадно, на душѣ дрянно... (*смѣясь*). А публика читаетъ: «Да, мило, талантливо... Мило, но далеко до Толстого», или: «Прекрасная вещь, но «Отцы и дѣти» Тургенева лучше». И такъ до гробовой доски все будетъ только мило и талантливо, мило и талантливо — больше ничего, а какъ умру, знакомые, проходя мимо могилы, будутъ говорить: «Здѣсь лежитъ Тригоринъ. Хорошій былъ писатель, но онъ писалъ хуже Тургенева».

Нина. Простите, я отказываюсь понимать васъ. Вы просто избалованы успѣхомъ.

Тригоринъ. Какимъ успѣхомъ? Я никогда не нравился себѣ. Я не люблю себя, какъ писателя. Хуже всего, что я въ какомъ-то чаду и часто не понимаю, что я пишу... Я люблю вотъ эту воду, деревья, небо, я чувствую природу, она возбуждаетъ во мнѣ страсть, непреодолимое желаніе писать. Но вѣдь я не пейзажистъ только, я вѣдь еще гражданинъ, я люблю родину, народъ, я чувствую, что если я писатель, то я обязанъ говорить о народѣ, объ его страданіяхъ, объ его будущемъ, говорить о наукѣ, о правахъ человѣка и проч. и проч., и я говорю обо всемъ, торплюсь, меня со всѣхъ сторонъ подгоняютъ, сердятся, я мечусь изъ стороны въ сторону, какъ лисица, затравленная псами, вижу, что жизнь и наука все уходятъ впередъ и впередъ, а я все отстаю и отстаю, какъ мужикъ, опоздавшій на поѣздъ, и, въ концѣ-концовъ чувствую, что я умѣю писать только пейзажъ, а во всемъ остальномъ я фальшивъ и фальшивъ до мозга костей.

Нина. Вы заработались и у васъ нѣтъ времени и охоты сознать свое значеніе. Пусть вы недовольны собою, но для другихъ вы велики и прекрасны! Если бы я была такимъ писателемъ, какъ вы, то я отдала бы толпѣ всю свою жизнь, но сознавала бы, что счастье ея только въ томъ, чтобы возвышаться до меня, и она возила бы меня на колесницѣ.

Тригоринъ. Ну, на колесницѣ... Агамемнонъ я, что ли? *(оба улынулись).*

Нина. За такое счастье, какъ быть писательницей или артисткой, я перенесла бы нелюбовь близкихъ, нужду, разочарованіе, я жила бы подъ крышей и ѣла бы только ржаной хлѣбъ, страдала бы отъ недовольства собою, отъ познанія своихъ несовершенствъ, но за то бы ужъ я потребовала славы... настоящей, шумной славы... *(закрываетъ лицо руками).* Голова кружится... Уфъ!..

Голось Аркадиной *(изъ дому).* Борисъ Алексѣевичъ!

Тригоринъ. Меня зовутъ... Должно-быть, укладываться. А не хочется уѣзжать *(оглядывается на озеро).* Ишь вѣдь, какая благодать!.. Хорошо!

Нина. Видите на томъ берегу домъ и садъ?

Тригоринъ. Да.

Нина. Это усадьба моей покойной матери. Я тамъ родилась. Я всю жизнь провела около этого озера и знаю на немъ каждый островокъ.

Тригоринъ. Хорошо у васъ тутъ! *(увидѣвъ чайку).* А это что?

Нина. Чайка. Константинъ Гаврилычъ убилъ.

Тригоринъ. Красивая птица. Право, не хочется уѣзжать. Вотъ уговорите-ка Ирину Николаевну, чтобы она осталась *(записываетъ въ книжку).*

Нина. Что это вы пишете?

Тригоринъ. Такъ, записываю... Сюжетъ мелькнулъ... *(прячетъ книжку).* Сюжетъ для небольшого рассказа: на берегу озера съ дѣтства живетъ молодая дѣвушка, такая, какъ вы; любить озеро, какъ чайка, и счастлива, и свободна, какъ чайка. Но случайно пришелъ человѣкъ, увидѣлъ и отъ нечего дѣлать погубилъ ее, какъ вотъ эту чайку.

(Пауза).

(Въ окнѣ показывается Аркадина).

Аркадина. Борисъ Алексѣевичъ, гдѣ вы?

Тригоринъ. Сейчасъ! (*идетъ и оглядывается на Нину; у окна, Аркадиной*). Что?

Аркадина. Мы остаемся.

(*Тригоринъ уходитъ въ домъ*).

Нина (*подходитъ къ рампѣ; послѣ нѣкотораго раздумья*).
Сонъ!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Столовая въ домѣ Сорина. Направо и лѣво двери. Буфетъ. Шкапъ съ лѣкарствами. Посреди комнаты столъ. Чемоданъ и картонки; заготовки приготовленія къ отъѣзду. Тригоринъ завтракаетъ, Маша стоитъ у стола.

Маша. Все это я рассказываю вамъ, какъ писателю. Можете воспользоваться. Я вамъ по совѣсти: если бы онъ ранилъ себя серьезно, то я не стала бы жить ни одной минуты. А все же я храбрая. Вотъ взяла и рѣшила: вырву эту любовь изъ своего сердца, съ корнемъ вырву.

Тригоринъ. Какимъ же образомъ?

Маша. Замужъ выхожу. За Медвѣденка.

Тригоринъ. Это за учителя?

Маша. Да.

Тригоринъ. Не понимаю, какая надобность.

Маша. Любить безнадежно, цѣлые годы все ждать чего-то... А какъ выйду замужъ, будетъ уже не до любви, новыя заботы заглушаютъ все старое. И все-таки, знаете ли, перемѣна. Не повторить ли намъ?

Тригоринъ. А не много ли будетъ?

Маша. Ну, вотъ! (*наливаетъ по рюмкѣ*). Вы не смотрите на меня такъ. Женщины пьютъ чаще, чѣмъ вы думаете. Меньшинство пьетъ открыто, какъ я, а большинство тайно. Да. И все водку или коньякъ (*чокается*). Желаю вамъ! Вы человекъ простой, жалко съ вами расставаться (*пьютъ*).

Тригоринъ. Мнѣ самому не хочется уѣзжать.

Маша. А вы попросите, чтобы она осталась.

Тригоринъ. Нѣтъ, теперь не останется. Сынъ ведетъ себя крайне безтактно. То стрѣлялся, а теперь, говорятъ, собирается меня на дуэль вызвать. А чего ради? Дуется, фыр-

каеть, проповѣдуетъ новыя формы... Но вѣдь всѣмъ хватить мѣста, и новымъ и старымъ,—зачѣмъ толкаться?

Маша. Ну, и ревность. Впрочемъ, это не мое дѣло.

(Пауза. Яковъ проходитъ слева направо съ чемоданомъ; входитъ Нина и останавливается у окна).

Маша. Мой учитель не очень-то уменъ, но добрый человекъ и бѣднякъ, и меня сильно любитъ. Его жалко. И его мать старушку жалко. Ну-съ, позвольте пожелать вамъ всего хорошаго. Не поминайте лихомъ (*крѣпко пожимаетъ руку*). Очень вамъ благодарна за ваше доброе расположеніе. Пришлите же мнѣ ваши книжки, непременно съ автографомъ. Только не пишите «многоуважаемой», а просто такъ: «Марьѣ, родства не помнящей, неизвѣстно для чего живущей на этомъ свѣтѣ». Прощайте! (*уходитъ*).

Нина (*протливая съ сторону Тригорина руку, сжатую въ кулакъ*). Четъ или нечетъ?

Тригоринъ. Четъ.

Нина (*вздохнувъ*). Нѣтъ. У меня въ рукѣ только одна горошина. Я загадала: идти мнѣ въ актрисы или нѣтъ? Хотъ бы посовѣтовалъ кто.

Тригоринъ. Тутъ совѣтовать нельзя (*пауза*).

Нина. Мы расстаемся и... пожалуй, болѣе уже не увидимся. Я прошу васъ принять отъ меня на память вотъ этотъ маленькій медальонъ. Я приказала вырѣзать ваши инициалы... а съ этой стороны названіе вашей книжки: «Дни и ночи».

Тригоринъ. Какъ граціозно! (*цѣлуетъ медальонъ*). Прелестный подарокъ!

Нина. Иногда вспоминайте обо мнѣ.

Тригоринъ. Я буду вспоминать. Я буду вспоминать васъ, какою вы были въ тотъ ясный день — помните? — недѣлю назадъ, когда вы были въ свѣтломъ платьѣ... мы разговаривали... еще тогда на скамьѣ лежала бѣлая чайка.

Нина (*задумчиво*). Да, чайка... (*пауза*). Больше намъ говорить нельзя, сюда идутъ... Передъ отъѣздомъ дайте мнѣ двѣ минуты, умоляю васъ... (*уходитъ влево; одновременно выходятъ справа Аркадина, Соринъ со фракъ со звѣздой, потомъ Яковъ, озабоченный укладкой*).

Аркадина. Оставайся-ка, старикъ, дома. Тебѣ ли съ твоимъ ревматизмомъ разѣѣзжать по гостямъ? (*Тригорину*). Это кто сейчасъ вышелъ? Нина?

Тригоринъ. Да.

Аркадина. Gardon, мы помѣшали... (*садится*). Кажется, все уложила. Замучилась.

Тригоринъ (*читаетъ на медальонѣ*). «Дни и ночи», страница 121, строки 11 и 12.

Яковъ (*убирая со стола*). Удочки тоже прикажете уложить?

Тригоринъ. Да, онѣ мнѣ еще понадобятся. А книги отдай кому-нибудь.

Яковъ. Слушаю.

Тригоринъ (*про себя*). Страница 121, строки 11 и 12. Чтò же въ этихъ строкахъ? (*Аркадиной*). Тутъ въ домѣ есть мои книжки?

Аркадина. У брата въ кабинетѣ, въ угловомъ шкапу.

Тригоринъ. Страница 121... (*уходитъ*).

Аркадина. Право, Петруша, остался бы дома...

Соринъ. Вы уѣзжаете, безъ васъ мнѣ будетъ тяжело дома.

Аркадина. А въ городѣ чтò же?

Соринъ. Особеннаго ничего, но все же (*смѣется*). Будетъ закладка земскаго дома и все такое... Хочется хоть на часъ-другой воспрянуть отъ этой пискариной жизни, а то очень ужъ я залежался, точно старый мундштукъ. Я приказалъ подавать лошадей къ часу, въ одно время и выѣдемъ.

Аркадина (*послѣ паузы*). Ну, живи тутъ, не скучай, не простуживайся. Наблюдай за сыномъ. Береги его. Наставляй. (*пауза*). Вотъ уѣду, такъ и не буду знать, отчего стрѣлялся Константинъ. Мнѣ кажется, главной причиной была ревность, и чѣмъ скорѣе я увезу отсюда Тригорина, тѣмъ лучше.

Соринъ. Какъ тебѣ сказать? Были и другія причины. Понятная вещь, человекъ молодой, умный, живетъ въ деревнѣ, въ глуши, безъ денегъ, безъ положенія, безъ будущаго. Никакихъ занятій. Стыдится и боится своей праздности. Я его чрезвычайно люблю, и онъ ко мнѣ привязанъ, но все же, въ концѣ-концовъ, ему кажется, что онъ лишній въ домѣ, что онъ тутъ нахлѣбникъ, приживаль. Понятная вещь, самолюбіе...

Аркадина. Горе мнѣ съ нимъ! (*въ раздумьѣ*). Поступить бы ему на службу, что ли...

Соринъ (*насмѣивается, потомъ перъшительно*). Мнѣ

кажется, было бы самое лучшее, если бы ты... дала ему немного денегъ. Прежде всего ему нужно одѣться по-человѣчески и все. Посмотри, одинъ и тотъ же сюртучишко онъ таскаетъ три года, ходить безъ пальто... *(смѣется)*. Да и погулять малому не мѣшало бы... Поѣхать за границу, что ли... Это вѣдь не дорого стѣитъ.

Аркадина. Все-таки... Пожалуй, на костюмъ я еще могу, но чтобъ за границу... Нѣтъ, въ настоящее время и на костюмъ не могу *(рѣшительно)*. Нѣтъ у меня денегъ!
(Соринъ смѣется).

Аркадина. Нѣтъ!

Соринъ *(насмѣивается)*. Такъ-съ. Прости, милая, не сердись. Я тебѣ вѣрю... Ты великодушная, благородная женщина.

Аркадина *(сквозь слезы)*. Нѣтъ у меня денегъ!

Соринъ. Будь у меня деньги, понятная вещь, я бы самъ далъ ему, но у меня ничего нѣтъ, ни пяточка *(смѣется)*. Всю мою пенсію у меня забираетъ управляющій и тратитъ на земледѣліе, скотоводство, пчеловодство, и деньги мои пропадаютъ даромъ. Пчелыдохнуть, коровыдохнуть, лошадей мнѣ никогда не даютъ...

Аркадина. Да, у меня есть деньги, но вѣдь я артистка; одни туалеты разорили совѣмъ.

Соринъ. Ты добрая, милая... Я тебя уважаю... Да... Но опять со мною что-то того... *(пошатывается)*. Голова кружится *(держится за столъ)*. Мнѣ дурно и все.

Аркадина *(испуганно)*. Петруша! *(стараясь поддержать его)*. Петруша, дорогой мой... *(кричитъ)*. Помогите мнѣ! Помогите!..

(Входятъ Треплевъ съ повязкой на голову, Медвѣденко).

Аркадина. Ему дурно!

Соринъ. Ничего, ничего... *(улыбается и пьетъ воду)*. Уже прошло... и все...

Треплевъ *(матери)*. Не пугайся, мама, это не опасно. Съ дядей теперь это часто бываетъ *(дядя)*. Тебѣ, дядя, надо полежать.

Соринъ. Немножко, да... А все-таки въ городъ я поѣду... Полежу и поѣду... понятная вещь... *(идетъ, отираясь на трость)*.

Медвѣденко *(ведетъ его подъ руку)*. Есть загадка: утромъ на четырехъ, въ полдень на двухъ, вечеромъ на трехъ...

Соринъ (*смѣется*). Именно. А ночью на спинѣ. Благодарю васъ, я самъ могу идти...

Медвѣденко. Ну, вотъ, церемоніи!.. (*онъ и Соринъ уходятъ*).

Аркадина. Какъ онъ меня напугалъ!

Треплевъ. Ему нездорово жить въ деревнѣ. Тоскуетъ. Вотъ если бы ты, мама, вдругъ расщедрилась и дала ему взаймы тысячи полторы-двѣ, то онъ могъ бы прожить въ городѣ цѣлый годъ.

Аркадина. У меня нѣтъ денегъ. Я актриса, а не банкирша.

(*Пауза*).

Треплевъ. Мама, перемѣни мнѣ повязку. Ты это хорошо дѣлаешь.

Аркадина (*достаетъ изъ аптечнаго шкапа йодоформъ и щипокъ съ перевязочнымъ матеріаломъ*). А докторъ опоздалъ.

Треплевъ. Обѣщалъ быть къ десяти, а уже полдень.

Аркадина. Садись (*снимаетъ у него съ головы повязку*). Ты какъ въ чалмѣ. Вчера одинъ пріѣзжій спрашивалъ на кухнѣ, какой ты національности. А у тебя почти совсѣмъ зажило. Остались самые пустяки (*цѣлуетъ его въ голову*). А ты безъ меня опять не сдѣлаешь чикъ-чикъ?

Треплевъ. Нѣтъ, мама. То была минута безумнаго отчаянія, когда я не могъ владѣть собою. Больше это не повторится (*цѣлуетъ ей руку*). У тебя золотыя руки. Помню, очень давно, когда ты еще служила на казенной сценѣ,— я тогда былъ маленькимъ,— у насъ во дворѣ была драка, сильно побили жилицу-прачку. Помнишь? Ее подняли безъ чувствъ... ты все ходила къ ней, носила лѣкарства, мыла въ корытѣ ея дѣтей. Неужели не помнишь?

Аркадина. Нѣтъ (*накладываетъ новую повязку*).

Треплевъ. Двѣ балерины жили тогда въ томъ же домѣ, гдѣ мы... Ходили къ тебѣ кофе пить...

Аркадина. Это помню.

Треплевъ. Богомольныя онѣ такія были (*пауза*). Въ послѣднее время, вотъ въ эти дни, я люблю тебя такъ же нѣжно и беззавѣтно, какъ въ дѣтствѣ. Кромѣ тебя, теперь у меня никого не осталось. Только зачѣмъ, зачѣмъ ты поддаешься вліянію этого человѣка?

Аркадина. Ты не понимаешь его, Константинъ. Это благороднѣйшая личность...

Треплевъ. Однако, когда ему доложили, что я собираюсь вызвать его на дуэль, благородство не помѣшало ему сыграть труса. Уѣзжаетъ. Позорное бѣгство!

Аркадина. Какой вздоръ! Я сама прошу его уѣхать отсюда.

Треплевъ. Благороднѣйшая личность! Вотъ мы съ тобою почти ссоримся изъ-за него, а онъ теперь гдѣ-нибудь въ гостиной или въ саду смѣется надъ нами... развиваетъ Нину, старается окончательно убѣдить ее, что онъ гений.

Аркадина. Для тебя наслажденіе говорить мнѣ неприємности. Я уважаю этого человѣка и прошу при мнѣ не выражаться о немъ дурно.

Треплевъ. А я не уважаю. Ты хочешь, чтобы я тоже считалъ его гениемъ, но, прости, я лгать не умѣю, отъ его произведеній мнѣ претитъ.

Аркадина. Это зависть. Людямъ не талантливымъ, но съ претензіями, ничего больше не остается, какъ порицать настоящіе таланты. Нечего сказать, утѣшеніе!

Треплевъ (*иронически*). Настоящіе таланты! (*иньно*). Я талантливѣе васъ всѣхъ, коли на то пошло! (*срываетъ съ головы повязку*). Вы, рутинеры, захватили первенство въ искусствѣ и считаете законнымъ и настоящимъ лишь то, что дѣлаете вы сами, а остальное вы гнетете и душите! Не признаю я васъ! Не признаю ни тебя, ни его!

Аркадина. Декаденты!..

Треплевъ. Отправляйся въ свой милый театръ и играй тамъ въ жалкихъ, бездарныхъ пьесахъ!

Аркадина. Никогда я не играла въ такихъ пьесахъ. Оставь меня! Ты и жалкаго водевиля написать не въ состояніи. Кіевскій мѣщанинъ! Приживаль!

Треплевъ. Скрыга!

Аркадина. Оборвышь!

(*Треплевъ садится и тихо плачетъ*).

Аркадина. Ничтожество! (*пройдясь въ волнении*). Не плачь. Не нужно плакать... (*плачетъ*). Не надо... (*цѣлуетъ его въ лобъ, въ щеки, въ голову*). Милое мое дитя, прости... Прости свою грѣшную мать. Прости меня несчастную.

Треплевъ (*обнимаетъ ее*). Если бы ты знала! Я все потерялъ. Она меня не любитъ, я уже не могу писать... пропали всѣ надежды...

Аркадина. Не отчаивайся... Все обойдется. Онъ сейчасъ

уѣдетъ, она опять тебя полюбитъ (*утираетъ ему слезы*).
Будетъ. Мы уже помирились.

Треплевъ (*цѣлуетъ ей руки*). Да, мама.

Аркадина (*нѣжно*). Помиришь и съ нимъ. Не надо дуэли...
Вѣдь не надо?

Треплевъ. Хорошо... Только, мама, позволь мнѣ не встрѣчаться съ нимъ. Мнѣ это тяжело... выше силъ... (*входитъ Тригоринъ*). Вотъ... Я выйду... (*быстро убираетъ въ шкапъ лѣкарства*). А повязку уже докторъ сдѣлаетъ...

Тригоринъ (*ищетъ въ книжкѣ*). Страница 121... строки 11 и 12... Вотъ... (*читаетъ*). «Если тебѣ когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приходи и возьми ее».

(*Треплевъ подбираетъ съ полу повязку и уходитъ*).

Аркадина (*поглядываетъ на часы*). Скоро лошадей подадутъ.

Тригоринъ (*про себя*). Если тебѣ когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приходи и возьми ее.

Аркадина. У тебя, надѣюсь, все уже уложено?

Тригоринъ (*нетерпеливо*). Да, да... (*въ раздумьѣ*). Отчего въ этомъ призывѣ чистой души послышалась мнѣ печаль и мое сердце такъ болѣзненно сжалось?.. Если тебѣ когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приходи и возьми ее (*Аркадиной*). Останемся еще на одинъ день!

(*Аркадина отрицательно качаетъ головой*).

Тригоринъ. Останемся!

Аркадина. Милый, я знаю, что удерживаетъ тебя здѣсь. Но имѣй надъ собою власть. Ты немного опьянѣлъ, отрезвись.

Тригоринъ. Будь ты тоже трезва, будь умна, разсудительна, умоляю тебя, взгляни на все это, какъ истинный другъ... (*ожметъ ей руку*). Ты способна на жертвы... Будь моимъ другомъ,пусти меня...

Аркадина (*въ сильномъ волненіи*). Ты такъ увлеченъ?

Тригоринъ. Меня манитъ къ ней! Быть-можетъ, это именно то, что мнѣ нужно.

Аркадина. Любовь провинціальной дѣвочки? О, какъ ты мало себя знаешь!

Тригоринъ. Иногда люди спятъ на ходу, такъ вотъ я говорю съ тобою, а самъ будто сплю и вижу ее во снѣ... Мною овладѣли сладкія, дивныя мечты...пусти...

Аркадина (*дрожа*). Нѣтъ, нѣтъ... Я обыкновенная жен-

щина, со смою нельзя говорить такъ... Не мучай меня, Борисъ... Мнѣ страшно...

Тригоринъ. Если захочешь, ты можешь быть необыкновенною. Любовь юная, прелестная, поэтическая, уносящая въ міръ грезъ, — на землѣ только она одна можетъ дать счастье! Такой любви я не испыталъ еще... Въ молодости было некогда, я обивалъ пороги редакцій, боролся съ нуждой... Теперь вотъ она, эта любовь, пришла, наконецъ, манить... Какой же смыслъ бѣжать отъ нея?

Аркадина (*съ швомъ*). Ты сошелъ съ ума!

Тригоринъ. И пускай.

Аркадина. Вы всѣ сговорились сегодня мучить меня! (*плачетъ*).

Тригоринъ (*береть себя за голову*). Не понимаетъ! Не хочетъ понять!

Аркадина. Неужели я уже такъ стара и безобразна, что со мною можно, не стѣсняясь, говорить о другихъ женщинахъ? (*обнимаетъ его и цѣлуетъ*). О, ты обезумѣлъ! Мой прекрасный, дивный... Ты, послѣдняя страница моей жизни! (*становится на колѣни*). Моя радость, моя гордость, мое блаженство... (*обнимаетъ его колѣни*). Если ты покинешь меня, хотя на одинъ часъ, то я не переживу, сойду съ ума, мой изумительный, великолѣпный, мой повелитель...

Тригоринъ. Сюда могутъ войти (*помогаетъ ей встать*).

Аркадина. Пусть, я не стыжусь моей любви къ тебѣ (*цѣлуетъ ему руки*). Сокровище мое, отчаянная голова, ты хочешь безумствовать, но я не хочу, не пушу... (*смѣется*). Ты мой... ты мой... И этотъ лобъ мой, и глаза мои, и эти прекрасные шелковистые волосы тоже мои... Ты весь мой. Ты такой талантливый, умный, лучший изъ всѣхъ теперешнихъ писателей, ты единственная надежда Россіи... У тебя столько искренности, простоты, свѣжести, здороваго юмора... Ты можешь однимъ штрихомъ передать главное, что характерно для лица или пейзажа, люди у тебя, какъ живые. О, тебя нельзя читать безъ восторга! Ты думаешь, это еміамъ? Я лышу? Ну, посмотри мнѣ въ глаза... посмотри... Похожа я на лгунью? Вотъ и видишь, я одна умѣю цѣнить тебя; одна говорю тебѣ правду, мой милый, чудный... Поѣдешь? Да? Ты меня не покинешь?..

Тригоринъ. У меня нѣтъ своей воли... У меня никогда не было своей воли... Вялый, рыхлый, всегда покорный —

неужели это может правиться женщинѣ? Бери меня, увози, но только не отпуская отъ себя ни на шагъ...

Аркадина (*про себя*). Теперь онъ мой (*развязно, какъ ни въ чемъ не бывало*). Впрочемъ, если хочешь, можешь остаться. Я уѣду сама, а ты прѣдешь потомъ, черезъ недѣлю. Въ самомъ дѣлѣ, куда тебѣ спѣшить?

Тригоринъ. Нѣтъ, ужъ поѣдемъ вмѣстѣ.

Аркадина. Какъ хочешь. Вмѣстѣ, такъ вмѣстѣ... (*пауза*).

(*Тригоринъ записываетъ въ книжку*).

Аркадина. Что ты?

Тригоринъ. Утромъ слышалъ хорошее выраженіе: «Дѣвичій боръ...» Пригодится (*потягивается*). Значить, ѣхать? Опять вагоны, станціи, буфеты, отбивныя котлеты, разговоры...

Шамраевъ (*входитъ*). Имѣю честь съ прискорбіемъ заявить, что лошади поданы. Пора уже, многоуважаемая, ѣхать на станцію; поѣздъ приходитъ въ два и пять минутъ. Такъ вы же, Ирина Николаевна, сдѣлайте милость, не забудьте навести справочку: гдѣ теперь актеръ Суздальцевъ? Живъ ли? Здоровъ ли? Вмѣстѣ пивали когда-то... Въ «Ограбленной почтѣ» игралъ неподражаемо... Съ нимъ тогда, помню, въ Елисаветградѣ служилъ трагикъ Измайловъ, тоже личность замѣчательная... Не торопитесь, многоуважаемая, пять минутъ еще можно. Разъ въ одной мелодрамѣ они играли заговорщиковъ, и, когда ихъ вдругъ накрыли, то надо было сказать: «Мы попали въ западню», а Измайловъ—«Мы попали въ запендю»... (*хохочетъ*). Запендю!.. (*пока онъ говоритъ, Яковъ хлопочетъ около чемодановъ, юрничная приноситъ Аркадиной шляпу, манто, зонтикъ, перчатки; все помогаютъ Аркадиной одѣться. Изъ лѣвой двери выглядываетъ поваръ, который немного погодя входитъ нерышительно. Входитъ Полина Андреевна, потомъ Соринъ и Медвѣденко*).

Полина Андреевна (*съ корзиночкой*). Вотъ вамъ сливъ на дорогу... Очень сладкія. Можетъ, захотите полакомиться...

Аркадина. Вы очень добры, Полина Андреевна.

Полина Андреевна. Прощайте, моя дорогая! Если чтѣ было не такъ, то простите (*плачетъ*).

Аркадина (*обнимаетъ ее*). Все было хорошо, все было хорошо. Только вотъ плакать не нужно.

Полина Андреевна. Время наше уходитъ!

Аркадина. Что же дѣлать!

Соринъ *(въ пальто съ пелериной, въ шляпѣ, съ палкой, выходитъ изъ лѣвой двери; проходя черезъ комнату)*. Сестра, пора, какъ бы не опоздать, въ концѣ концовъ. Я иду садиться *(уходитъ)*.

Медвѣденко. А я пойду пѣшкомъ на станцію... провожать. Я живо... *(уходитъ)*

Аркадина. До свиданья, мои дорогіе... Если будемъ живы и здоровы, лѣтомъ опять увидимся... *(горничная, Яковъ и поваръ цѣлуютъ у нея руку)*. Не забывайте меня *(подаетъ повару рубль)*. Вотъ вамъ рубль на троихъ.

Поваръ. Покорнѣйше благодаримъ, барыня. Счастливой вамъ дороги! Много вами довольны!

Яковъ. Дай Богъ часъ добрый!

Шамраевъ. Письмецомъ бы осчастливили! Прощайте, Борисъ Алексѣвичъ!

Аркадина. Гдѣ Константинъ? Скажите ему, что я уѣзжаю. Надо проститься. Ну, не поминайте лихомъ *(Якову)*. Я дала рубль повару. Это на троихъ.

(Всѣ уходятъ вправо. Сцена пуста. За сценой шумъ, какой бываетъ, когда провожаютъ. Горничная возвращается, чтобы взять со стола корзину со сливами, и опять уходитъ).

Тригоринъ *(возвращаясь)*. Я забылъ свою трость. Она, кажется, тамъ на террасѣ *(идетъ и у лѣвой двери встрѣчается съ Ниной, которая входитъ)*. Это вы? Мы уѣзжаемъ...

Нина. Я чувствовала, что мы еще увидимся *(возбужденно)*. Борисъ Алексѣвичъ, я рѣшила безповоротно, жребій брошенъ, я поступаю на сцену. Завтра меня уже не будетъ здѣсь, я ухожу отъ отца, покидаю все, начинаю новую жизнь... Я уѣзжаю, какъ и вы... въ Москву. Мы увидимся тамъ.

Тригоринъ *(оглянувшись)*. Остановитесь въ «Славянскомъ Базарѣ...» Дайте мнѣ тотчасъ же знать... Молчановка, домъ Грохольскаго... Я тороплюсь... *(пауза)*.

Нина. Еще одну минуту...

Тригоринъ *(вполголоса)*. Вы такъ прекрасны... О, какое счастье думать, что мы скоро увидимся! *(она склоняется къ нему на грудь)*. Я опять увижу эти чудные глаза, невыразимо прекрасную, нѣжную улыбку... эти кроткія черты,

выраженіе ангельской чистоты... Дорогая моя... (*продолжительный поцѣлуй*).

Занавѣсъ.

Между третьимъ и четвертымъ дѣйствіемъ проходить два года.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Одна изъ гостинныхъ въ домѣ Сорина, обращенная Константиномъ Треплевымъ въ рабочій кабинетъ. Направо и налѣво двери, ведущія во внутренніе покои. Прямо стеклянная дверь на террасу. Кромѣ обычной гостиной мебели, въ правомъ углу письменный столъ, возлѣ лѣвой двери турецкій диванъ, шкапъ съ книгами, книги на окнахъ, на стульяхъ. — Вечеръ. Горитъ одна лампа подѣ колпакомъ. Полу-мракъ. Слышно, какъ шумятъ деревья и воетъ вѣтеръ въ трубахъ. Стучитъ сторожъ. Медвѣденко и Маша входятъ.

Маша (окликаетъ). Константинъ Гаврилычъ! Константинъ Гаврилычъ! (*осматриваясь*). Нѣтъ никого. Старикъ каждую минуту все спрашиваетъ, гдѣ Костя, гдѣ Костя... Жить безъ него не можетъ...

Медвѣденко. Бойся одиночества (*прислушиваясь*). Какая ужасная погода! Это уже вторыя сутки.

Маша (припускаетъ огня въ лампѣ). На озерѣ волны. Громадныя.

Медвѣденко. Въ саду темно. Надо бы сказать, чтобы сломали въ саду тотъ театръ. Стоить голый, безобразный, какъ скелетъ, и занавѣсъ отъ вѣтра хлопаютъ. Когда я вчера вечеромъ проходилъ мимо, то мнѣ показалось, будто кто въ немъ плакалъ.

Маша. Ну, вотъ... (*пауза*).

Медвѣденко. Поѣдемъ, Маша, домой.

Маша (качаетъ отрицательно головой). Я здѣсь останусь ночевать.

Медвѣденко (умоляюще). Маша, поѣдемъ! Нашъ ребенокъ, небось, голодень.

Маша. Пустыки. Его Матрена покормить (*пауза*).

Медвѣденко. Жалко. Уже третью ночь безъ матери.

Маша. Скучный ты сталъ. Прежде, бывало, хоть пофилософствуешь, а теперь все ребенокъ, домой, ребенокъ, домой—и больше отъ тебя ничего не услышишь.

Медвѣденко. Поѣдемъ, Маша.

Маша. Поѣзжай самъ.

Медвѣденко. Твой отецъ не дастъ мнѣ лошади.

Маша. Дастъ. Ты попроси, онъ и дастъ.

Медвѣденко. Пожалуй, попрошу. Значить, ты завтра приѣдешь?

Маша (*нюхаетъ табакъ*). Ну, завтра. Присталь...
(*Входятъ Треплевъ и Полина Андреевна; Треплевъ принесъ подушки и одѣяло, а Полина Андреевна постельное бѣлье; кладутъ на турецкій диванъ, затѣмъ Треплевъ идетъ къ своему столу и садится*).

Маша. Зачѣмъ это, мама?

Полина Андреевна. Петръ Николаевичъ просилъ постлатъ ему у Кости.

Маша. Давайте, я... (*постилаетъ постель*).

Полина Андреевна (*вздохнувъ*). Старый, что малый... (*подходитъ къ письменному столу и, облокотившись, смотритъ въ рукопись; пауза*).

Медвѣденко. Такъ я пойду. Прощай, Маша (*цѣлуетъ ужены руку*). Прощайте, мамаша (*хочетъ цѣловать руку у тещи*).

Полина Андреевна (*досадливо*). Ну! Иди съ Богомъ.

(*Треплевъ молча подаетъ руку; Медвѣденко уходитъ*).

Полина Андреевна (*глядя въ рукопись*). Никто не думалъ и не гадалъ, что изъ васъ, Костя, выйдетъ настоящій писатель. А вотъ, слава Богу, и деньги стали вамъ присылать изъ журналовъ (*проводитъ рукой по его волосамъ*). И красивый сталъ... Милый Костя, хорошій, будьте поласковѣе съ моей Машенькой!..

Маша (*постилая*). Оставьте его, мама.

Полина Андреевна (*Треплеву*). Она славненькая (*пауза*). Женщинѣ, Костя, ничего не нужно, только взгляни на нее ласково. По себѣ знаю.

(*Треплевъ встаетъ изъ-за стола и молча уходитъ*).

Маша. Вотъ и разсердили. Надо было приставать!

Полина Андреевна. Жалко мнѣ тебя, Машенька.

Маша. Очень нужно!

Полина Андреевна. Сердце мое за тебя переболѣло. Я вѣдь все вижу, все понимаю.

Маша. Все глупости. Безнадежная любовь — это только въ романахъ. Пустяки. Не нужно только распускать себя и все чего-то ждать, ждать у моря погоды... Разъ въ сердцѣ

завелась любовь, надо ее вонъ. Вотъ обѣщали перевести мужа въ другой уѣздъ. Какъ переѣдемъ туда,—все забуду... съ корнемъ изъ сердца вырву.

(Черезъ дверь комнаты играютъ меланхолическій вальсъ).

Полина Андреевна. Костя играетъ. Значить, тоскуетъ.

Маша *(дѣлаетъ безшумно два-три тура вальса)*. Главное, мама, передъ глазами не видѣть. Только бы дали моему Семену переводъ, а тамъ, повѣрьте, въ одинъ мѣсяць забуду. Пустяки все это.

(Открывается лѣвая дверь, Дорнъ и Медвѣденко катятъ въ кресль Сорина).

Медвѣденко. У меня теперь въ домѣ шестеро. А мукъ семь гривенъ пудъ.

Дорнъ. Вотъ тутъ и вертись.

Медвѣденко. Вамъ хорошо смѣяться. Денегъ у васъ куры не клюютъ.

Дорнъ. Денегъ? За тридцать лѣтъ практики, мой другъ, безпокойной практики, когда я не принадлежалъ себѣ ни днемъ, ни ночью, мнѣ удалось скопить только двѣ тысячи, да и тѣ я прожилъ недавно за границей. У меня ничего нѣтъ.

Маша *(мужу)*. Ты не уѣхалъ?

Медвѣденко *(виновато)*. Что-жь? Когда не дають лошади!

Маша *(съ горькой досадой, вполголоса)*. Глаза бы мои тебя не видѣли!

(Кресло останавливается въ лѣвой половинѣ комнаты; Полина Андреевна, Маша и Дорнъ садятся возль. Медвѣденко, опечаленный, отходитъ въ сторону).

Дорнъ. Сколько у васъ переѣздовъ, однако! Изъ гостиной сдѣлали кабинетъ.

Маша. Здѣсь Константину Гаврилычу удобнѣе работать. Онъ можетъ, когда угодно, выходить въ садъ и тамъ думать.

(Стучитъ сторожъ).

Соринъ. Гдѣ сестра?

Дорнъ. Поѣхала на станцію встрѣчать Тригорина. Сейчасъ вернется.

Соринъ. Если вы нашли нужнымъ выписать сюда сестру, значить, я опасно боленъ *(помолчавъ)*. Вотъ исторія, я опасно боленъ, а между тѣмъ мнѣ не дають никакихъ лѣкарствъ.

Дорнъ. А чего вы хотите? Валеріановыхъ капель? Сода? Хины?

Соринъ. Ну, начинается философія. О, что за наказаніе!
(*кивнувъ головой на диванъ*). Это для меня послано?

Полина Андреевна. Для васъ, Петръ Николаевичъ.

Соринъ. Благодарю васъ.

Дорнъ (*напѣваетъ*). «Мѣсяць плыветъ по ночнымъ небесамъ»...

Соринъ. Вотъ хочу дать Костѣ сюжетъ для повѣсти. Она должна называться такъ: «Человѣкъ, который хотѣлъ». «L'homme qui a voulu». Въ молодости когда-то хотѣлъ я сдѣлаться литераторомъ — и не сдѣлался; хотѣлъ красиво говорить — и говорилъ отвратительно (*дразнитъ себя*): «и все и все такое, того, не того»... и, бывало, резюме везешь, везешь, даже въ потъ ударить; хотѣлъ жениться — и не женился; хотѣлъ всегда жить въ городѣ — и вотъ кончаю свою жизнь въ деревнѣ и все.

Дорнъ. Хотѣлъ стать дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ — и сталъ.

Соринъ (*смѣется*). Къ этому я не стремился. Это вышло само собою.

Дорнъ. Выражать недовольство жизнью въ шестьдесятъ два года, согласитесь, — это не великодушно.

Соринъ. Какой упрямецъ. Поймите, жить хочется!

Дорнъ. Это легкомысліе. По законамъ природы всякая жизнь должна имѣть копецъ.

Соринъ. Вы разсуждаете, какъ сытый человѣкъ. Вы сыты и потому равнодушны къ жизни, вамъ все равно. Но умирать и вамъ будетъ страшно.

Дорнъ. Страхъ смерти — животный страхъ... Надо подавлять его. Сознательно боятся смерти только вѣрующіе въ вѣчную жизнь, которымъ страшно бываетъ своихъ грѣховъ. А вы, во-первыхъ, невѣрующій, во-вторыхъ — какіе у васъ грѣхи? Вы 25 лѣтъ прослужили по судебному вѣдомству — только всего.

Соринъ (*смѣется*). 28...

(*Входитъ Треплевъ и садится на скамеечку у ногъ Сорина. Маша все время не отрываетъ отъ него глазъ*).

Дорнъ. Мы мѣшаемъ Константину Гавриловичу работать.

Треплевъ. Нѣтъ, ничего.

(*Пауза*).

Медвѣденко. Позвольте васъ спросить, докторъ, какой городъ за границей вамъ больше понравился?

Дорнъ. Генуя.

Треплевъ. Почему Генуя?

Дорнъ. Тамъ превосходная уличная толпа. Когда вечеромъ выходишь изъ отеля, то вся улица бываетъ запержена народомъ. Движешься потомъ въ толпѣ безъ всякой цѣли, туда-сюда, по ломанной линіи, живешь съ нею вмѣстѣ, сливаешься съ нею психически и начинаешь вѣрить, что въ самомъ дѣлѣ возможна одна міровая душа, въ родѣ той, которую когда-то въ вашей пьесѣ играла Нина Зарѣчная. Кстати, гдѣ теперь Зарѣчная? Гдѣ она и какъ?

Треплевъ. Должно-быть, здорова.

Дорнъ. Мнѣ говорили, будто она повела какую-то особенную жизнь. Въ чемъ дѣло?

Треплевъ. Это, докторъ, длинная исторія.

Дорнъ. А вы покорооче (*пауза*).

Треплевъ. Она убѣжала изъ дому и сошлась съ Тригоринымъ. Это вамъ извѣстно?

Дорнъ. Знаю.

Треплевъ. Былъ у нея ребенокъ. Ребенокъ умеръ. Тригоринъ разлюбилъ ее и вернулся къ своимъ прежнимъ привязанностямъ, какъ и слѣдовало ожидать. Впрочемъ, онъ никогда не покидалъ прежнихъ, а, по безхарактерности, какъ-то ухитрился и тутъ и тамъ. Насколько я могъ понять изъ того, что мнѣ извѣстно, личная жизнь Нины не удалась совершенно.

Дорнъ. А сцена?

Треплевъ. Кажется, еще хуже. Дебютировала она подъ Москвой въ дачномъ театрѣ, потомъ уѣхала въ провинцію. Тогда я не упускалъ ея изъ виду и нѣкоторое время куда она, туда и я. Бралась она все за большія роли, но играла грубо, безвкусно, съ завываніями, съ рѣзкими жестами. Бывали моменты, когда она талантливо вскрикивала, талантливо умирала, но это были только моменты.

Дорнъ. Значить, все-таки есть талантъ?

Треплевъ. Понять было трудно. Должно-быть, есть. Я ее видѣлъ, но она не хотѣла меня видѣть, и прислуга не пускала меня къ ней въ номеръ. Я понималъ ея настроеніе и не настаивалъ на свиданіи (*пауза*). Что же вамъ еще сказать? Потомъ я, когда уже вернулся домой, получалъ отъ нея письма. Письма умныя, теплыя, интересныя; она не жаловалась, но я чувствовалъ, что она глубоко несчастна;

что ни строчка, то больно, натянутый нервъ. И воображеніе немного разстроено. Она подписывалась Чайкой. Въ «Русалкѣ» мельникъ говорить, что онъ воронъ, такъ она въ письмахъ все повторяла, что она чайка. Теперь она здѣсь.

Дорнъ. То-есть какъ, здѣсь?

Треплевъ. Въ городѣ, на постояломъ дворѣ. Уже дней пять, какъ живетъ тамъ въ номерѣ. Я-было поѣхалъ къ ней, и вотъ Марья Ильинична ѣздила, но она никого не принимаетъ. Семенъ Семеновичъ увѣряетъ, будто вчера послѣ обѣда видѣлъ ее въ полѣ, въ двухъ верстахъ отсюда.

Медвѣденко. Да, я видѣлъ. Шла въ ту сторону, къ городу. Я поклонился, спросилъ, отчего не идетъ къ намъ въ гости. Она сказала, что придетъ.

Треплевъ. Не придетъ она (*пауза*). Отецъ и мачеха не хотятъ ее знать. Вездѣ разставили сторожей, чтобы даже близко не допускать ее къ усадьбѣ (*отходитъ съ докторомъ къ письменному столу*). Какъ легко, докторъ, быть философомъ на бумагѣ, и какъ это трудно на дѣлѣ!

Соринъ. Прелестная была дѣвушка.

Дорнъ. Что-съ?

Соринъ. Прелестная, говорю, была дѣвушка. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Соринъ былъ даже въ нее влюбленъ нѣкоторое время.

Дорнъ. Старый ловелась.

(*Слышенъ смѣхъ Шамраева*).

Полина Андреевна. Кажется, наши пріѣхали со станціи...

Треплевъ. Да, я слышу маму.

(*Входитъ Аркадина, Тригоринъ, за ними Шамраевъ*).

Шамраевъ (*входя*). Мы всѣ старѣемъ, вывѣтриваемся, подъ вліяніемъ стихій, а вы, многоуважаемая, все еще молоды... Свѣтлая кофточка, живость... грація...

Аркадина. Вы опять хотите спазить меня, скучный человекъ.

Тригоринъ (*Сорину*). Здравствуйте. Петръ Николаевичъ! Что это вы все хвораете? Не хорошо! (*увидавъ Машу, радостно*). Марья Ильинична!

Маша. Узнали? (*жметъ ему руку*).

Тригоринъ. Замужемъ?

Маша. Давно.

Тригоринъ. Счастливы? (*раскланивается съ Дорномъ и съ Медвѣденкомъ, потомъ нерешительно подходитъ къ Тре-*

плесу). Ирина Николаевна говорила, что вы уже забыли старое и перестали гнѣваться.

(Треплевъ протягиваетъ ему руки).

Аркадина *(сыну)*. Вотъ Борисъ Алексѣевичъ привезъ журналъ съ твоимъ новымъ рассказомъ.

Треплевъ *(принимая книгу, Тригорину)*. Благодарю васъ. Вы очень любезны *(садятся)*.

Тригоринъ. Вамъ шлютъ поклонъ ваши почитатели... Въ Петербургѣ и въ Москвѣ вдобще заинтересованы вами и меня все спрашиваютъ про васъ. Спрашиваютъ: какой онъ, сколько лѣтъ, брюнетъ или блондинъ. Думаютъ все почему-то, что вы уже не молоды. И никто не знаетъ вашей настоящей фамилии, такъ какъ вы печатаетесь подъ псевдонимомъ. Вы таинственны, какъ Желѣзная маска.

Треплевъ. Надолго къ намъ?

Тригоринъ. Нѣтъ, завтра же думаю въ Москву. Надо. Тороплюсь кончить повѣсть, и затѣмъ еще обѣщаль дать что-нибудь въ сборникъ. Однимъ словомъ—старая исторія.

(Пока они разговариваютъ, Аркадина и Полина Андреевна ставятъ среди комнаты ломберный столъ и раскрываютъ его; Шамраевъ зажигаетъ свѣчи, ставитъ стулья. Достаютъ изъ шкапа лото).

Тригоринъ. Погода встрѣтила меня неласково. Вѣтеръ жестокій. Завтра утромъ, если утихнетъ, отправлюсь на озеро удить рыбу. Кстати надо осмотрѣть садъ и то мѣсто, гдѣ—помните?—играли вашу пьесу. У меня созрѣлъ мотивъ, надо только возобновить въ памяти мѣсто дѣйствія.

Маша *(отцу)*. Папа, позволь мужу взять лошадь! Ему нужно домой.

Шамраевъ *(дразнитъ)*. Лошадь... домой... *(строго)*. Сама видѣла: сейчасъ послали на станцію. Не гонять же опять.

Маша. Но вѣдь есть другія лошади... *(видя, что отецъ молчитъ, машетъ рукой)*. Съ вами связываться...

Медвѣденко. Я, Маша, пѣшкомъ пойду. Право...

Полина Андреевна *(вздохнувъ)*. Пѣшкомъ, въ такую погоду... *(садится за ломберный столъ)*. Пожалуйте, господа.

Медвѣденко. Вѣдь всего только шесть верстъ... Прощай... *(цѣлуетъ жену руку)*. Прощайте, мамаша *(теща нехотя протягиваетъ ему для поцѣлуя руку)*. Я бы никого не беспокоилъ, но ребеночекъ... *(кланяется всѣмъ)*. Прощайте... *(уходитъ; походка виноватая)*.

Шамраевъ. Небось, дойдетъ. Не генераль.

Полина Андреевна (*стучитъ по столу*). Пожалуйте, господа. Не будемъ терять времени, а то скоро ужинать позовутъ.

(*Шамраевъ, Маша и Дорнъ садятся за столъ*).

Аркадина (*Тригорину*). Когда наступаютъ длинные осенніе вечера, здѣсь играютъ въ лото. Вотъ взгляните: старинное лото, въ которое еще играла съ нами покойная мать, когда мы были дѣтьми. Не хотите ли до ужина сыграть съ нами партію? (*садится съ Тригоринимъ за столъ*). Игра скучная, но если привыкнуть къ ней, то ничего (*сдаетъ вѣзмъ по три карты*).

Треплевъ (*перелистывая журналъ*). Свою повѣсть прочелъ, а мой даже не разрѣзалъ (*кладетъ журналъ на письменный столъ, потомъ направляется къ лѣвой двери; проходя мимо матери, цѣлуетъ ее въ голову*).

Аркадина. А ты, Костя?

Треплевъ. Прости, что-то не хочется... Я пройдуся (*уходитъ*).

Аркадина. Ставка—гривенникъ. Поставьте за меня, докторъ.

Дорнъ. Слушаю-съ.

Маша. Всѣ поставили? Я начинаю... Двадцать два!

Аркадина. Есть.

Маша. Три!..

Дорнъ. Такъ-съ.

Маша. Поставили три? Восемь! Восемьдесятъ одинъ! Десять!

Шамраевъ. Не спѣши.

Аркадина. Какъ меня въ Харьковѣ принимали, батюшки мои, до сихъ поръ голова кружится!

Маша. Тридцать четыре!

(*За сценой играютъ меланхолическій вальсъ*).

Аркадина. Студенты овацію устроили... Три корзины, два вѣнка и вотъ... (*снимаетъ съ груди брошь и бросаетъ на столъ*)...

Шамраевъ. Да, это вещь...

Маша. Пятьдесятъ!..

Дорнъ. Ровно пятьдесятъ?

Аркадина. На мнѣ былъ удивительный туалетъ... Что-что, а ужъ одѣться я не дура.

Полина Андреевна. Костя играетъ. Тоскуетъ, бѣдный.

Шамраевъ. Въ газетахъ бранятъ его очень.

Маша. Семьдесятъ семь!

Аркадина. Охота обращать вниманіе.

Тригоринъ. Ему не везетъ. Все никакъ не можетъ попасть

въ свой настоящій тонъ. Что-то странное, неопредѣленное, порой даже похожее на бредъ. Ни одного живого лица.

Маша. Одиннадцать!

Аркадина (*омянувшись на Сорина*). Петруша, тебѣ скучно? (*пауза*). Спать.

Дорнъ. Спать дѣйствительный статскій совѣтникъ.

Маша. Семь! Девяносто!

Тригоринъ. Если бы я жилъ въ такой усадьбѣ, у озера, то развѣ я сталъ бы писать? Я поборолъ бы въ себѣ эту страсть и только и дѣлалъ бы, что удиль рыбу.

Маша. Двадцать восемь!

Тригоринъ. Поймалъ ерша или окуня—это такое блаженство!

Дорнъ. А я вѣрю въ Константина Гаврилыча. Что-то есть. Что-то есть! Онъ мыслить образами, рассказы его красочны, ярки, и я ихъ сильно чувствую. Жаль только, что онъ не имѣетъ опредѣленныхъ задачъ. Производитъ впечатлѣніе, и больше ничего, а вѣдь на одномъ впечатлѣніи далеко не уѣдешь. Ирина Николаевна, вы рады что у васъ сынъ писатель?

Аркадина. Представьте, я еще не читала. Все некогда.

Маша. Двадцать шесть!

(Треплевъ тихо входитъ и идетъ къ своему столу).

Шамраевъ (*Тригорину*). А у насъ, Борисъ Алексѣевичъ, осталась ваша вещь.

Тригоринъ. Какая?

Шамраевъ. Какъ-то Константинъ Гаврилычъ застрѣшилъ чайку, и вы поручили мнѣ заказать изъ нея чучело.

Тригоринъ. Не помню (*раздумывая*). Не помню!

Маша. Шестидесять шесть! Одинъ!

Треплевъ (*распахиваетъ окно, прислушивается*). Какъ темно! Не понимаю, отчего я испытываю такое безпокойство.

Аркадина. Костя, закрой окно, а то дуетъ.

(Треплевъ закрываетъ окно).

Маша. Восемьдесятъ восемь!

Тригоринъ. У меня партія, господа.

Аркадина (*весело*). Bravo! bravo!

Шамраевъ. Bravo!

Аркадина. Этому человѣку всегда и вездѣ везетъ (*встаетъ*). А теперь пойдѣте закусить чего-нибудь. Наша знаменитость не обѣдала сегодня. Послѣ ужина будемъ продолжать (*сѣту*). Костя, оставь свои рукописи, пойдѣмъ ѣсть.

Треплевъ. Не хочу, мама, я сытъ.

Аркадина. Какъ знаешь (*будитъ Сорина*). Петруша, ужинать! (*береть Шамрасва подъ руку*). Я расскажу вамъ, какъ меня принимали въ Харьковѣ...

(*Полина Андреевна тушитъ на столъ свѣчи, потомъ она и Доризъ катятъ кресло. Вся уходитъ въ лѣвую дверь; на сценѣ остается одинъ Треплевъ за письменнымъ столомъ*).

Треплевъ (*собирается писать; пробѣгаетъ то, что уже написано*). Я такъ много говорилъ о новыхъ формахъ, а теперь чувствую, что самъ мало-по-малу сползаю къ рутинѣ (*читаетъ*). «Афиша на заборѣ гласила... Блѣдное лицо, обрамленное темными волосами»... Гласила, обрамленное... Это бездарно (*зачеркиваетъ*). Начну съ того, какъ героя разбудилъ шумъ дождя, а остальное все вонь. Описание луннаго вечера длинно и изысканно. Тригоринъ выработалъ себѣ приемы, ему легко... У него на плотинѣ блестятъ горлышко разбитой бутылки и чернѣетъ тѣнь отъ мельничнаго колеса—вотъ и лунная почъ готова, а у меня и трепещущій свѣтъ, и тихое мерцаніе звѣздъ, и далекіе звуки рояля, замирающіе въ тихомъ ароматномъ воздухѣ... Это мучительно (*пауза*). Да, я все больше и больше прихожу къ убѣжденію, что дѣло не въ старыхъ и не въ новыхъ формахъ, а въ томъ, что человѣкъ пишетъ, не думая ни о какихъ формахъ, пишетъ, потому что это свободно лется изъ его души (*кто-то стучитъ въ окно, ближайшее къ столу*). Что такое? (*глядитъ въ окно*). Ничего не видно... (*отворяетъ стеклянную дверь и смотритъ въ садъ*). Кто-то пробѣжалъ внизъ по ступенямъ (*окликаетъ*). Кто здѣсь? (*уходитъ; слышно, какъ онъ быстро идетъ по террасѣ; черезъ полминуты возвращается съ Ниной Зарьичной*). Нина! Нина!

(*Нина кладетъ ему голову на грудь и сдержанно рыдаетъ*).

Треплевъ (*растроганный*). Нина! Нина! Это вы... вы... Я точно предчувствовалъ, весь день душа моя томилась ужасно (*снимаетъ съ нея шляпу и тальму*). О, моя добрая, моя непаглядная, она пришла! Не будемъ плакать, не будемъ.

Нина. Здѣсь есть кто-то.

Треплевъ. Никого.

Нина. Заприте двери, а то войдутъ.

Треплевъ. Никто не войдетъ.

Нина. Я знаю, Ирина Николаевна здѣсь. Заприте двери...
Треплевъ (*закрываетъ правую дверь на ключъ, подходитъ къ лѣвой*). Тутъ нѣтъ замка. Я заставлю кресломъ (*ставитъ у двери кресло*). Не бойтесь, никто не войдетъ.

Нина (*пристально глядитъ ему въ лицо*). Дайте, я посмотрю на васъ (*оглядываясь*). Тепло, хорошо... Здѣсь тогда была гостипая. Я сильно измѣнилась?

Треплевъ. Да... Вы похудѣли и у васъ глаза стали больше. Нина, какъ-то странно, что я вижу васъ. Отчего вы не пускали меня къ себѣ? Отчего вы до сихъ поръ не приходили? Я знаю, вы здѣсь живете уже почти недѣлю... Я каждый день ходилъ къ вамъ по нѣскольку разъ, стоялъ у васъ подъ окномъ, какъ нищій.

Нина. Я боялась, что вы меня ненавидите. Мнѣ каждую ночь все снится, что вы смотрите на меня и не узнаете. Если бы вы знали! Съ самаго прїѣзда я все ходила тутъ... около озера. Около вашего дома была много разъ и не рѣшалась войти. Давайте, сядемъ (*сидятся*). Сядемъ и будемъ говорить, говорить. Хорошо здѣсь, тепло, уютно. Слышите—вѣтеръ? У Тургенева есть мѣсто: «Хорошо тому, кто въ такія ночи сидитъ подъ кровомъ дома, у кого есть теплый уголь». Я—чайка... Нѣтъ, не то (*третъ себѣ лобъ*). О чемъ я? Да... Тургеневъ... «И да поможетъ Господь всѣмъ безпріютнымъ скитальцамъ»... Ничего (*рыдаетъ*).

Треплевъ. Нина, вы опять... Нина!

Нина. Ничего, мнѣ легче отъ этого... Я уже два года не плакала. Вчера поздно вечеромъ я пошла посмотреть въ саду, цѣлъ ли нашъ театръ. А онъ до сихъ поръ стоитъ. Я заплакала въ первый разъ послѣ двухъ лѣтъ и у меня отлегло, стало яснѣе на душѣ. Видите, я уже не плачу (*беретъ его за руку*). Итакъ, вы стали уже писателемъ... Вы писатель, я—актриса... Попали и мы съ вами въ круговоротъ... Жила я радостно, по-дѣтски—проснешься утромъ и запоешь; любила васъ, мечтала о славѣ, а теперь? Завтра рано утромъ ѣхать въ Елецъ въ третьемъ классѣ... съ мужиками, а въ Ельцѣ образованные кушцы будутъ приставать съ любезностями. Груба жизнь!

Треплевъ. Зачѣмъ въ Елецъ?

Нина. Взяла ангажементъ на всю зиму. Пора ѣхать.

Треплевъ. Нина, я проклиналъ васъ, ненавидѣлъ, рвалъ ваши письма и фотографіи, но каждую минуту я сознавалъ,

что душа моя привязана къ вамъ навѣки. Разлюбить васъ я не въ силахъ, Нина. Съ тѣхъ поръ, какъ я потерялъ васъ и началъ печататься, жизнь для меня невыносима,— я страдаю... Молодость мою вдругъ какъ оторвало, и мнѣ кажется, что я уже прожилъ на свѣтѣ девяносто лѣтъ. Я зову васъ, цѣлую землю, по которой вы ходили; куда бы я ни смотрѣлъ, всюду мнѣ представляется ваше лицо, эта ласковая улыбка, которая свѣтила мнѣ въ лучшіе годы моей жизни...

Нина (*растерянно*). Зачѣмъ онъ такъ говоритъ, зачѣмъ онъ такъ говоритъ?

Треплевъ. Я одинокъ, не согрѣтъ ничьей привязанностью, мнѣ холодно, какъ въ подземельѣ, и, что бы я ни писалъ, все это сухо, черство, мрачно. Оставайтесь здѣсь, Нина, умоляю васъ, позвольте мнѣ уѣхать съ вами!

(*Нина быстро одѣваетъ шляпу и пальму*).

Треплевъ. Нина, зачѣмъ? Бога ради, Нина... (*смотритъ, какъ она одѣвается; пауза*).

Нина. Лошади мои стоятъ у калитки. Не провожайте, я сама дойду... (*сквозь слезы*). Дайте воды...

Треплевъ (*даетъ ей напитокъ*). Вы куда теперь?

Нина. Въ городъ (*пауза*). Ирина Николаевна здѣсь?

Треплевъ. Да... Въ четвергъ дядѣ было не хорошо, мы ей телеграфировали, чтобы она пріѣхала.

Нина. Зачѣмъ вы говорите, что цѣловали землю, по которой я ходила? Меня надо убить (*склоняется къ столу*). Я такъ утомилась! Отдохнуть бы... Отдохнуть! (*поднимаетъ голову*). Я — чайка... Не то. Я — актриса. Ну, да! (*улыбавъ смѣхъ Аркадиной и Тригорина, прислушивается, потомъ бѣжитъ къ лѣвой двери и смотритъ въ замочную скважину*). И онъ здѣсь... (*возвращаясь къ Треплеву*). Ну, да... Ничего... Да... Онъ не вѣрилъ въ театръ, все смѣялся, надъ моими мечтами, и мало-по-малу я тоже перестала вѣрить и пала духомъ... А тутъ заботы любви, ревность, постоянный страхъ за маленькаго... Я стала мелочною, ничтожною, играла бессмысленно... Я не знала, что дѣлать съ руками, не умѣла стоять на сценѣ, не владѣла голосомъ. Вы не понимаете этого состоянія, когда чувствуешь, что играешь ужасно. Я — чайка. Нѣтъ, не то... Помните, вы подстрѣлили чайку? Случайно пришелъ человекъ, увидѣлъ и отъ нечего дѣлать погубилъ... Сюжетъ для неболь-

ного рассказа... Это не то... (*третъ себя лобъ*). О чемъ я?... Я говорю о сценѣ. Теперь ужъ я не такъ... Я уже настоящая актриса, я играю съ наслажденіемъ, съ восторгомъ, пьянью на сценѣ и чувствую себя прекрасной. А теперь, пока живу здѣсь, я все хожу пѣшкомъ, все хожу и думаю, думаю и чувствую, какъ съ каждымъ днемъ растутъ мои душевныя силы... Я теперь знаю, понимаю, Костя, что въ нашемъ дѣлѣ — все равно, играемъ мы на сценѣ или пишемъ — главное не слава, не блескъ, не то, о чемъ я мечтала, а умѣнье терпѣть. Умѣй нести свой крестъ и вѣруй. Я вѣрую, и мнѣ не такъ больно, и, когда я думаю о своемъ призваніи, то не боюсь жизни.

Треплевъ (*печально*). Вы нашли свою дорогу, вы знаете, куда идете, а я все еще ношусь въ хаосѣ грезъ и образовъ, не зная, для чего и кому это нужно. Я не вѣрую и не знаю, въ чемъ мое призваніе.

Нина (*прислушиваясь*). Тсс... Я пойду. Прощайте. Когда я стану большою актрисой, прїѣзжайте взглянуть на меня. Общаете? А теперь... (*жметъ ему руку*). Уже поздно. Я еле на ногахъ стою... я истощена, мнѣ хочется ѣсть...

Треплевъ. Останьтесь, я дамъ вамъ поужинать...

Нина. Нѣтъ, нѣтъ... Не провожайте, я сама дойду... Лошади мои близко... Значитъ, она привезла его съ собою? Что-жъ, все равно. Когда увидите Тригорина, то не говорите ему ничего... Я люблю его. Я люблю его даже сильнѣе, чѣмъ прежде... Сюжетъ для небольшого рассказа... Люблю люблю страстно, до отчаянія люблю. Хорошо было прежде, Костя! Помните? Какая ясная, теплая, радостная, чистая, жизнь, какія чувства, — чувства, похожія на нѣжные, изящныя цвѣты... Помните?... (*читаетъ*). «Люди, львы, орлы и куропатки, рогатыя олени, гуси, пауки, молчаливыя рыбы, обитавшія въ водѣ, морскія звѣзды и тѣ, которыхъ нельзя было видѣть глазомъ — словомъ, всѣ жизни, всѣ жизни, всѣ жизни, совершивъ печальный кругъ, угасли. Ужъ тысячи вѣковъ, какъ земля не носитъ на себѣ ни одного живого существа, и эта бѣдная луна напрасно зажигаетъ свой фонарь. На лугу уже не просыпаются съ крикомъ журавли, и майскихъ жуковъ не бываетъ слышно въ липовыхъ рощахъ»...

(*Обнимаетъ порывисто Треплева и убѣгаетъ въ стеклянную дверь*).

Треплевъ (послѣ паузы). Не хорошо, если кто-нибудь встрѣтитъ ее въ саду и потомъ скажетъ мамѣ. Это можетъ огорчить маму...

(Въ продолженіе двухъ минутъ молча рветъ съ свои ручки и бросаетъ подѣ столъ, потомъ оттираетъ правую дверь и уходитъ).

Дорнъ (стараясь отворить лѣвую дверь). Странно. Дверь какъ будто занерта... (входитъ и ставитъ на мѣсто кресло). Скачка съ препятствіями.

(Входятъ Аркадина, Полина Андреевна, за ними Яковъ съ бутылками и Маиа, потомъ Шамраевъ и Тригоринъ).

Аркадина. Красное вино и пиво для Бориса Алексѣевича ставьте сюда, на столъ. Мы будемъ играть и пить. Давайте садиться, господа.

Полина Андреевна (Якову). Сейчасъ же подавай и чай (зажимаетъ съичи, садится за ломберный столъ).

Шамраевъ (подводитъ Тригорина къ шкапу). Вотъ вещь, о которой я давеча говорилъ... (достаетъ изъ шкапа чучело чайки). Вашъ заказъ.

Тригоринъ (глядя на чайку). Не помню! (подумавъ). Не помню!

(Направо за сценой выстрѣлъ; всѣ вздрагиваютъ).

Аркадина (испуганно). Что такое?

Дорнъ. Ничего. Это, должно-быть, въ моей походной аптекѣ что-нибудь лопнуло. Не беспокойтесь (уходитъ въ правую дверь, черезъ полминуты возвращается). Такъ и есть. Лопнула стеклянка съ эфиромъ (напѣваетъ). «Я вновь предъ тобою стою очарованъ»...

Аркадина (сидя за столъ). Фу! я испугалась. Это мнѣ напомнило, какъ... (закрываетъ лицо руками). Даже въ глазахъ потемнѣло...

Дорнъ (перелистывая журналъ, Тригорину). Тутъ мѣсяца два назадъ была напечатана одна статья... письмо изъ Америки, и я хотѣлъ васъ спросить, между прочимъ... (беретъ Тригорина за талию и отводитъ къ рамнѣ)... такъ какъ я очень интересуюсь этимъ вопросомъ... (тономъ ниже, вполголоса). Уведите отсюда куда-нибудь Ирину Николаевну. Дѣло въ томъ, что Константинъ Гавриловичъ застрѣлился...

Занавѣсъ.

Оглавленіє

ХІІІ ТОМА.

	СТР.		СТР.
Медвѣдь. (Шутка въ одномъ дѣйствіи)	5	(Драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи).	99
Предложеніе. (Шутка въ одномъ дѣйствіи)	21	Трагикъ по неволѣ. (Шутка въ одномъ дѣйствіи)	109
Ивановъ (Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ)	37	Чайка. (Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ)	117
Лебединая пѣсня (Калхасъ).			

INSTYTUT
BADAŃ LINGWISTYCZNYCH
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 74
Tel. 26-68-63

F

24.113/
13-14